

10.335/
1961/2

4

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

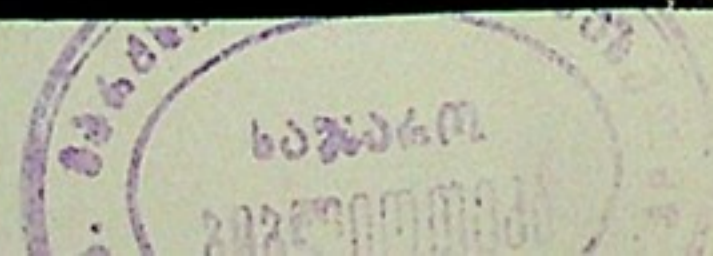
1961

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

ШАХТЕР

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания пятый

67.006

79

С О Д Е Р Ж А Н И Е

МЕДЕЯ КАХИДЗЕ. Край родной. Стихи.	3
КОНСТАНТИН ЛОРДКИПАНИДЗЕ. Калотубанская невеста. Из цикла «Волшебный камень».	5
ХУТА БЕРУЛАВА. Долорес Ибаррури в Тбилиси. У памятника Адама Мицкевича. Стихи.	15
МИХАИЛ ДЖАВАХИШВИЛИ. Судьба женщины. Роман. Продолжение.	17
КАЛЕ БОБОХИДЗЕ. Памяти Патриса Лумумбы. Стихи.	48
СЕРГО ПХАКАДЗЕ. На улице Орпири. Быль.	49

ПУБЛИЦИСТИКА

ВАРЛАМ ЭСАИАШВИЛИ. По советам великого Ленина.	52
--	----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ. Жизнь, история, литература. Статья первая.	55
---	----

ВЕЛИКОЕ СЕМИЛЕТИЕ

НИКОЛАЙ ВНУК. Огненных дел мастера. Очерк.	70
--	----

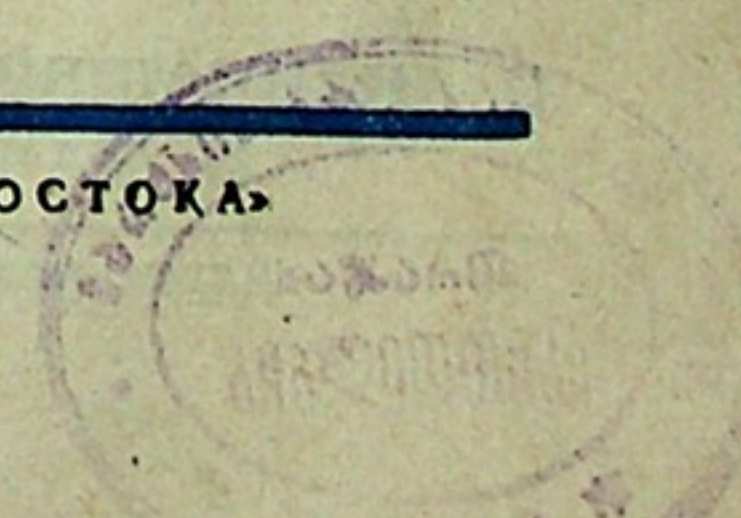
ИСКУССТВО

ЭТЕРИ ДУМБАДЗЕ. Хранительница сокровищ.	78
---	----

4

АПРЕЛЬ

1961

СРЕДИ КНИГ

Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ — Человек с авторучкой и его ответственность; Б. БАХТАДЗЕ — Новый труд по истории русской литературы; Вл. ТАТИШВИЛИ — Повесть о пламенном революционере; Г. ВАЙС — Молодой уверенный голос; М. ЛОХВИЦКИЙ — Первая книга. . . . . 85—94

За редактора А. КУТЕЛИЯ.

Редакционная коллегия:

Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗАВЕРИН, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ,
В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

Медея Кахидзе

Кра́й родно́й

Волшебный аромат
Земли родной,
И облака далекие,
Как детство...
Зовете вы!
И каждую весной
Стремится к вам
Взволнованное сердце!

О край родной!
Заставишь ты забыть
Все горести,
                    печали
                    и заботы...

И вновь я буду
Аромат твой пить
Душистый, словно мед
В весенних сотах.

Босой девчонкой
Буду вновь бродить
Я по росе,
Блестящей перламутром,

И песнями веселыми
Будить
Покой и тишь
Задумчивого утра.

О край родной!
Как синь твоя ясна!
Такое небо
Где найдешь другое?!
Лишь только вспыхнет
Зеленую весна,
Срастусь листочком
Я с твоей листвою!

...А небо без огня
В огне горит,
Как будто бы на углях
Греет кеци¹.
И парни обещают подарить
Мне ясный месяц
И впридачу...
Сердце.

¹ Кеци — глиняная сковорода

Пылает
Раскаленная заря.
Звенит зурна
В веселом ритме пляски.
А женщины
О ведьмах говорят,
По-прежнему,
Как в детстве,
Веря в сказки.

О край родной!
Луга твои зовут
Напиться
Пьяным клеверным настоем...

Как птица,
Улетевшая на юг,
Стремлюсь к тебе
Я каждую весною.

И я, наверное,
Умру когда-нибудь
В пути к тебе,
Мой отчий край чудесный,
Как птица,
На лету прервав свой путь
И не допев
Своей последней песни!

Перевод с грузинского
Ю. Анохина.

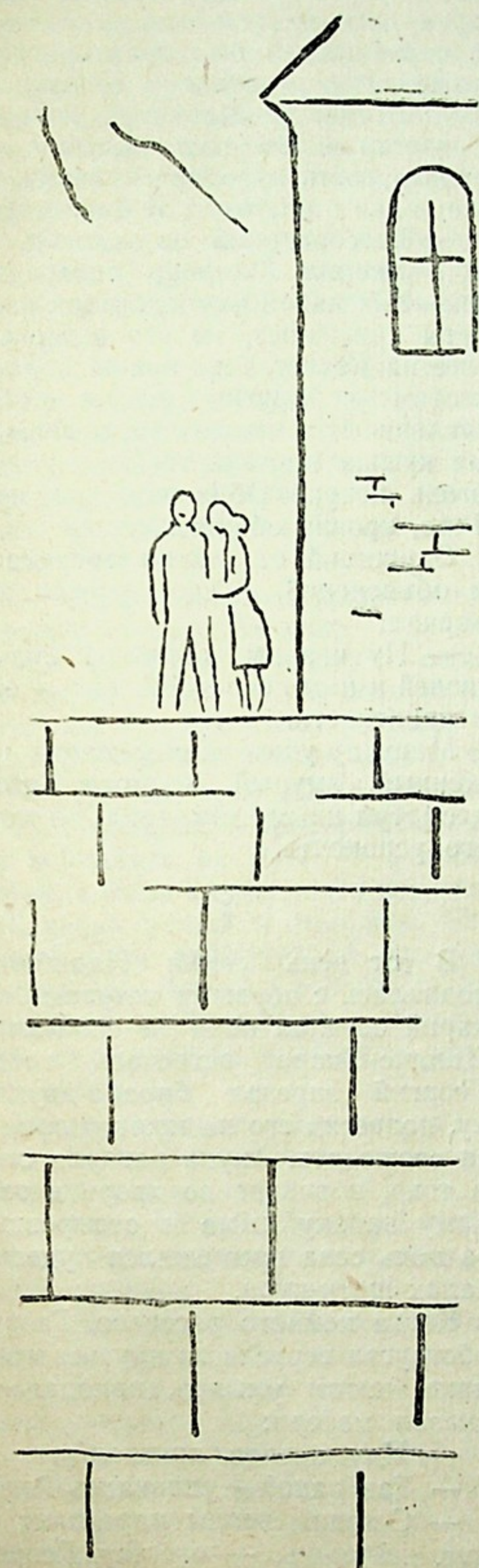
КАЛОТУБАНСКАЯ НЕВЕСТА

Из цикла „Волшебный камень“

Перевод с грузинского
Эм. Фейгина

Рис. З. Церетели

1

Леван и Гогола виделись теперь ежедневно — начался сбор винограда, и вся молодежь Калотубани помогала виноградарям собирать небывалый урожай. Но в саду Гогола бывала не одна, и Леван лишь украдкой улыбался ей. В этой улыбке было столько ласки и любви, что девушка смущалась, теряла свою обычную смелость и даже произнести «Здравствуй!» стоило ей большого труда.

— Что с тобой, дурочка? — шепнула чересчур догадливая Нино своей подруге, когда они вдруг столкнулись с Леваном у арбы, доверху наполненной виноградом.

— А что? — встревожилась Гогола.

— А то, что горишь ты, девочка. Увидела его и...

— Отстань! — сердито оборвала ее Гогола и, подхватив порожнюю корзину, быстро отошла от арбы.

— Постой, Гогола, от этого не убежишь, — догнав подругу, сказала Нино. — Только нельзя так краснеть при всем честном народе. Признайся, любишь его?

— Замолчи! И не стыдно тебе? Услышат...

Но разве толстушку Нино заставишь замолчать.

— Эх, вот, оказывается, как оно

приходит... А я, несчастная, сохну без любви, — вздохнула Нино, но в этом вздохе было столько невинного притворства, что поверить в ее несчастье было просто невозможно.

— Погоди, еще полюбишь. Сердце ведь позволения не спрашивает, — с неожиданной грустью сказала Гогола.

— Ой ли, — развела руками Нино. — Такие парни за мной ухаживают... но я что-то не краснею и не бледнею при встрече с ними. Прохожу мимо и все... Видно, не суждено мне полюбить.

— Что-то не похожа ты на старую деву, — усмехнулась Гогола. И немного погодя, когда уже слышались голоса сборщиц, взяла Нино за руку и, волнуясь, попросила:

— Смотри, никому ни слова. Как сестру родную прошу. Я сама еще не знаю, что со мной делается. Кажется мне, что я сейчас во сне живу.

2

Кончается сбор винограда — начинаются свадьбы. И многие калотубанцы были уверены, что этой осенью они погуляют и на свадьбе Левана и Гоголы. Но тут, как назло, нежданно-негаданно отец Гоголы Манучар обидел семью Надибаидзе. Дружные прежде соседи рассорились.

Накануне Октябрьского праздника в Калотубани приехали украинские колхозники. Председатель сельсовета Тедо Хелашвили и по сей день без содрогания не может вспомнить, что творилось в нашей тихой Калотубани, когда решался простой как будто вопрос — в чьих домах будут размещены гости. Каждый калотубанец хотел принять у себя гостя и горячо оспаривал свое право на это.

— Поймите, люди добрые, я же не волшебник, чтобы семнадцать гостей разделить на двести хозяев. Из одного человека ведь десять не сделаешь. При всем желании. В дру-

гой раз у тебя погостят, — успокаивал Хелашвили своих односельчан. Но кто его слушал! Жалобам и обидам конца не было. Больше всех горячились хозяйка дома Надибаидзе — Анука и отец Гоголы — Манучар. Ануке не могли отказать — в числе гостей был тракторист, с которым соревновался ее старший сын Леван. А Манучару хотелось привести в дом гостя потому, что, «когда гость отворяет калитку, даже колья в плетне, и те зацветают».

— Бессовестный ты человек, Тедо, — укорял Манучар председателя. — Как какой фотографик из газеты приезжает, ты его ведешь ко мне на ночлег. А таким дорогим гостям в других домах постели стелешь. Что, по-твоему, в моем доме крыша протекает? Или в очаге огонь потух? Обижаешь ты меня, Тедо, кровно обижаешь.

Охрипший от долгих пререканий и объяснений, Тедо устало проворчал:

— Ну что им стоило побольше людей к нам послать! А так — одни неприятности.

Манучар ушел из сельсовета обиженный, хмурый, и даже Гогола, несмотря на все старания, не могла его успокоить.

3

В тот день семья Надибаидзе поднялась с первыми петухами. Захарий оседлал коня и поехал в Циплис-Цкаро встречать гостей. Георгий зарезал барана-двухлетку, подвесил его на крюк и принялся свежевать. Анука раздула огонь в тонэ, и вскоре во дворе к терпкому запаху дыма и отсыревшего за ночь сена примешался чудесный запах шоти-пури.

Когда немного рассвело, Георгий обстругал вертела из прутьев орешника, потом умылся, приделся и сказал матери:

— Иду певцов приглашать.

— Так рано? — удивилась Анука.

— Сегодня певцы нарасхват будут. Видишь, — ответил Георгий.

указывая на соседние дворы. То тут, то там пузатые тонэ выбрасывали в серое небо жаркое пламя.

В полдень у развалин старой крепости показалась машина. Анука оправила платье, обтерла концом головного платка губы и распахнула калитку. Большой запыленный автомобиль стремительно промчался по узкой тенистой улице, между живыми изгородями и, миновав усадьбу Ануки, остановился у дома Угрехелидзе.

Манучар, в черкеске с белыми газырями, проворно соскочил с машины и велел выбежавшей навстречу жене:

— Собаку привяжи, Магдана!

Из машины вышли гости: молодой человек, одетый по-городскому — в шляпе и светлом пальто, и грузный усатый мужчина в новеньких, начищенных до блеска хромо-вых сапогах.

— Прошу в дом, дорогие гости, — громко сказал Манучар.

На его голос выглянули соседи, и Ануке стало не по себе оттого, что она так поспешно открыла калитку — и вот осталась ни с чем.

— Где же мой Захарий? Вечно он опаздывает, — пробормотала она и поднялась на бугор у крепости, откуда были видны почти все калотубанские улицы и проулки. Собаки с лаем выскакивали навстречу машинам. Что-то весело кричали детишки, но больше ни одна машина не завернула в сторону старой крепости.

Анука постояла немного, вздохнула и, не дождавись мужа, вернулась в дом.

А через полчаса Захарий, осадив у калитки взмокшего жеребца, весело крикнул:

— Ну как, хозяйка, гостей голодом не уморила?

— Каких гостей? Где гости? — всполошилась Анука.

— Ты что, Анука, шутишь? Разве Манучар не привез моих гостей?

— Манучар? — изменилась в лице Анука.

— Ну да! Я попросил его проводить гостей до моего дома, сам усадил их в машину.

— Значит, это были наши гости?

— Что ты говоришь, Анука? Ничего не понимаю!

— А что тут понимать! Вот где твои гости, — показала она на дом Манучара. — Заманил их к себе этот негодник. Ты что же, своих гостей сам не мог привезти?

— Мы в правлении новый соцдоговор составляли. Завтра подписывать будем. Задержал меня Гогоу, на беду мою. И-эх! — огорченно хлопнул себя по лбу Захарий и сошел с коня. Минуты две он стоял задумавшись и теребил бороду. И вдруг тихо рассмеялся. Анука вспыхнула.

— Смеешься?

— Над собственной глупостью смеюсь, женщина. Разве умный человек доверит гостя имеретину? Золотых людей ему в руки отдал. А что ему оставалось делать? Повел к себе. Так мне, старому дураку, и надо!

Анука молча повернулась, схватила ведро с водой и плеснула на раскаленные угли. На них должны были жарить шашлык. Захарий только крякнул, и, пожалуй, семейная ссора закончилась бы на этом, да лукавый еще раз попутал Захария. Ничего не сказав жене, он послал Манучару большой кувшин лучшего своего вина.

Анука узнала об этом наутро, когда Гогола вернула пустую посуду.

— Отец вам очень благодарен, тетя Анука. Наши гости сказали, что в жизни не пили такого вина.

Как видно, Захарий через край хватил. Терпению Ануки пришел конец. Она подождала, пока Гогола ушла, и набросилась на мужа.

— Ты что же, окончательно спятил? Как ты мог послать вино похитителю моих гостей!

— Да пойми же, — оправдывался захваченный врасплох Захарий, — в такое время не смотрят, что мое, что твое. Они ведь гости

всего нашего колхоза, а не мои только или Манучара. Сама знаешь — Манучар у нас новый поселенец, виноградник у него молодой, где ему взять хорошего вина. Ты что, хочешь, чтобы он перед нашими гостями осрамился? Нет, милая, его позор — позор всей деревни.

Долго еще убеждал и успокаивал Захарий жену, но она только хмурилась, и когда с усадьбы Угрехелидзе донеслась застольная песня, Анука набросила на голову полшалак и ушла к своей двоюродной сестре Кетеван, живущей на другом конце Калотубани.

4

Не в характере Ануки Надибаидзе было прощать обиды. Она не могла и не хотела помириться с семьей Манучара. Она перестала отвечать на приветствия Магданы и при случае поминала всех Угрехелидзе недобрым словом. Магдана обычно отмалчивалась, не хотела ссориться с соседкой, но, как говорят калотубанцы, — «дырявый бурдюк вина не держит».

...Ранней весной Анука начала работать поварихой в бригаде Дубова. Жена Надибаидзе умела хорошо стряпать, — варила ли она хинкали или готовила чабанскую каурму — пальцы, бывало, оближешь. Поэтому трактористы и прицепщики с нетерпением ожидали появления знакомой двуколки. Однажды старая лошадевка забрела куда-то, и Анука долго искала ее. Лишь к вечеру повариха сумела накормить людей. Возвращалась она домой в полной темноте. Подъезжая к Соленому озеру, Анука услышала рокот трактора. Где-то поблизости пахали. Но сколько повариха ни всматривалась в темноту, она ничего не увидела. Анука удивилась, что тракторист работает с выключенными фарами. Насколько она знала, у Соленого озера никто из бригады Дубова не должен был сегодня работать. А может, после полудня что-нибудь измени-

лось в бригадном графике и не успели предупредить повариху?

«Надо накормить парня», — подумала Анука и свернула с дороги. Усталая лошадь с трудом брела по распаханному полю. Анука соскочила с двуколки и стала чекать аробную тропу. В безлунную ночь Ширакская степь хуже леса — коли сбился с дороги, так лучше сиди на месте и жди рассвета, не то заедешь к черту на кулички. На десятки километров вокруг ни деревца, ни межевого столба, ни речушки. Не за что глазу зацепиться — ничто не подскажет, где ты находишься.

Анука долго плутала по черной, мягкой, как бурка, пахоте, пока не выехала на дорогу. Вскоре она привела Ануку на заброшенное буйволиное пастбище, где недавно отвели новым поселенцам приусадебные участки. Вот здесь и работал трактор с потушенным светом. Анука сразу почуяла что-то неладное и хотела повернуть лошадь, но тракторист остановил машину и окликнул:

— Эй, кто там?

Анука, пожалуй, не отозвалась бы — не любила она вмешиваться в чужие дела, но как на грех признала тракториста по голосу и не стерпела.

— Благодарю бога, Алексей, что я не твой бригадир, негодник ты этакий!

— Тетя Анука, — паренек подбежал к двуколке, — не сердись на меня.

— Кому пашешь? — строго спросила Анука.

— Дато Канчашвили.

— Да-а! Хорошего батрака нашел себе Дато.

— А что мне делать, тетя Анука? — пожаловался тракторист. — Начальство приказало.

— А где твоя совесть? Потерял? И не стыдно тебе! Как вор, в темноте копошишься, свет потушил, от людей прячешься. А ну, говори, кто тебя сюда послал?

Парень замаялся, помолчал, но

утаить правду от Ануки Надибандзе не решился.

— Лекашвили приказал.

— Гоча? Зять Манучара?

— Да, — шумно вздохнул парень.

Анука не раз слышала о том, что заместитель директора МТС Гоча Лекашвили, пользуясь служебным положением, посылает трактористов обрабатывать приусадебные участки своих многочисленных родичей.

Анука попрощалась с трактористом в самом хорошем настроении. Еще бы! Зять Манучара попался с поличным. Хороши они оба: один гостей ворует у соседей, другой государство обманывает. Ничего, выведу вас на чистую воду!

Анука взмахнула хворостиной, и старая лошаденка, недовольно фыркнув, затрусилась нешибкой рысью по заросшей бурьяном дороге. В двуколке задрезжали бидоны. У Соколиного оврага дорогу перебежал шакал, лошадь шарахнулась в сторону, Анука едва удержалась на сиденье и очень больно ушибла колено.

«Вот и наказание за мои грешные мысли, — усмехнулась Анука. — Конечно, жулика надо наказать. Тут спора нет. Но не от меня это должно исходить... Люди сейчас моей правде не поверят, скажут: наговаривает Анука, обиделась на семью Манучара, вот и мстит».

Анука решила молчать. Она и дома ничего не сказала — ни мужу, ни сыновьям. Но не зря говорят: волк ли тебя задерет, либо похожая на волка собака — все одно.

Так оно и вышло.

Другие люди, без помощи поварихи, вскоре уличили Гоча Лекашвили в нечестных делах. И все же не убереглась Анука от неприятностей. Кто-то шепнул на ухо жене Манучара: «Это она, ваша соседка... Напугала бедного Алексея, и он все выболтал».

Магдана не стала разбираться,

что и как, только всплеснула руками и заголосила на всю деревню:

— Доносчица проклятая! Чтоб тебе света божьего не видеть!

— Успокойся, мама, разве так можно, — умоляла Гогола.

— Ты не учи меня! — обрушилась на нее Магдана. — Знаю, что у тебя на уме. Запомни: увижу тебя с Леваном — из дому выгоню! Не пожалею.

Гогола ничего не сказала. Девушке хотелось верить, что мать немного погорячится, поворчит и все забудет. Но вечером, когда Гогола собралась на репетицию драмкружка, Магдана вдруг преградила дочери дорогу и сорвала с нее платок.

— Не пуцу!

— Что ты, мама, я же подведу товарищей, завтра спектакль.

— С Леваном играть в одной пьесе ты не будешь! Слышала?

Что ж, слово матери в семье Угрехелидзе — закон.

За всю зиму девушка всего несколько раз виделась с Леваном, да и то на людях. И после каждой такой встречи Гоголе все труднее было покоряться воле матери.

А Леван совсем потерял покой. Не зная, что произошло в семье Угрехелидзе, он уверял себя, будто Гогола только играла с ним и потому так легко забыла о его существовании. Даже перестала ходить в те места, где они обычно встречались.

Было от чего прийти в отчаяние.

В середине июня Леван поехал в Тбилиси на совещание молодых передовиков сельского хозяйства. В вагоне было душно, ночной кахетинский поезд медленно, с одышкой взбирался на Баднаурское плоскогорье, в открытое окно степная непроглядная ночь швыряла больших зеленых стрекоз, они грузно шлепались на столик, на постель, и Леван, несмотря на духоту, решил закрыть окно.

— Стрекоз испугался! — сказал кто-то за его спиной.

Леван обернулся и увидел смею-

щуюся Гоголу. Она стояла между опущенными полками и обмахивала лицо смятым влажным платочком.

— Гогола! Ты что здесь делаешь?

— Ищу тебя по всем вагонам, — сразу призналась девушка.

— А может, не меня? — хмуро спросил Леван.

Нет, не это он хотел сказать. Но горькая обида опередила радость, и вот с языка сорвались слова, которых уже не вернешь.

— Может быть, — неожиданно подтвердила Гогола.

«Только бы не расплакаться сейчас! Какой он жестокий!» — подумала она, до боли прикусив губу.

— Садись... Чем тебя угостить? Холодного лимонада хочешь? — окончательно смутившись, предложил Леван.

— Спасибо, не хочу. Спокойной ночи, Леван! — сказала Гогола и быстро пошла по длинному, слабо освещенному коридору.

Леван бросился за ней.

— Прости меня, Гогола. Я камень неотесанный...

Левану еще многое надо было сказать, но в тамбур из соседнего вагона шумной гурьбой ввалились подвыпившие парни с гармоникой и доли.

— Я пойду, — сказала Гогола. — Если хочешь... приходи завтра пораньше на совещание.

— А ты там будешь?

— А как же. Кто же моих бедных буйволов защищать будет? — отшутилась Гогола и, слегка коснувшись горячими пальцами его руки, ушла в свой вагон.

5

Совещание закончилось вечером того же дня, и ширакские комсомольцы ночным поездом уехали домой. Леван и Гогола остались в Тбилиси. Еще два дня провели они в этом большом городе, где Гоголу никто не знал, кроме старенькой тети, у которой она остановилась, и нечего было опасаться, что

кто-нибудь скажет Магдане: «Твою дочь видели с Леваном Надибаидзе».

С утра до позднего вечера Гогола и Леван без всякой опаски ходили по шумным, нарядным улицам столицы, словно они и вправду были обручены.

Когда надоедало бродить по улицам, они заходили в магазины, рассматривали красивые вещи, приценивались, примеряли. Денег у них на такие покупки, конечно, не было. Но разве для счастья влюбленных нужна большая казна? Разве они не самые богатые люди на свете? Они только обменивались понимающими взглядами и, едва сдерживая смех, отходили от прилавка.

Но радость девушки все время омрачал какой-то смутный страх. Что, если Леван еще до отъезда в Калотубани сделает ей предложение? Она не хотела, чтобы самое важное в ее жизни решалось здесь, в незнакомом городе, среди чужих людей.

Сейчас, более чем когда-либо, жаждала она, чтобы где-то рядом были мать, сестры, Нино, чтобы хоть издали можно было видеть кровлю родного дома. Тогда не казалась бы она самой себе такой беззащитной.

В субботу днем они побывали на выставке грузинских художников, а к вечеру поднялись на гору святого Давида и долго стояли в пантеоне перед скорбящей бронзовой женщиной на могиле Чавчавадзе.

В парке на плато было многолюдно, и они с трудом нашли у самого обрыва незанятую скамью.

* * *

Пройдет немало времени, и Леван все будет помнить ночь на горе святого Давида, несказанное счастье первого поцелуя и робкий голос Гоголы:

— Пусти... Увидят!..

Отталкивала и не могла оттолкнуть губы Левана, уклонялась и не могла уклониться от его объятий.

Леван так ждал этого часа: сколько нежных и ласковых слов хранил для нее, а вот пришла пора — и все до единого забыл, кроме одного:

— Гогола, Гогола, — шептал он испуганной его бурным порывом девушке, прижимаясь щекой к ее внезапно похолодевшей щеке.

А далеко внизу сверкал бесчисленными огнями ночной Тбилиси, над трамвайными путями за Верийским мостом вспыхивали быстрые зарницы, где-то у Навтлуги протяжно перекликались паровозы.

Давно уже потушили огни в ресторане фуникулера, замолкла музыка, а Леван и Гогола все еще не могли наговориться. И самое удивительное, что они почти не слушали друг друга, говорили они оба разом, и если умолкал Леван, то умолкала и Гогола, — и тогда они слышали, как гулко билась в их сплетенных руках беспокойная кровь.

— Белый ангел среди черных дьяволов, — вдруг вспомнил Леван, как ласково называли Гоголу калотубанцы.

Гогола рассмеялась:

— Хорош ангел! Написанное не могла прочесть. Знаешь, как я волновалась... Убери руки, не то сейчас уйду... Я думала, что упаду с трибуны.

— Ты прекрасно говорила. Я даже позавидовал твоим буйволам. Подумал: все ласковые слова она потратит на них, что мне бедному останется?

— Смотри, Леван, поезд идет. Как он красив ночью...

— Это же наш, кахетинский!

— Правда? Ой, боже, как поздно! — воскликнула Гогола. — Скорей, скорей, Леван, — не оборачиваясь, крикнула девушка и стремительно побежала по тропе.

Они успели к последнему вагону фуникулера. Леван протянул деньги пожилой кассирше с посеревшим от усталости лицом.

— Два билета!

— С сегодняшнего дня влюбленных возим бесплатно, — с серьезным видом заявила кассирша и захлопнула окошко. Недоумевая и немного стесняясь, Леван и Гогола сели на свободную скамью и только на нижней станции узнали, что ехали в служебном вагоне.

Вот и знакомые ворота на улице Восьмого марта. Гогола заглянула во двор и покачала головой:

— Тетя не спит. Не пустит меня в дом.

— Вот и хорошо, если прогонит, — сорвалось у Левана.

Гогола быстро повернулась, горделиво вскинула голову, выпрямилась и насмешливо сказала:

— А ты хорошо посмотри на меня, парень! Разве таких выгоняют из дому?

Леван рванулся было, чтобы еще раз обнять эту удивительную девушку. Но она выскользнула из рук и бесшумно закрыла за собой калитку.

Идти к себе в гостиницу Левану не хотелось. Он долго бродил по спящему городу и даже заблудился в узких, кривых переулках старого Тбилиси, но это ничуть не обеспокоило его. Теперь он никуда не спешил. На сердце у него было легко и спокойно.

Он не знал, который час. Но когда по булыжной мостовой торопливо застучали копыта осликов и первые мацонщики в мохнатых шапках вынырнули из темноты, Леван понял, что скоро рассвет.

«Пойду к себе, посплю часок», — решил наконец Леван и, чтобы не сбиться с дороги, пошел по берегу Куры.

Он мог поклясться, что не искал сейчас этого дома! Но как бесконечно он обрадовался, когда увидел знакомую калитку. Леван присел на каменную ступеньку лестницы и закурил. К нему подошел ночной сторож, охранявший пивной ларек.

— Пора домой, гражданин. Все гуляки уже пошли спать.

— Немного отдохну и пойду, — сказал Леван.

— Смотри, не засни, а то без сапог останешься.

«Заснуть? Перед этим домом не то что сон, даже смерть не закроет мне глаза», — подумал Леван... И минуту спустя он так крепко и безмятежно спал, как не спал, наверное, с самого раннего детства.

Так, спящим, и застало его первое утро войны.

* * *

Во вторник, двадцать четвертого июня, Левана вызвали в военкомат и предложили немедленно выехать в Гори, где формировалась Грузинская дивизия.

В тот же день он передал трактор своему молодому напарнику и получил расчет. Потом попрощался с родственниками и близкими друзьями.

Приехал с триалетских пастбищ Георгий, чтобы проводить брата.

В полдень под старым орехом накрыли стол. Захарий вынес из дома большой турий рог, наполнил его вином и сказал:

— Ты у нас грамотный парень, Леван... Так я тебе один вопрос задам, хочу твой ответ послушать.

— Спрашивай, отец!

— Чем, по-твоему, человек отличается от животного?

Леван улыбнулся. «Чудит отец, что-то хочет на прощанье сказать, но, как всегда, начинает издалека».

— А ты не смейся, — хмуро сказал Захарий и посмотрел сыну прямо в глаза. Старик привык к тому, что сыновья понимают его с полуслова. — Я тебя серьезно спрашиваю.

— Это каждый школьник знает, отец. Помнишь, Георгий, как у Чавчавадзе сказано:

Тебя, мой вол,
бог создал бессловесным,
Меня же
даром речи наделил...

Захарий кивнул головой.

— Хорошо сказал наш поэт, но не все. Далеко не все, Леван. Животное стыда не имеет. А человек... Нет стыда и совести — нет человека. Так я понимаю.

Леван увидел, как дрогнул рог в руке старика и несколько капель красного вина упало на скатерть. Леван подошел к отцу. Они были почти одного роста — черноволосые, черноглазые, с одинаковым размахом плеч, и лицом были поразительно похожи. Это сходство доставляло старику огромную, правда, никогда не высказанную, радость.

— Не бойся, отец, — тихо сказал Леван. — Я все понял.

* * *

Гогола поджидала Левана у старой крепости. В Калотубани давно не было дождей, речка пересохла, и они, не замочив ног, перешли на другой берег. Земля была в трещинах, выгоревшая трава с хрустом ломалась под ногами, она остро пахла зноем, и только виноградные лозы, обрызганные медным купоросом, радовались этому жаркому солнцу.

— Постой, Гогола, куда ты спешишь, — сказал Леван.

Девушка остановилась и с грустью посмотрела на Левана.

«В самом деле, куда я спешу!».

Она несмело прижалась к его плечу.

— Ты не забудешь меня, Гогола?

Она ничего не ответила, только всхлипнула и отвернула лицо.

Леван не думал, что Гогола может плакать, как и всякая другая девушка. Он взял ее руку и стал перебирать тонкие, холодные пальцы, все время думая о том, что через несколько часов они должны будут расстаться. И никакая сила не может помешать этой разлуке.

— Ты будешь ждать меня, Гогола?

Гогола всей грудью повернулась к нему.

— Кого же мне еще ждать?

— Легко сказать... Кто знает, когда кончится война! Может, год пройдет, может, — два.

— Хоть двадцать! Разве могу я тебя забыть, любимый.

— Эх, Гогола! — Леван покачал головой. — Твоя мать моего имени слышать не хочет. Все делает, чтобы разлучить нас. А когда я буду там, на фронте, она тебя быстро выдаст замуж.

— За кого? — скупой улыбнулась Гогола. — Все хорошие парни уходят на войну, а за плохого... пожалеют меня.

— Тебя, может, пожалеют, а меня... Я знаю Магдану. Уеду — она все по-своему решит.

Он сказал это с такой горечью, что девушка снова заплакала. Почему он не верит ей? Она будет ждать, ждать, ждать... Она бросится в Алазани, если мать станет между нею и Леваном.

Но Леван не верит, что Магдана, упрямая и своевольная женщина, отступится от своего.

Леван выглядел сейчас таким расстроенным и беспомощным, что Гоголе стало нестерпимо жаль его. Но жалость — плохое утешение. И бедная девушка не знает, чем успокоить любимого человека, как заставить его поверить ей, ее словам, слезам ее. Как отпустить его туда с такой раной в сердце?

Она вдруг торопливо высвободила свою руку из руки Левана.

— Что с тобой, Гогола?

— Ничего, — ответила Гогола. Но Леван видел, что с девушкой что-то происходит.

— Подожди меня здесь, — сказала Гогола.

— Куда ты?

— Я сбегая домой, принесу паспорт.

— Паспорт?

— Тедо повенчает нас... Надо только застать его в сельсовете.

— Ты с ума сошла! — Он растерянно посмотрел на нее.

— Не сердись, милый. Все будет

хорошо. Я буду ждать тебя как жена... Как твоя жена.

Леван едва не заплакал, услышав эти слова. Вот она какая, Гогола Угрехелидзе! Сколько в ней мужества, бесстрашия. Сколько ей пришлось пережить и передумать за эти короткие мгновения, прежде чем она решила пойти наперекор своей матери, против своей семьи, сколько цепей она должна была порвать!

Ему стало стыдно за все недавние сомнения, и он порывисто обнял девушку.

— Моя любимая, моя храбрая Гогола!

Гогола безмолвно прижалась к груди юноши. Они стояли посреди поля, тесно обнявшись, и Гогола больше не боялась, что их кто-нибудь увидит. Потрясенный неожиданным решением девушки, Леван не находил слов и только целовал ее мокрые от слез глаза.

— Пусти меня, Леван. Я скоро вернусь и приведу Нино, а ты подожди нас в сельсовете.

— погоди, Гогола, дай мне немного подумать.

— Я уже все обдумала. Пусть мама теперь что хочет делает. Выгонит из дома — пускай выгоняет, я к вашим пойду. Думаешь, они не примут меня? Я хочу, чтобы ты уехал туда счастливым и спокойным. Пойми, что я твоя жена... Твоя...

Сердце Левана разрывалось. Много отдал бы он, услышав эти слова раньше, хотя бы неделю тому назад. Но сейчас Леван уходит на войну — не на гулянку. Кто знает, пощадит ли его вражья пуля. Имеет ли он право связать судьбу Гоголы со своей неверной солдатской судьбой? И, может быть, обречь ее на горькие вдовьи слезы! Только для того, чтобы успокоить свое расстроенное сердце? Нет, недостойно это мужчины из рода Надибаидзе. Милая Гогола, твои слова больше, чем бумажка из загса. Теперь я девять войн готов пройти!

Но девушке он ничего не сказал.

Они повернули обратно и пошли по вытоптанной отарами узкой тропе. Ключья овечьей шерсти висели на запыленных кустах дикого шиповника.

— Ты не передумала, Гогола? — спросил Леван, когда подошли к речке.

— Я дважды не клянусь, Леван.

Она быстро перешла по камням на другой берег, обернулась, что-то крикнула Левану, но он не слышал.

...Гогола даже не переоделась, она только переменяла туфли, которые запачкала, переходя речку, взяла паспорт, потом забежала к Нино и, не дав опомниться подруге, увлекла ее за собой.

Левана в сельсовете не было. Не было его и на площади в духане, где он обычно любил посидеть с братом и с отцом.

— А он уже уехал. Как раз автобус проходил, — сказал девушкам старый буфетчик Ваню.

• • •

Возвращались домой молча. Зажав в руке паспорт, Гогола медлен-

но шла рядом с подругой. Она казалась сейчас такой строгой и неприступной, что Нино ни о чем не посмела ее спросить. Добрая толстушка была совершенно сбита с толку. «Хоть бы слезу уронила! А то молчит и молчит», — сокрушалась она.

Так прошли они всю деревню, и только у старой крепости, где они должны были попрощаться, Нино не удержалась и сказала:

— Ничего не понимаю.

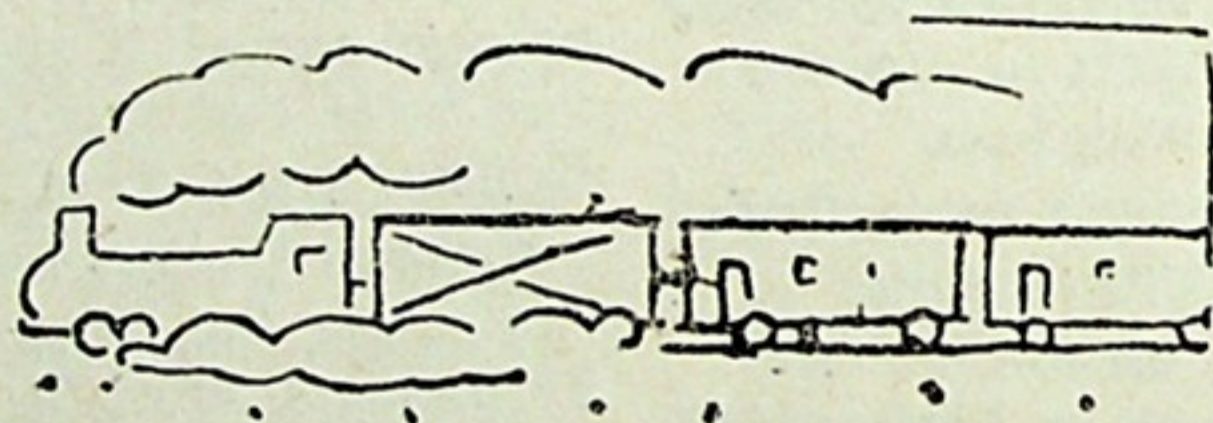
— Зато я понимаю.

Гогола остановилась и, приблизив к подруге бледное, уставшее лицо, горячо зашептала:

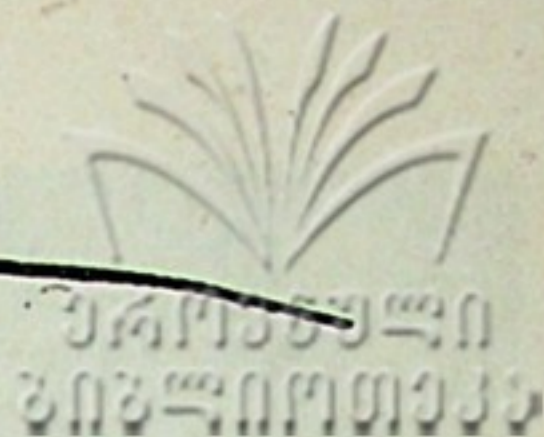
— Ты не знаешь, как он меня любит... Сто лет буду его ждать... Веришь, Нино, — сто лет...

Они еще немного постояли на холме. Ни одно окно не светило в Калотубани, на улицах не горели фонари, непроглядная темень поглотила степные деревни. Девушки испуганно прижались друг к другу.

Это была первая в их жизни ночь войны.

Хута Берулава

ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ В ТБИЛИСИ

Нет—

ни ветрам, ни перевалам горным,
Ни расстояньям, ни теченьям рек
Не удержать Мадрида голос скорбный,
А нам его не позабыть вовек.

Не позабыть, как просто, торопливо
Рвались на зов израненной страны
Мы, добровольцы первого призыва,
Испании далекие сыны.

И всей душою, всем гореньем с нею,
Как боя ожидающий солдат,
День уходил туда, за Пиренеи,
И не смотрел испуганно назад.

Гляжу, дивлюсь:

да неужели это
Копна волос, что пела и лилась?
Я согреваюсь ласковостью света
Твоих глубоких, материнских глаз.

Лишилась ты соратника и сына.
Твою всем сердцем чувствую тоску.
Хозе Диаса бережет Мтацминда.
Твой сын Рубен — на волжском берегу.

Хозе Диас! Он — как в земле родимой.
Испанцу — брат, грузину — побратим.
Несут цветы к могиле побратима.
Родные ветры плещутся над ним.

Любви прощальной нет конца и края.
Дожди и росы гранями горят.
О мужестве испанцев вспоминая,
Чинары по-грузински говорят.

Хозе Диас! Он может быть спокоен.
Вокруг стоит немая тишина...

Спит в Грузии свободы верный воин,
И в снах
ему Испания видна.

Ты наконец пришла к нему, Долорес,
Узнает он, очнувшись ото снов,
Из стольких голосов
твой грустный голос
И твой венок из тысячи венков.

А над могилой тишина такая,
Как будто мир торжественно молчит,
Прекрасного мгновенья ожидая,
Когда опять вернешься ты в Мадрид.

У ПАМЯТНИКА АДАМУ МИЦКЕВИЧУ

О том, как внезапны тяжелые мысли,
Кому расскажу и кого спрошу?
Едва уместаясь в огромном Тбилиси,
Сквозь говор и шум к Руставели спешу.

А в Польше — Мицкевич мне друга заменит;
К нему на поклон я, пришелец, приду.
Здесь тишь обитает, ход времени медлит,
Раздумья, как птицы, гнездятся в саду.

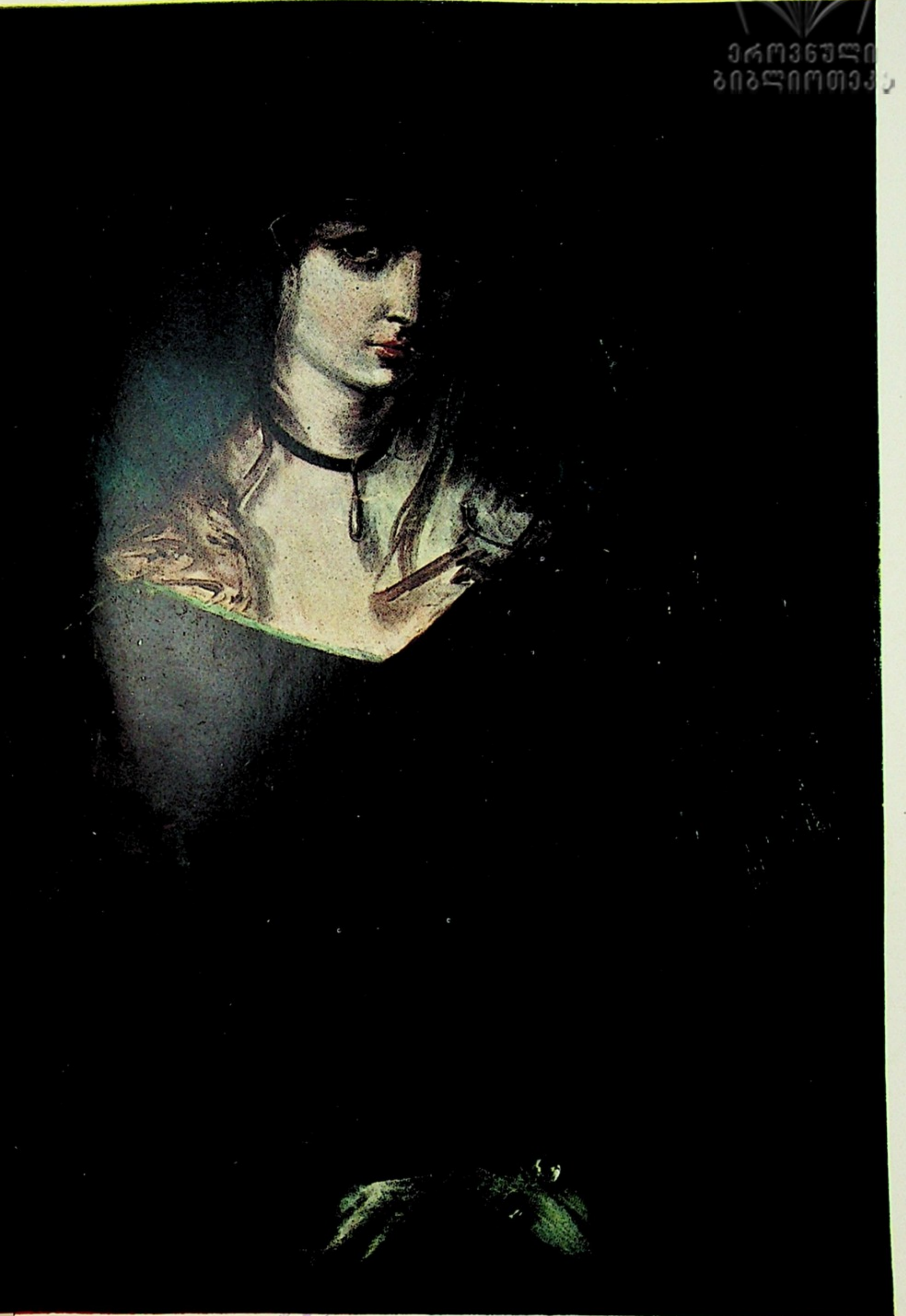
У ног твоих мне рассказали варшавцы:
Низвергнут был памятник с пьедестала.
Но судьбы поэтов народом вершатся —
И снова над новой Варшавою встал он.

К тебе подойду со словами привета.
Сомненья уйму, позабуду беду.
Поэт я.

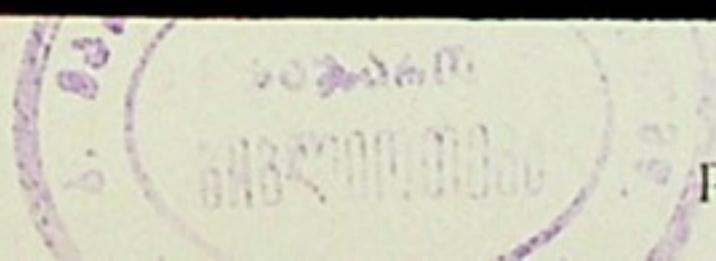
Шопен, не сердись на поэта!
Пойми — я сначала к поэту приду.

Перевод с грузинского
Валерия ТУРА.

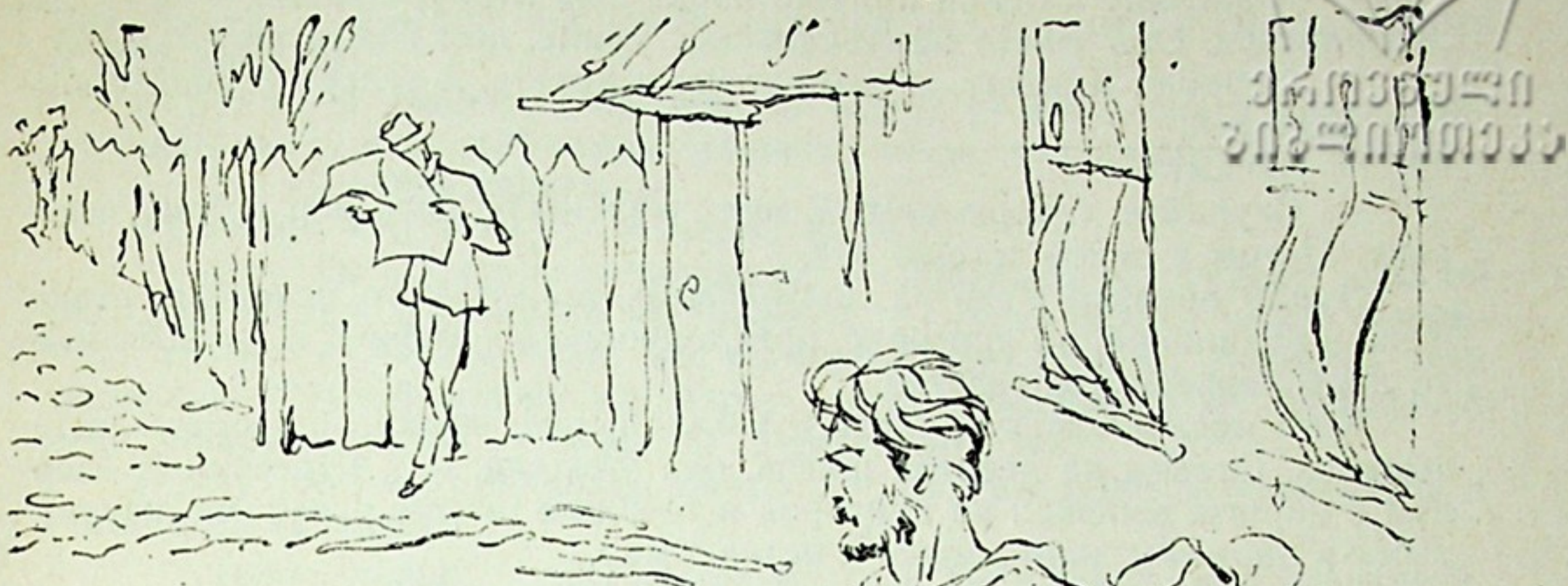

НИНО ЧАВЧАВАДЗЕ

Работы художницы Н. Янкошвили.

67.006

Михаил Джавахишвили

Судьба женщины

РОМАН

Продолжение

Перевод с грузинского
Э. Ананишвили

Рис. И. Гурро

— Не удивляйтесь! — ответил Зураб. — Не так уж редко случается, что художник и политик борются рядом.

Тем временем они добрались до маленького, ветхого домика, который и был им нужен.

К выносу тела они, однако, уже опоздали. Хвост похоронной процессии виднелся в дальнем конце улицы. Торжественно и гулко доносилось траурное пение: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...».

Здесь обрывалась городская окраина. Дальше тянулись пустыри.

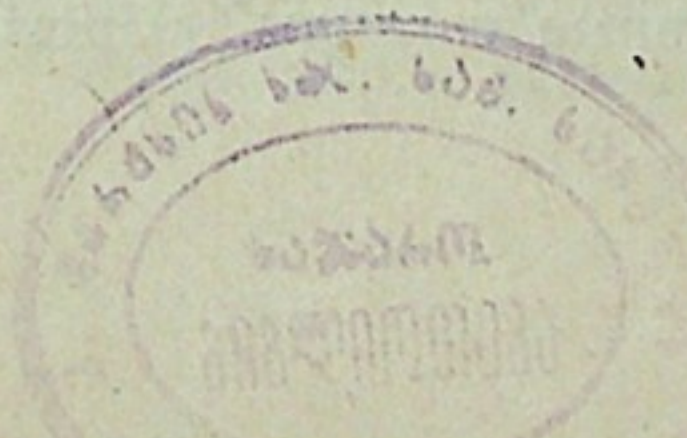
— Ну как, больше не думаете о сегодняшнем кровопролитии? — спросил Зураб.

— Совсем забыла о нем, — ответила с улыбкой Кето.

— Сегодня вечером, в девять часов состоится собрание одного из наших женских кружков. Хотите присутствовать?

— Разумеется, хочу! — обрадовалась Кето.

— На кладбище нам с вами придется расстаться. Скажите, где я вас найду вечером?

— Я загляну к одной приятельнице, Эло Шабуришвили, и буду там дожидаться. Она живет на Авчальской улице, дом номер восемьдесят.

— Хорошо. Я найду за вами ровно в девять. А теперь ступайте вперед. Быстрее!

— Зачем?

— Ступайте, говорю вам! У меня маленькое дело вон к тому человеку. Потом я опять догоню вас.

Зураб показал Кето на долговязого, белобрысого человека, стоявшего в отдалении, на пригорке, прислонившись к забору, и закрывавшего лицо развернутой газетой.

Кето послушалась приказа и ушла вперед, время от времени оглядываясь. Отойдя на десяток шагов, она увидела, как Гургенидзе, свернув с дороги, взбежал на пригорок и твердым шагом, с руками, засунутыми в карманы, направился к незнакомцу.

Заметив приближающегося Зураба, долговязый сложил газету и поспешно удалился в противоположном направлении. Через несколько мгновений он оглянулся, убедился, что Барс нагоняет его, и прибавил ходу, а потом побежал со всех ног и затерялся среди лошин и овражков.

Когда Зураб вернулся, Кето засыпала его вопросами.

— Кто это был? Почему убежал? И зачем вы погнались за ним?

— Это шпик. Увязался за мной с самого утра. На Эриванской площади мне удалось отделаться от него, но, как видите, не на долго. Знал подлец, где меня искать! Впрочем, теперь, когда я разгадал его игру, он отвяжется раз навсегда!

— Что за трусливая дрянь!

— Разве стоящий человек станет шпиком?

— Разумеется, нет! — подтвердила Кето. — Но послушайте, ведь он, наверно, побежал за полицией! Вас могут арестовать!

— Ну, полиция и без того дожидается тут, на кладбище... А теперь нам с вами лучше держаться подальше друг от друга. Советую не подходить близко к могиле, а то... будете потом жалеть. Если я не приду за вами в девять часов, ищите меня у Авшарова,—заклучил с улыбкой Зураб и затерялся в толпе.

* * *

Аллеи и дорожки кладбища были забиты людьми, направлявшимися к его дальней окраине. Кето купила у входа пышный букет свежих цветов и пошла, следуя общему течению. Скоро она увидела перед собой многочисленную толпу, обступившую могилу. Она хотела подойти поближе, чтобы взглянуть на убитого революционера и положить цветы ему на гроб, но не могла пробиться через плотное кольцо людей и вручила свой букет какому-то рослому рабочему, энергично проталкивавшемуся к могиле. Некоторое время цветы Кето покачивались высоко над головами и наконец опустились на пробитую пулей грудь героя. Гроб был завален цветами, заставлен кипарисовыми и лавровыми венками, увит широкими алыми лентами, на которых ярко выделялись революционные лозунги.

Кето было неловко среди этих людей, под устремленными на нее перекрестными взглядами. Ее изящный костюм, лакированные туфельки, дорогая шляпка и узкие перчатки вызвали всеобщее недоумение. Дочь Андро Ахатнели чувствовала себя здесь чужой; она не знала, как приблизиться к этим людям, как смягчить эти недоверчивые, настороженные взгляды. «Прежде всего, надо одеваться так же просто,

как Марта, — думала она. — Но главное, это трудиться вместе с ними в поте лица....»

Вдруг Кето увидела в нескольких шагах от себя своего брата. Нико пробился к ней, растолкав стоявших посредине людей, и спросил:

— Что ты здесь делаешь?

— То же, что и ты, — ответила Кето.

— Хоть бы ты оделась попроще, — упрекнул ее студент; сам он был, как всегда, в ситцевой косоворотке. — Ну, а если с тобой что-нибудь случится? Опять наши все на меня будут валить! Держись хоть подальше. Ступай вон на тот бугор и стой там, ближе не подходи. А если заварится каша — спасайся, беги со всех ног!

— Ну, нет! — обиделась сестра. — Другим советуй удирать, а я с места не сдвинусь!

— Ладно, ладно, — улыбнулся брат. — Не удирай, но и тут, внизу, не надо оставаться. Ступай, ступай, с пригорка ты все увидишь лучше, чем отсюда.

— И то правда, — согласилась Кето и направилась туда, куда ей указывал Нико.

Отбор и разделение произошли сами собой: осторожные и боязливые разместились на окрестных пригорках и буграх, а около могилы остались те, кто похрабрей.

Вокруг виднелись мозолистые руки, грубоватые лица и простая рабочая одежда. Видимо, собравшиеся здесь люди явились прямо с работы — с заводов и из мастерских.

Полицейские — их было десятка два — прибыли вместе с процессией; а через четверть часа появились и казаки.

— Едут! Приехали! — пронесся шепот.

Но никто не дрогнул: люди были закаленные, привычные к грому выстрелов, звону шашек и свисту плетей. О том, что на кладбище явятся полиция и казаки, было известно заранее. Поэтому около могилы собрались самые крепкие, бесстрашные, а остальные незаметно рассеялись среди памятников и укрылись между кустов.

Казаки остановились на склоне позади могилы; они не спешили и глядели на гроб и на провожатых сверху, со своих лошадей. Полицейские разместились перед ними. Командовавший ими пристав бегал, суетился и вполголоса отдавал распоряжения подчиненным.

— Передайте дальше! — молнией пронеслось среди народа. — Предупредите друг друга. Приказ комитета: оружие в ход не пускать. Со всяким, кто нарушит приказ, поступим, как с провокатором.

— Передайте дальше... Предупредите друг друга...

В несколько мгновений приказ был сообщен всем и каждому.

— Товарищи! — услышала вдруг Кето знакомый спокойный голос.

Поискав взглядом, она увидела Барса, стоявшего на цоколе самого высокого из окружающих памятников. Сзади его прикрывали мраморная колонна и ствол кипариса, спереди и с боков — плотные ряды обступивших его рабочих.

— Товарищи! Сказано: «Тот клинок из крепкой стали, что с удара сталь разрубит». Два стальных клинка схватились с незапамятных времен, и недалек час, когда один из них разлетится на куски. У одного из двоих бойцов уже слабеют и подкашиваются колени. Он отступает, он пятится шаг за шагом и бросает разъяренному льву кусочки заплесневелого хлеба, надеясь обмануть, успокоить, умиротворить его. Но лев вскормлен на иной пище! Хлеб с плесенью он отвергает с презрением! И еще сказано мудрецами: «Добрый вол и добрый работ-

ник к вечеру трудятся бодрей!» Вечер уже близится, бойцы разгорячены, и скоро, скоро солнце для одного из них закатится навсегда. А наутро взойдет новое, наше солнце, солнце правды, согласия, братства и труда, пламенное и яркое солнце, рассеивающее мрак, поражающее своими лучами все ядовитое, все пресмыкающееся во тьме, но жизневительное для всех угнетенных и преследуемых, для всех, трудящихся в поте лица. Почти все вы дождетесь этого прекрасного, желанного утра. Не увидят его только навеки закрывшиеся глаза этого погибшего героя, втиснутого в узкий гроб, не могущий вместить величия его пламенной души... Но он не умрет, этот герой, потому, что светлая память о нем поселилась навеки в наших сердцах...

В эту минуту пристав поднял пистолет и выстрелил вверх. Полицейские, стреляя по его примеру в воздух, стали двигаться на людей. Казаки взмахнули нагайками и врезались на лошадях в самую гущу народа. Раздались пронзительные женские крики: это заголосили близкие и родные, оплакивавшие покойного.

— Остановитесь! Не бойтесь! Не разбегайтесь! — загремел Зураб со своего возвышения.

Кето видела сверху, как Леван подбежал к памятнику и стал в чем-то горячо убеждать Гургенидзе.

— Отстань, говорю тебе! — прикрикнул на него Зураб. — Стойте, товарищи! Чего вы испугались? Остановитесь!

Леван вскочил на цоколь памятника, толкнул оттуда Барса и спрыгнул вслед за ним. Тотчас же пять или шесть рабочих окружили Зураба, подхватили его с обеих сторон и увлекли в кустарник.

Откуда ни возьмись, появился давешний белобрысый шпик, забежал, зашнырял по толпе, потом бросился к приставу и стал что-то лихорадочно объяснять ему, указывая на Гургенидзе.

Пристав подозвал двух полицейских и побежал вместе с ними в ту сторону, куда показывал белобрысый.

Нико, Тедо и Ражден преградили ему дорогу.

— Оставьте лучше его в покое, господин пристав, а то без крови не обойдется, — посоветовал студент. — Вы же сами знаете, что он так просто в руки не дастся.

— А ты кто такой? — заорал пристав. — Взять их! — приказал он полицейским и побежал в другую сторону.

Казаки скакали по кладбищу, прямо через кусты, ограды и могильные камни, и хлестали нагайками направо и налево.

Около покойника осталось все же около ста самых стойких и мужественных его товарищей. Сомкнувшись железным кольцом вокруг открытой могилы, они воздали павшему соратнику последнюю почесть суровым, насыщенным гневом молчанием, заколотили гроб, опустили его в яму и стали засыпать землей.

Кето все еще стояла на пригорке. А вон и Марта. Казачий сотник осадил коня перед нею и заорал, взмахнув нагайкой:

— Беги, пока я тебе не всыпал!

Марта посмотрела снизу вверх на всадника, но не отозвалась ни словом и направилась к группе, собравшейся вокруг могилы.

— Беги, тебе говорят! — снова крикнул офицер и, круто повернув лошадь, полоснул девушку по спине нагайкой.

Марта передернулась от боли, но все же не побежала.

— Чего ты от меня хочешь? Животное!

Сотник ударил ее еще раз и приказал полицейскому:

— Арестуйте ее!

Марту немедленно куда-то потащили.

Кето пришла в ярость. Вся пылая от негодования, она сбежала с пригорка и догнала подругу. Еле сдерживая рыдания, шагала она рядом с Мартой и отрывисто бросала:

— Теперь я понимаю... Понимаю, почему их убивают... Нет, нет, им не должно быть пощады! Это звери, дикие звери, и поступать с ними надо, как с кровожадными зверями!

— Тише, как бы он не услышал, — сказала Марта, показывая взглядом на сопровождавшего ее полицейского.

— Пусть слышит, я его не боюсь!

Полицейский не понимал по-грузински и не осмеливался ничего сказать элегантной барышне.

Арестованных отводили за кусты, где уже собралось человек сорок. Их стерегли пятеро полицейских с револьверами в руках. Кето заметила среди задержанных своего брата и похолодела. Она сразу забыла весь свой гнев и думала теперь только о том, как бы выручить Нико и Марту. Впрочем, она не долго ломала себе голову: решительно подошла к самому пожилому и, видимо, старшему из полицейских и, стянув перчатку с левой руки, так, чтобы стало видно кольцо с крупным бриллиантом, сказала:

— Я прошу отпустить двух человек. Это мои друзья. А взамен вы получите вот это, — и она легким движением руки выставила вперед сверкающий камень.

У полицейского загорелись глаза. Он на мгновение задумался, потом спросил:

— О ком изволите говорить? Которые из этих?

— Вон та девушка и тот молодой человек. Их зовут Марта и Нико. — И Кето показала полицейскому взглядом на брата и подругу.

— Кто здесь будут Марта и Нико? — крикнул полицейский. — По приказу господина пристава следуйте за мной!

Все трое пошли вместе с ним. Когда кусты скрыли их, Кето сняла с пальца перстень и вручила его полицейскому.

— Ну, с богом! — напутствовал их тот, и вернулся к своим товарищам.

Нико, Марта и Кето углубились в частый кустарник, и скоро достигли тихих мест.

* * *

— Поедем, Марта! — уже в пятый раз предложил своей приятельнице Нико. — Я отвезу тебя на фаэтоне.

Они все еще были на кладбище.

— Не поеду! — в пятый раз отказалась Марта.

— У тебя на спине кровь! Этот подлец хлестнул тебя изо всех сил!

— Ничего! Заживет... но не забудется! А вот и Леван. Иди сюда! — позвала она брата. — Что ты собираешься делать? Как думаешь помочь арестованным?

— Обойдите кладбище и созовите наших людей, — тоном приказания ответил Леван. — Соберемся вместе и присоединимся к задержанным, чтобы оказалось под стражей не двадцать, а двести, две тысячи человек! Тогда полиция не сможет разобрать правых и виноватых, и нас всех отпустят восвояси. Ну-ка, Нико, беги, собирай народ!

Казаки и полицейские окружили группу арестованных и погна-ли ее к выходу. Но постепенно стражи сами оказались в плотном кольце людей.

Рассеявшийся было по кладбищу народ стекался понемногу со всех сторон, окружал казаков и двигался вместе с ними с оживленным говором и шумом.

Вот один из рабочих, взобравшись на дерево, скликает товарищей:

— Возвращайтесь! На помощь! Собирайтесь здесь!

Поодаль, среди могильных памятников, совещаются Зураб, Ражден и Тедо. Это — остатки импровизированного штаба, который возник перед началом митинга. Остальные члены штаба превратились из командиров в исполнителей распоряжений и разошлись в разные стороны. Курчавый и безбородый Тедо, рабочий железнодорожного депо, маленький, коротконогий крепыш, почти круглый, но удивительно проворный и ловкий, запальчиво спорит с Зурабом.

— Говорю тебе, мы должны ударить! — горячится он, оживленно жестикулируя для пущей убедительности. — Две-три бомбы и десятка два револьверов, вот все, что нам нужно. Это же трусы! Мы разгоним их, как стадо коз.

— Нет и нет! — коротко и твердо отрезал Зураб. — Поздно спорить. Все уже решено. Полиция, казаки, арестованные и остальной народ так перемешались, что мы рискуем уложить друзей вместе с врагами. Как решили, так и будем делать. Ступай, выполняй приказ. А оружие нам еще понадобится. И кто тебя надоумил взять его сюда?

— Эх, показал бы я им! — с горечью воскликнул Тедо, стукнув себя в широкую грудь увесистым, заскорузлым кулаком.

Он круто повернулся и, перескочив с ловкостью тура через несколько могильных камней и оград, скрылся вдали.

— А ты чего ждешь? — спросил Зураб сухощавого наборщика Раждена. — И почему вон те двое не уходят? — он указал на двух юношей, молча стоявших поодаль.

— Не можем же мы оставить тебя одного, — ответил Ражден. Как бы чего не случилось! Ты же знаешь — на тебя объявлена форменная охота!

— Ну, так пойдем вместе, — ответил Гургенидзе, и все четверо смешались с быстро возраставшей толпой.

— Внутрь кольца! За мной! — скомандовал группе следовавших за ним товарищей Леван и прорвал цепь, окружавшую арестованных.

— Ты куда?! — схватил Левана за плечо один из полицейских.

— Ва, я тоже с ними, понимаешь? Вместе пришли, вместе и уйдем!

— Впусти, раз ему так хочется! — крикнул полицейскому пристав.

— И я с ними! И я! И я! — слышалось отовсюду, и в несколько мгновений число арестованных увеличилось чуть ли не втрое.

Казакам и полицейским пришлось растянуть цепь.

— И я туда! И меня пустите! И меня! — слышалось со всех сторон, и группа арестованных росла, как снежный ком.

— Идите к ним! Присоединяйтесь! — подбадривали нерешительных Нико, Марта, Тедо и многие другие. — Не бойтесь ничего! Потом и мы к вам примкнем.

И уже не с одной, а с разных сторон доносились призывные крики:

— Товарищи, выходите! На помощь! Сюда!

Вдруг Марта затянула звонким, сильным голосом:

Вставай, проклятьем заклейменный...

Ее поддержало еще несколько голосов, а через минуту вся улица гремела с воодушевлением:

Вставай, проклятьем заклейменный,

Весь мир голодных и рабов.

Кипит наш разум возмущенный

И в смертный бой вести готов.

Это есть наш последний

И решительный бой...

— Схватить!.. Арестовать!.. — поминутно выкрикивал перетрусивший пристав, но некому было исполнять его приказания, да он уже и не знал, кого арестовывать.

Пристав понял, что не только не сумел, как ему было приказано, «подавить беспорядки», но, напротив, подлил масла в огонь и вызвал еще более мощную демонстрацию. Понял и безнадежно махнул рукой... Теперь у него была только одна забота: как бы тысяча человек не превратилась в две тысячи, и как бы все эти люди не оказались его арестантами. Но он был бессилён изменить ход событий. Он чувствовал себя щепкой, подхваченной бурными волнами, и уже сомневался, сумеет ли благополучно выплыть на берег, удастся ли ему спасти собственную шкуру, не потерять доверие начальства и свою службу...

Между тем, полицейские и их пленники вступили в узкую улицу, сразу заполнив ее от края до края. Внезапно толпа нажала со всех сторон, прорвала цепь — и число арестованных увеличилось еще на шестьсот или семьсот человек. Полицейские и казаки затерялись в

этом многолюдье и не могли уже не только действовать сообща, но даже разыскать друг друга.

Тем временем и настоящие арестанты рассеялись и бесследно исчезли среди множества народа.

Казачий сотник с великим трудом нашел в этой давке полицейского пристава и, проталкиваясь к нему, закричал издалека:

— Где же, собственно, арестованные?

— Почему я знаю?

Кое-как они пробились друг к другу и принялись шептаться:

— Вы будете отвечать за все это!

— Не я, а вы будете отвечать.

— По-моему, лучше нам вернуться ни с чем и рапортовать, что не было никаких беспорядков.

— Я совершенно с вами согласен.

— Собственно говоря, я не понимаю, кого и зачем мы арестовали?

— И я не понимаю. Речь над могилой говорил один только человек, и его-то как раз мы упустили.

— Эх, знали бы вы, что за птицу упустили! — сказал со вздохом пристав и отдал своим людям приказ собраться в стороне.

Полицейские, не солоно хлебавши, скрылись, свернули в первый же переулок. Казаки последовали их примеру. Забитая людьми улица наполнилась веселым шумом, со всех сторон слышались насмешливые возгласы:

— Не пускать! Схватить! Посадить в Метехи!

* * *

Нико не отходил от Марты ни на шаг. Марта стояла на возвышении и кого-то искала глазами в толпе. Нико сразу все понял.

— Зураба уже нет, — сказал он. — Он сделал свое и ушел. Пора и нам домой.

Когда они вышли на Авчальскую улицу, Нико подозвал извозчика.

— Ты же знаешь, я не люблю фаэтоны, — сказала Марта и хотела продолжать путь пешком.

— Знаю. Но у тебя все платье в крови. Неудобно.

Они сели в фаэтон и поехали. Марта была спокойна, словно с нею ничего и не случилось, между тем как студент все еще волновался, кипел, трясся, словно от озноба, и говорил, говорил не переставая. Марта смотрела в сторону, как бы и не слушая его. Обернулась она только, когда Нико сказал:

— Зураб совершенно никудышный оратор. Жует жвачку, точно буйвол. — И, заметив на лице Марты удивление, продолжал с горячностью: — У него нет решительно ничего — ни дикции, ни энергичной конструкции фразы, ни модуляции голоса, ни вдохновенного и внушительного вида... Поверь мне, никакой он не оратор!

— Я с тобой спорить не собираюсь, — ответила Марта так сухо, что Нико сразу замолчал и до самого дома не произнес больше ни слова.

Марта заглянула на второй этаж, к Димитрию, чтобы попросить его сделать перевязку, но доктора не оказалось дома. Нико справился о сестре, но и Кето еще не возвращалась.

— Я позову маму, Тамару или служанку, — сказал студент.

— Не надо, не беспокой никого, — ответила Марта и направилась вниз, к себе.

Настоящая причина ее отказа была ясна юноше: Марта не доверяла тем, кого он предложил позвать. Она не хотела, чтобы кто-нибудь видел ее исполозованную плетью спину и разнес вестъ об этом по всему околотку.

Нико разыскал в кабинете у Дмитрия бинты и вату, спустился к Марте и вошел в ее комнату, не постучавшись. Марта стояла без кофточки перед зеркалом и рассматривала свою окровавленную спину. Увидев в дверях Нико, она вся зарделась, торопливо закрыла грудь кофточкой и сказала резко:

— Где это ты научился входить без спроса?

— Извини, Марта, — пробормотал Нико. — Я забыл постучать. Очень торопился.

— Мало ли что... Я то здесь при чем?

— Вот, я принес лекарство. У тебя спина кровоточит. Дай, я перевяжу. Не стесняйся, ведь мы с тобой товарищи.

— Так-то так, однако...

Но Марта очень спешит. Она должна отвезти в Дидубе прокламации и кое-что прихватить оттуда. Спина у нее горит, кровь сочится по капле и стекает за пояс. Кроме того, Нико ведь уже видел ее обнаженной до талии — это было совсем недавно, когда Марту ранили в руку, и Дмитрий делал ей перевязку. Оказалось, что это не так уж стыдно. «Что ж, ничего страшного», — подумала она и, улыбнувшись юноше, сказала мягко:

— Хорошо, сделай мне перевязку. Только...

Она не договорила и, сев на стул, спустила рубашку, обнажив плечи и спину.

— Негодяй! Животное! — бормотал Нико, вытирая запекшуюся на белой лопатке кровь смоченной в спирту ваткой. — Как он решился ударить такую прелестную девушку?

— Перестань, Нико!

— Почему — перестань? Быть влюбленным в тебя с самого детства и не сметь даже заикнуться об этом?

— Мы с тобой товарищи... Какая может быть между нами любовь.

— Товарищи очень легко могут превратиться в супругов, и при этом остаться товарищами.

— Что с тобой? Раньше ты никогда так не шутил.

— Шутил? Так, по-твоему, моя чистая, горячая любовь это шутка? Марта! Моя Матико!..

Нико не мог больше сдерживаться, внезапно обхватил обеими руками плечи Марты и приник к ее шее горячими губами. Девушка попыталась высвободиться, но не смогла. Тогда она закинула руки назад, уперлась ладонями в подбородок Нико и, выскользнув из его объятий, в одно мгновение накинула кофточку.

— Садись! — сказала она ледяным тоном. — Пора нам с тобой серьезно поговорить.

Нико бессильно упал на стул и, охваченный стыдом, закрыл лицо руками.

Марта быстро овладела собой. Она подобрала распустившиеся густые волосы, стала рядом с Нико и начала ровным голосом, глядя на него сверху:

— Успокойся и выслушай меня. Я давно уже заметила, что ты стал как-то по особенному на меня смотреть. Заметила, и с тех пор стараюсь тебя избегать.

— Ну конечно, — ты считаешь, что я недостойн тебя! — уколол ее Нико.

— Вот видишь — ты и сейчас полон яду. Это все только гордость и высокомерие. Гордость для тебя выше всего — выше товарищества, партии, любви... Ты только что обмолвился о нашей женитьбе. Я раньше не верила, а теперь вижу, что иной раз и в самом деле «унижение паче гордости» Ну, куда уж заглядываться на молодого Ахатнели дочке простого ремесленника, да еще выросшей в передней у его матери!

— Марта, неужели ты не веришь, что я тебя люблю?

— Верю, но не обижайся, если скажу тебе одну вещь. Ты — беспокойный и неуравновешенный юноша, и поэтому...

— О, разумеется, Зураб гораздо степеннее меня, — прервал Марту Нико, вскакивая со стула. — Он и тверже, и устойчивее. Я еще юноша, а он — зрелый мужчина.

— Зураба оставь в покое, — продолжала Марта. — Так вот, ты беспокойен и заносчив, и поэтому... Мы, большевики, люди открытые и прямые, и я скажу тебе, не чинясь: поэтому я не верю, чтобы наш союз с тобой мог оказаться прочным.

— Если ты и в самом деле прямой человек, то объяви открыто: я отвергаю тебя, потому что люблю Зураба, — возразил с горячностью Нико. — Да, да, не увиливай, признайся; и дело с концом!

— Ты так настойчиво допрашиваешь меня, словно я виновна в каком-то преступлении, — ответила с улыбкой девушка; и, помолчав немного, медленно проговорила: — Да, я люблю Зураба, и он меня любит.

— Ха-ха-ха! — язвительно засмеялся студент. — Зураб любит тебя, как любил десятки других женщин...

— Не лги!

— Он меняет двух любовниц в неделю.

— Лжешь! Лжешь!

— Не веришь? Ну так проверь его, и убедись сама. Сегодня он самолично проводил Кето на кладбище и пригласил ее на занятие женского кружка, а тебе не сказал ни слова. Когда-нибудь ты разгадаешь своего Зураба до конца, поймешь, что он за человек, и вспом-

нишь мои слова. Но тогда уже будет поздно. А пока желаю тебе всего хорошего! — надменно закончил Нико и хлопнул дверью.

«Но тогда уже будет поздно... Иными словами: на меня, тогда уже не надейся! Вот он, пример заносчивости и себялюбия Нико, образец его высокомерной, эгоистической любви, — подумала окаменевшая Марта. — Отравил мне душу и ушел».

И Марта медленно опустилась на тахту. Долго сидела, глядя в одну точку. Она вспомнила в подробностях встречу Зураба и Кето, каждый взгляд и каждое слово, которыми они обменялись, копалась в памяти и мучалась догадками. Потом Марта надела летнее пальто, легкую соломенную шляпу, рассовала по карманам и спрятала на груди пачки новеньких прокламаций и ушла.

Было уже совсем темно, когда Марта вернулась домой, выполнив свое задание. Вернувшись, она села у окна и занялась рукоделием. Время от времени девушка поднимала голову и оглядывала прохожих, появлявшихся перед ее окном.

Близилась полночь. Марта еще сидела со своим рукоделием.

Пропели петухи. У Марты свет уже не горел, но она все еще сидела у окошка.

Петухи пропели во второй раз. Марта дремала, прислонившись головой к оконной раме. Услышав стук колес, она осторожно выглянула на улицу, увидела Кето, выходящую из пролетки в сопровождении незнакомого мужчины, и облегченно вздохнула. Улыбнувшись, она быстро разделась, юркнула в прохладную, белоснежную постель и мгновенно заснула.

А в соседней комнате храпел, разметавшись в глубоком сне после горячего боевого дня, Леван.

VIII

Зураб исполнил свое обещание и повел Кето за железнодорожное полотно, на далекую городскую окраину. На пустынной улице девушка споткнулась о камень.

— Какая тьма! Тут недолго и упасть, — сказала она.

— Если вы разрешите... — проговорил несмело Зураб и осторожно взял ее за локоть.

— Да, да, поддержите меня, а то здесь можно сломать себе шею.

Зурабу никогда еще не приходилось брать даму под руку. Он ухватил руку Кето выше локтя всеми пятью пальцами и повел девушку вперед. С непривычки он не сразу приноровился к ее шагу и то и дело сталкивался с нею на ходу. Раз-другой упругая грудь девушки коснулась его руки и словно опалила ее — кровь бросилась ему в голову.

— Ваша сегодняшняя речь всех нас привела в восторг, — сказала Кето.

— Зато поведение мое заслуживает всяческого осуждения. Бедь я убежал от казаков!

— Не говорите неправду! Я все видела с пригорка. Вас похитили ваши товарищи. Силой увели.

— И все-таки я виноват. Напрасно я с ними ушел.

— А что же оставалось делать? Рискуя головой, броситься на казаков? Из-за вас могла пролиться кровь безоружных людей. Вы же сами распорядились, чтобы никто не пускал в ход оружия!

— Да, это правда.

— Так что же вы еще могли сделать? Если бы вы покорно дались.

ним в руки, они вас схватили бы и отвели к Авшарову. Неужели так было бы лучше?

— Вы правы, да, да, вы правы! Не дай я себя увести, меня бы арестовали. Но вот Марта мужественно вела себя — не струсил перед казачьим офицером! Два раза он хлестнул ее нагайкой, а она оказывается, и с места не сдвинулась!

— Я и это видела, — сказала Кето.

— Ее и Нико, говорят, арестовали, но тут же отпустили.

— Да, знаю, их сразу освободили, — сказала Кето, но не стала объяснять, кто добился освобождения Нико и Марты.

Между тем, путь им преградил глубокий ров, пересекавший улицу.

— Здесь канава. Не свалитесь в нее! — предупредил девушку Зураб. — Придется прыгать. Ну-ка, смелей!

— Нет, не могу. Не сумею.

— Ну, так давайте я вас переправлю. Больше ничего не остается.

Кето засмеялась.

— Как это — переправите?

— А вот так, — ответил Зураб и внезапно подхватил ее на руки. Крепко прижав к себе девушку, он шагнул было через ров, но на мгновение остановился, точно измеряя его ширину и собираясь с силами.

Кето невольным движением обняла его за шею и замерла.

— Не упадите! — шепнула она ему на ухо.

— Не двигайтесь!.. Алле-оп!

И вот Зураб с драгоценной ношей уже на той стороне. Оба почувствовали сожаление оттого, что головокружительный миг был уже позади. Осталось лишь сладостное воспоминание о нем. Охваченные смутным трепетом, шли они по темной улице.

— Какой вы сильный! — сказала наконец Кето. — Подняли меня, точно маленького ребенка!

Зураб тихо засмеялся.

— Чему вы смеетесь?

— Вспомнил один анекдот по случаю нашей переправы...

— Расскажите!

— Однажды, после сильного ливня, Авчальская улица, как обычно, превратилась в бурную реку. Муши-носильщики зарабатывали большие деньги: переносили людей на спине через поток и с каждого брали по гривеннику. И вот стоит на тротуаре барышня, нужно ей на другую сторону, да слишком уж это дорого стоит. Может, у нее и нет десяти копеек. Один кинто пожалел барышню — не долго думая, подхватил ее и перемахнул через улицу. Пока ее несли, барышня и звука не издала. Но зато, как только оказалась на тротуаре, подняла крик на весь свет: «Хулиган, авара, нахал, как ты смел до меня дотронуться!» Слушал, слушал ее кинто и наконец не вытерпел: «Ва-а, не желаешь? Ну, так давай назад. Пожалуйста!» Вскинул девушку на плечо и перетащил обратно.

Кето рассмеялась от души.

— Может, и вы рассержены тем, что я перенес вас через канаву? — спросил Зураб. — Тогда давайте вернемся, и я тем же способом переправлю вас назад.

— Кстати, чуть было не забыла, — будто бы только сейчас вспомнила Кето. — Авшаров каким-то образом узнал, что я спрятала вас в моей комнате. Он все рассказал мне до мельчайших подробностей.

— И, конечно, попросил молчать, чтобы не арестовали обоях — и его, и вас, — закончил Зураб. — Ну, что, угадал?

— Угадали. Именно так он и сказал, — ответила, изумившись, Кето. — От этого человека ничего не скроется. — И, помолчав немного, добавила: — Как видно, и от вас тоже...

— У меня объявился новый враг, — сказал Гургенидзе. — Ваш приятель, Климиашвили, сначала спас меня, а теперь, говорят, разыскивает, чтобы пустить в меня пулю. Но пусть он лучше побережется. Ведь неизвестно еще, кто кого опередит!

— Неужели вы решились бы его убить? — спросила в испуге Кето.

— Если он сам решится напасть на меня, какой я еще могу найти выход?

— Боже мой! Зачем я рассказала Нико и Левану! Я вам обоим желала добра, а теперь выходит, что из-за моего легкомыслия может пролиться кровь...

— Успокойтесь, добрая моя Кетеван. Я же сказал: если он первый не нападет на меня, я его пальцем не трону.

Тем временем они добрались до цели своего путешествия.

Зураб остановился у калитки. Тотчас же возникла из темноты фигура незнакомого молодого человека. Зураб сказал ему пароль:

— Близится утро.

— Скоро рассветет, — ответил тот условленным отзывом и отступил, пропуская пришедших. — Добрый вечер, товарищ Зураб. Входите, пожалуйста.

— Добрый вечер, товарищ.

Зураб и Кето пересекли слабо освещенный двор, поднялись на несколько ступенек и вошли в комнату, полную женщин.

На стене висела маленькая лампа. Она светила так тускло, что едва можно было узнать человека, сидевшего в противоположном углу.

На полу был разостлан рваный ковер. На этом ковре, на жесткой тахте и нескольких стульях сидели десятка два женщин. Еще несколько женщин стояли, прислонившись к стене. Были и мужчины — человек пять, не больше. Дверь соседней комнаты была открыта, и оттуда выглядывало еще несколько женских и мужских лиц.

На простом столе, покрытом куском белого коленкора, были расставлены несколько бутылок с пивом и лимонадом, тарелки с хлебом, копченой рыбой, сыром и колбасой. До угощения еще никто не дотрагивался. Стол был накрыт, собственно, для отвода глаз, на случай, если нагрянет полиция.

Во главе стола сидел седой человек. Когда вошли Зураб и Кето, он отодвинулся, давая им пройти.

— Сюда, сюда, товарищ Зураб.

Потеснились и остальные — выкроили на тахте еще два места и усадили Зураба вместе с его спутницей.

Кето сняла жакет и шляпу. Ее серебряная прядь и драгоценные украшения сразу привлекли к себе всеобщее внимание. Она видела, что хотя Зурабу, как всегда, оказывают глубокое уважение, на нее поглядывают искоса, с недоумением. От этих пристальных, недоверчивых взглядов ей было неловко, как и до этого, на кладбище. И Кето решила впредь не появляться среди простых людей в дорогих платьях и драгоценностях. «Иначе они не примут меня в свой круг, не удостоят доверия!»

Пожилой человек обратился к собранию с несколькими вводными словами.

— Сегодня мы должны были прослушать два доклада. Товарищ Давид собирался рассказать о первобытнообщинном строе, а Зураб вы-

брал более современную тему, о роли женщины в современном освободительном движении. Товарищ Давид просит извинить его: ему пришлось уехать по неотложному делу, и он не сможет прийти. Поэтому попросим товарища Зураба: если время ему позволяет, пусть расскажет нам заодно и об инках.

Зураб, одетый в летнюю полотняную рубашку, подсел к столу и скромно заявил:

— Я к этой теме не готовился, но все же попробую...

Он помолчал немного, потер лоб, пригладил рукой свои густые волосы и начал спокойно и негромко. После короткого введения он просто и связно рассказал собравшимся о жизни индейцев Инка, создавших некогда в Южной Америке сильное, благоустроенное государство и блестящую цивилизацию. Их религия — они поклонялись солнцу — яснее, проще и человечнее христианства.

Искусство инков — керамика, ткани и остатки зданий — доныне вызывает изумление всего человечества. Каменные колонны, сохранившиеся в Куско, весят по несколько тысяч пудов.

Инки обладали сверхчеловеческой выносливостью, поразительной настойчивостью и энергией. Зураб привел некоторые примеры: в одной из провинций нынешнего Перу обнаружен древний водопровод. Вода была проведена по каналу из дальних гор, длина водопровода — около шестисот верст, больше, чем расстояние от Тбилиси до Баку. Глубина канала — полсажени, ширина — полтора аршина. Весь канал, по всей своей длине, выложен гладко обтесанными каменными плитами. Инки не знали ни цемента, ни известки. Но они так искусно обточили и пригнали друг к другу тесаные плиты, что вода нигде не просачивалась.

Инки не имели никаких механических приспособлений, не знали железа и стали. Не было у них и рабочего скота. Очевидно, всю эту массу камня, добытого в далеких горах, они должны были вырубить медными заступами, перетаскать на собственной спине и обтесать опять-таки медным инструментом.

В Перу с древности сохранилось множество длинных и извилистых туннелей. Они тоже сооружены при помощи одного лишь заступа. Но удивительно другое: как тогдашние строители ориентировались под землей, как они находили верное направление? Ведь у них не было сложных геодезических инструментов, которыми пользуются сегодня при подобных работах. Следовательно, перуанские инженеры знали какой-то особый прием, секрет которого унесли с собой в могилу.

Испанцы завоевали Перу, ограбили страну, уничтожили государство и сровняли города с землей. Остались лишь бесчисленные руины, свидетельствующие о том, какую блистательную культуру может создать коллективный труд, и как варварски-беспощадно разрушает ее капиталистический строй...

Далее Зураб перешел к социально-политическому строю народа Инка. Каждый трудящийся крестьянин обрабатывал отведенный ему участок земли, который, однако, не был его собственностью. Вся земля принадлежала государству. Правила пользования землей и водой были разработаны тщательно и подробно и неукоснительно соблюдались всеми. Часть урожая, точно рассчитанная по числу едоков, оставалась крестьянину, а остальное сдавалось государству, которое имело множество складов и хранилищ для зерна, плодов, тканей и вообще для всего, что рождала земля или производили человеческие руки.

В неурожайные годы народ получал пищу из этих складов. Запасов, накопленных здесь, могло хватить всей стране на несколько лет.

Благодаря этой системе, в государстве Инка ни при каком неурожае не бывало, да и не могло быть, голода. Все население, за исключением аристократии, жило примерно одинаково: не богато и не бедно. Каждому был обеспечен прожиточный минимум, больным и инвалидам предоставлялось постоянное пособие, а производство подчинялось строжайшему контролю.

Все работы общественного значения — такие, как строительство дорог, мостов, каналов, зданий и тому подобное, — производились в порядке общей повинности, от которой ни один человек не посмел бы уклониться.

Испанцы тех времен, побывавшие в Перу, писали, что жители этой страны резко отличаются от европейцев. Европейские крестьяне и городской мелкий люд придавлены к земле, разорены непомерными налогами и обращены в рабов феодальными повинностями; перуанцы же бодры, полны радости жизни и любви к труду. И несмотря на это, заявил Зураб, народ Перу имел свою аристократию, которую так и не смог свергнуть. Перуанцы — мирный народ, слишком покорный и безответный. Это и оказалось причиной его несчастья: когда испанцы завоевали государство Инка, народ покорился им с такой же готовностью, с какой подчинялся собственной аристократии.

В заключение Зураб дал развернутую характеристику строя инков, подчеркнул его недостатки, процитировал Моргана и Макленнана и заявил: инков и ацтеков ожидает та же судьба, какая постигла северо-американских индейцев. Капиталистическая цивилизация почти уже истребила народы, издревле населявшие территорию Соединенных Штатов. Последние представители их влачат жалкое существование. Но есть и в других местах народы, стоящие на пути вырождения. Все они обречены, и спасти их может только победа социализма.

Зураб закончил доклад и отпил воду из стакана. Ему задали несколько вопросов. Он ответил на них основательно и подробно и перешел к следующей теме.

До сих пор докладчик напоминал опытного лектора, блестяще владеющего своей темой, и уверенно, нигде не сбиваясь, ведущего слушателей за собой. Но вот строго академический лектор превратился в трибуна, покоряющего слушателей силой своей глубочайшей убежденности. Его сдержанный пафос, словно могучий поток, хлынул в эту темную, маленькую комнату и заполнил, затопил ее, подхватил и унес, как спичечную коробку. Давешнему лектору теперь нужна была высокая трибуна и обширная площадь, заполненная десятками тысяч слушателей. И было совершенно ясно, что Зураб в несколько мгновений овладеет этой огромной аудиторией, сплотит, сольет ее в единый стальной слиток и воодушевит так, что перед нею не устоят врата самого ада.

Но трибуны и сотысячной аудитории здесь не было. Зураб видел это и подчинил чувство твердой воле, взял его, огненного коня, в железную узду. Докладчик не старался нанизывать, подобно многим присяжным златоустам, нарядные слова, избегал пустых украшений и ораторских орнаментов и воздействовал на своих слушателей лишь неотразимой силой своего убеждения, выражая его простыми словами, глубоко проникавшими в сердца и властно покорявшими людей. Огромное впечатление производил его спокойный тон в сочетании с вдохновением и внутренним огнем, горевшим жарко, хотя и без пламени, и сразу охватывавшим слушателей.

Он начал с матриархата, потом остановился на веках рабовладель-

ческого и феодального строя и наконец перешел к эпохе капитализма, подкрепляя свои слова выдержками из Маркса и Ленина.

Господствующие классы всегда держали женщину в рабстве. Ею торговали, как вещью. Ислам набросил на женщину глухой, черный саван—чадру. Христианство объявило ее сосудом греха и заклеямило проклятием.

Великая французская революция формально установила женское равноправие, но буржуазия вскоре упразднила его и восстановила прежнее рабство в слегка измененном виде.

Философа вырождения Ницше иные недоумки пытаются представить в качестве новоявленного пророка, но на самом деле его учение готовит женщине еще более тяжкие оковы, чем раньше.

В наши дни некоторые юнцы увлекаются писаниями другого хилого юнца, Отто Вейнингера, с которым могут сравниться в женоненавистничестве только Шопенгауэр, иезуиты или скопцы.

Самое удивительное то, что часто приходится слышать всякие черносотенные высказывания по женскому вопросу от тех самых людей, которые восторженно повторяют имена Жанны д'Арк, святой Нино, великой Тамары и самоотверженной царицы Кетеван.

Огромная роль женщины в политической истории проявляется с древнейших времен. Вспомните хотя бы библейскую Юдифь. Военачальник Вавилонского царя Навуходоносора осадил один из городов еврейского царства. Некто Манассей, житель этого города, умер незадолго до того, оставив красавицу вдову, по имени Юдифь. Эта женщина решила пожертвовать собой для блага сограждан. Она проникла во вражеский лагерь, обворожила Олоферна и разделила его ложе. Ночью, когда полководец уснул, насытая любовью, Юдифь отсекла ему голову его же собственным мечом и под покровом ночи вернулась в осажденный город. Войско, лишившееся начальника, не выдержало натиска евреев и обратилось в бегство. В чем смысл этой легенды? Юдифь пожертвовала своим непорочным именем и дала осквернить свое прекрасное тело врагу, чтобы спасти родной город и свой народ...

При этих словах Зураб пристально поглядел на Кето. А Кето сидела, как замороженная, не сводя глаз со своего нового друга и учителя.

— Следовательно, — продолжал Зураб, — кто по-настоящему верит в нашу великую цель, кто душой и телом предан нашему делу, тот не остановится ни перед какими жертвами — тот поставит великое дело свободы выше семьи и родства, выше любви и дружбы.

Примеров самопожертвования в истории известно немало. Оратор назвал Монну Ванну, Димитрия Самопожертвователя, Жанну д'Арк, Хевисбери Гоча и еще десяток других людей, принесших себя в жертву своему долгу. И, поясняя эти примеры, сказал:

— Само собой ясно, что это — не наши герои. Все они имели перед собой свою собственную классовую цель и бесстрашно жертвовали ради нее своей жизнью. Но и у нас имеется наша классовая цель, и, во имя этой великой цели, уже многие миллионы пожертвовали своим личным счастьем, любовью, земными радостями и даже самой жизнью.

Зураб перечислил многих героев, жертвовавших собой за свободу, — в первую очередь женщин, о чьих подвигах он рассказал особенно подробно, — и продолжал, повысив голос:

— Вспомните хотя бы жен декабристов! Молодая женщина, воспитанная в богатстве и роскоши, бросает свой круг, друзей, родню, покидает хоромы, в которых жила с детства, и добровольно следует за мужем на каторгу, чтобы поселиться на чужбине в темной, убогой хижине,

носить грубую одежду, самой стряпать, шить и стирать; и так, в течение тридцати лет, нести вместе с каторжником ужасное его ярмо, облегчая ему тяжесть оков... Такие женщины — подвижницы, мученицы, святые! Имена множества героинь, так же, как память об их подвигах, навеки останутся в памяти человечества. В ряду таких женщин-борцов, женщин-героев стоят и Вера Засулич, стрелявшая в кровавого полицмейстера Трепова, и дочь губернатора Софья Перовская, бесстрашно взошедшая на виселицу во имя своих убеждений...

Приведя еще несколько подобных примеров, Зураб заключил:

— Только социализм может принести женщине избавление от ее цепей, освободить ее от капиталистического рабства. Только мы одни можем избавить женщину от непосильного труда, от гнетущего неравенства и бесправия, от позора проституции и от всяческого угнетения. Только мы одни осуществим настоящее женское равноправие, мы, и только мы, превратим женщину в настоящую мать, жену, сестру, друга и товарища. Товарищи женщины! Время для этого уже пришло. Русская Бастилия шатается и готова развалиться. Еще один натиск, еще один мощный удар, и победа будет в наших руках!

Зураб сел. Он чуть побледнел, но был совершенно спокоен. Послышались аплодисменты, но председатель решительно прервал их. Женщины повскакали с мест, в восторге окружили Гургенидзе, пожимали ему руку и, сияя улыбками, благодарили его:

— Прекрасно! Изумительно! Превосходно!

Кето не двигалась с места. Она сидела по-прежнему, как замороженная, и ждала своей очереди. Она не хотела, чтобы ее трепетное чувство потонуло в общем потоке восхищения. Ей казалось, что оно от этого измельчится и станет бесцветным. Очередь Кето настанет тогда, когда Зураб пойдет провожать ее домой, и они снова очутятся вдвоем на темной улице. Тогда Кето поблагодарит его. Да, поблагодарит его, и скажет еще кое-что.

Еще кое-что? В самом деле, что же еще скажет Кето Зурабу Гургенидзе? Прежде всего спросит: почему Зураб так странно глядел на нее в ту минуту, когда рассказывал о Юдифи? И почему снова повернулся в ее сторону, когда упомянул о женах декабристов и о Софье Перовской?

«Мне кажется, Зураб спрашивал меня глазами: «Чья роль, чья судьба тебе более по душе — Перовской, жены декабриста или Юдифи?». Подвиг Перовской — это славная смерть; судьба жены декабриста — славное мученичество, а Юдифи — слава через позор. Какая же судьба лучше, благородней? А какая была бы мне самой более по плечу?» — так размышляла Кето и не находила ответа на свой вопрос. Потом, чтобы рассеять эти навязчивые мысли и подышать свежим воздухом, она вышла на балкон и стала ходить в темноте.

* * *

Зураб появился нескоро.

— Где вы, Кетеван?

— Я здесь.

Гургенидзе взял девушку под руку, помог ей спуститься по лестнице.

— Я с трудом вырвался, — сказал он. — Пришлось заявить, что у меня неотложное дело, иначе бы не выпустили.

— Какое же у вас дело? — спросила Кето лукаво.

— Я ведь должен проводить домой черного лебедя! Или это недостаточно важно?

— Я и сама нашла бы дорогу, — не сдавалась Кето.

— А кто бы вас перенес через каназу? — отрезал Зураб.
Кето уклонилась от ответа.

— Помните, я сказала вам однажды, что вы сами — поэт, пишущий великую поэму?

— Помню.

— Сегодня я окончательно убедилась, что была права. Вы и в самом деле большой поэт.

— Ей-богу, не знаю — обидеться на ваши слова или принять их за комплимент!

— Я же не приравниваю вас к Шукураули, — сказала Кето. — Можно за всю свою жизнь не придумать ни одной рифмы и все же быть великим поэтом. Я другое имею в виду — вашу способность увлекать, впечатлять людей. Сегодня вы оба раза, и здесь, и на кладбище, говорили вдохновенно, с глубокой верой. Каждое ваше слово запечатлелось у меня в душе, словно выжженное огнем. Вы проявили такую сдержанную и в то же время такую неотразимую силу убеждения! Это было совершенно неожиданно для меня. Я еще никогда не встречала такого оратора.

— А я думал, что эту самую сдержанность вы сочтете основным моим недостатком! — ответил Зураб. — Женщины, студенты и поэты любят в ораторах неистовство и пафос...

— Нет, лично мне кликушествующие ораторы вовсе не нравятся. От их речей загораешься, как сухая солома, и тотчас же гаснешь... Но я хочу сказать вот о чем... Однажды в институте, после урока, я спросила нашего батюшку: что, если я, спасая своего ближнего от смертельной опасности, поступлю как библейская Юдифь? Простится ли мне это или будет сочтено тяжким грехом? Священник покраснел и спросил: «Вы хотите отсечь кому-нибудь голову?» Я ответила: «Допустим, что обошлось бы без крови. Велика ли важность — одна ночь?»

— Так и сказали? — удивился Зураб.

— Да, так и сказала. Думала я, правда, иначе. Так вот, батюшка ответил: «Пожертвовать собой подобно Юдифи допустимо только ради спасения царя или отечества». А потом вызвала меня начальница института, отчитала за легкомыслие и даже подвергла наказанию...

— Сказали вы так, а думали иначе, — заметил Зураб. — Значит, вы не считаете Юдифь героиней?

— Конечно, считаю! Но сама я не могла бы так поступить... Мне было бы очень, очень трудно.

— Что же тут самое трудное — стать любовницей врага или отсечь ему голову? — спросил прямо Зураб.

Кето почувствовала, как у нее вспыхнули щеки. Она помолчала и ответила тихо:

— И то, и другое... — и быстро добавила: — Гораздо легче — в Сибирь, как жены декабристов.

— Конечно! — с готовностью подтвердил Зураб. — Но еще легче выйти за врага замуж и служить своему делу из чужого лагеря, имея возможность приносить ему неизмеримую пользу. Для этого вовсе не нужно убивать своего мужа... Так или нет?

— Разумеется, — согласилась Кето, и вдруг, не раздумывая, спросила: — Почему вы до сих пор не женились?

— Куда торопиться? Мне ведь еще только двадцать шесть лет! Но я шучу, причина, конечно, не в этом. Того, кто идет по моему пути, можно сравнить с человеком, постриженным в монахи. Такой человек

должен поститься и ходить босиком до тех пор, пока его святыне не будет принесена искупительная жертва...

— Да, это правда. Сейчас вы похожи на такого человека. А потом, может быть, сами же станете жертвой...

— Совершенно верно, — одобрительно отозвался Зураб. — Если я попадусь в руки врагам, то меня превратят в жертву. Мы сами по своей воле лишили себя права на брак, на семейную жизнь. Любого из нас, в случае ареста, ожидает каторга. Достаточно с нас и собственных наших мучений — зачем присоединять к ним страдания жен и детей?

— А любовь? — неуверенно спросила Кето.

— Любовь — это наивысшее счастье, доступное в личной жизни... Нам это известно. Но любовь, налагающая узы, — не для нас, в нашей жизни для нее нет места... Сегодня мы здесь, завтра в тюрьме, послезавтра в Сибири, а там бог знает еще где, на самом краю света...

Тем временем они дошли до канавы. Зураб снова перенес Кето на другую сторону. Но в этот раз не останавливался, не приговаривал «Алле-оп!», и Кето не обнимала его за шею. Быстро приподнял он девушку, перешагнув вместе с нею через канаву и сразу опустил ее на землю. И в такой же холодной отчужденности продолжали они свой путь. Огонь, что горел в них еще недавно, теперь погас.

— Я считаю вас своим другом, и поэтому ничего от вас не скрываю, — вернулся к прежней теме Зураб.

— Другом... Опять — другом! — буркнула с горечью Кето.

— Послушайте меня! — Зураб попытался взять ее под руку.

Но Кето вырвалась и убежала вперед. Зураб догнал ее и заговорил уже с большей искренностью и теплотой.

Гургенидзе засыпал девушку упреками. Кето, оказывается, обыкновенная интеллигентная барышня, такая же, как все образованные барышни, и мыслит она так же упрощенно и по-мещански. Должна же она понять — Зураб и его друзья не похожи на тех людей, что живут изо дня в день, повторяя путь своих бесчисленных предков: рождаются, обзаводятся, достигнув зрелости, женой и детьми, гнут спину с утра до вечера, чтобы прокормить их, безропотно терпят гнет несправедливости и покорно сходят в могилу. О, Зураб жаждет чистой любви, Зураб умеет любить, но...

— Но время ли сейчас? — говорит Зураб.

«Да, это так! Это правда! — соглашается с ним в душе Кетеван. — Конечно, не время... Эти люди сотрясают землю, выводят народ из вавилонского плена! Вся Россия в огне, Бастилия рушится, и на ее месте будет воздвигнуто прекраснейшее здание свободы и счастья, какое и не снилось еще никому...»

— Вы и не представляете себе, какова наша жизнь, — продолжал Зураб. — На нас охотятся тысячи и тысячи охотников. Лесной зверь может залезть в свою нору, укрыться в своей берлоге и спастись от преследования, а для нас нет безопасного убежища. Иногда я готов завидовать судьбе любого бродяги. Он может, заплатив пятак, спокойно проспать до утра в ночлежке, а я и во сне обязан быть настороже, и за каждым углом меня подстерегают каторга и виселица. Я не стараюсь разжалобить вас. Этого и в мыслях у меня нет. Я хочу только, чтобы вы поняли одно: от человека, ведущего борьбу не на жизнь, а на смерть, и объявленного вне закона, нельзя требовать иного.

— Вы правы! Вы правы! — сдалась Кето и сама взяла под руку своего спутника. — Простите меня! Забудьте! Я просто пустоголовая девчонка и больше, ничего!

— Неправда, Кетеван! Не возводите на себя напраслину, — успокоил девушку Зураб, ласково погладив ее руку. — Вы вовсе не пусто-головая девушка, а...

— Ну?

— Вы — женщина, Кето, настоящая женщина, вот и все. И кончим на этом.

Кето согласна: кончать, так кончать. Она и заикаться больше не станет об этом предмете. А теперь...

— А теперь вы должны рассказать мне все о себе. Кто вы? Откуда, из каких мест? Я ведь ничего не знаю о вас.

Очень хорошо. Ничего нет легче. Перед ними еще долгий путь, и Зураб успеет рассказать о своей жизни...

— Я родился в Боржоме, — начал Зураб. — Вы, наверное, знаете, что все огромное Боржомское поместье принадлежало раньше роду Авалишвили. Потом его прибрало к рукам царское семейство. Романовы провели туда железную дорогу, затратили огромные средства и превратили Боржоме в превосходный курорт.

— Знаю, знаю, бывала там! — прервала его Кето.

— И я знаю, что бывали, — ответил Зураб. — Вы провели там лето в прошлом году. Авшаров тоже был тогда в Боржоме. Я приезжал на несколько дней и два раза встретил вас вместе с ним. Тот, кто хоть раз увидит ваше лицо и эту серебряную прядь, никогда вас не забудет. Только я еще не знал тогда, кто вы.

Отец Зураба был превосходным слесарем. Он служил и, кроме того, работал дома. Зураб учился в местной четырехклассной школе, получал сплошь одни пятерки и был любимцем всех учителей. Он считался лучшим запевалой среди своих сверстников и не имел равных в борьбе, кулачном бою и плавании.

Когда Зураб окончил школу, директор сам отвез его в город и...

— И определил меня в духовное училище, — сказал Зураб со смехом.

Усмехнулась и Кето.

— Нет, в самом деле, смешно! — сказал Зураб. — Но что они понимали, мои бедные родители! Они радовались, что сын их станет священником!

По окончании духовного училища Зураба перевели в семинарию. Там, в семинарии, сразу, с первого же класса коснулась его «красная зараза». Там впервые встретил он Иосифа Джугашвили (Кобу), Сталина. Слышала ли Кето это имя?

— Разумеется, слыхала. Как я хотела бы с ним познакомиться, — сказала Кето.

— Если где-нибудь встретимся все втроем, я вас, конечно, познакомлю, — обещал ей Зураб. — Новые веяния проникали в то время в семинарию и охватывали семинаристов, как огонь солому. Многие увлекались марксизмом, но я сразу выделил среди всех Кобу, привязался к нему, как к старшему брату, и вручил ему свою судьбу. Я и сейчас считаю себя его учеником. Он раскрыл мне глаза, он выковал из меня борца, и я поныне работаю под его руководством. Такой человек не пройдет свой жизненный путь незаметно.

— С каким восторгом вы говорите! — прервала его Кето. — Неужели он в самом деле такой замечательный человек? Откуда вы знаете? Есть ли у вас основание для такого смелого пророчества?

Зураб остановился. Он был немного смущен. Потом ответил смело, с глубоким убеждением:

— Основание? Я это знаю, да, знаю наверняка. Знаю не книжным или житейским знанием, а верой, инстинктом, чутьем. Поверьте мне — это так.

— Это всего лишь предсказание, догадка и больше ничего, — неуверенно возразила Кето.

— Хотя бы и так — что из того? — воскликнул Зураб.

— Я поверю вам, когда оно оправдается.

— Тогда поверят и малые дети! — пробормотал Зураб так, словно обиделся, что Кето ему сразу не поверила; после недолгого молчания он продолжал: — Может, я еще напому вам когда-нибудь мои сегодняшние слова!.. Да, так вот, я рассказывал вам... Монахи захлоптали, зашныряли, засуетились... Принялись, как ищейки, вынюхивать крамолу, сами шпионили и не одного семинариста превратили в шпиона. Коба поил нас из чистого источника марксистской науки, а монахи старались одурманить нас крестом и евангелием. Риторика, богословие, логика, софистика... Они иссушали нам душу и сердце, высасывали нас, как паук высасывает муху. Кстати, вы знаете, как паук поступает с мухой, когда хочет сохранить ее на зиму, в запас?

— Убивает ее, — сразу ответила Кето.

— Значит, не знаете. Убитая муха сгниет или высохнет. Паук поступает хитрей. Он отыскивает у мухи какой-то жизненный нерв и парализует его. Муха остается ни живой, ни мертвой, не высыхает и не разлагается. С семинаристами делали что-то вроде этого. Меня, однако, своевременно спасли сами же монахи. Заметив, что я все еще жив, они, не долго думая, выставили меня из семинарии. Коба был исключен еще раньше. Обоих нас снабдили волчьими билетами. Нам нельзя было ни продолжать учение, ни служить. Остальное, наверно, вы и сами знаете.

— Ничего я не знаю, — ответила девушка. — Что же с вами случилось потом?

— Ничего особенного со мной не случилось. Умер мой отец. Мать работала на заводе минеральной воды. А я служу ее величеству мировой революции. Трижды угодил в ссылку и трижды бежал оттуда.

Они шли вниз по Кирочной и уже приближались к немецкой кирке. Кето хотелось узнать все о делах Зураба, о его интимной жизни. Как Коба и Зураб выковывали и сплачивали войско революции? Как они печатали нелегальную газету? Откуда получают оружие и средства? Как сражаются с врагами революции? Как обманывают полицию и шпионов? Какие обязанности возложены на Марту, Нико и Левана? Куда делось оружие, которое прятали недавно Нико и Леван?

Многое еще нужно было узнать Кето, но тут беседе пришел конец. Не доходя до угла Михайловского проспекта, Зураб внезапно остановился и стал вглядываться в перекресток. Он был явно чем-то встревожен.

— Там, на углу, патруль обыскивает прохожих, — сказал он Кето. — Вас они не станут задерживать. Эй, приятель! — подозвал он стоявшего тут же извозчика. — Доставь эту барышню домой в целости и сохранности. И смотри, отвечаешь за нее головой! От меня не скроешься! До свидания, товарищ Кетеван!

— Прошу! — сказал извозчик.

Кето обрадовалась, что ее назвали «товарищем».

— Когда я вас увижу? И где? — спросила она, протягивая руку Зурабу.

— Не знаю... У меня нет ни квартиры, ни собственной канцеля-

ри. Если будет угодно судьбе, где-нибудь встретимся, — ответил Зураб, помогая девушке сесть в экипаж.

Кето хотела предложить Зурабу как-нибудь, когда он будет у Марты, заглянуть и к ней, но не осмелилась и вместо этого сказала:

— Вероятно, вы проходите иногда и по нашей улице... Постучите ко мне при случае. Я выйду, и мы погуляем. Повыше, на горе, — глухие места, там вас никто не выследит.

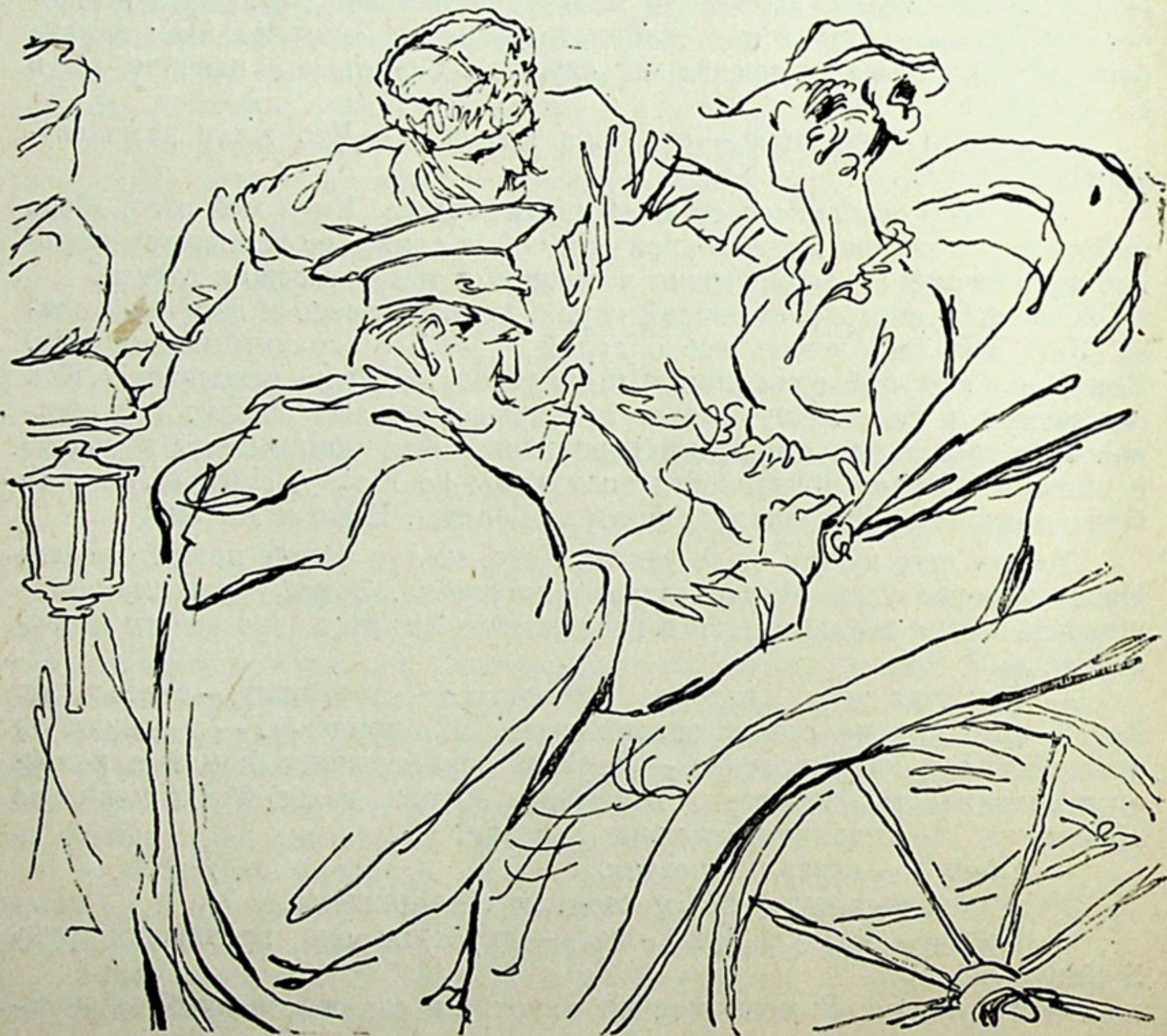
— Прекрасно. Я так и сделаю, — ответил с улыбкой Зураб и быстро ушел.

* * *

Была теплая ночь. Обычно в этот час на главных улицах бывало еще полно народу, со всех сторон доносились смех и веселый говор, и город глядел в ночь бесчисленными широко раскрытыми, сверкающими глазами. Но теперь военные патрули загнали всех в дома, задушили смех, завладели городом, как завоеванной крепостью, и погасили его светящиеся глаза.

Выйти в этот поздний час на улицу осмеливались только люди, у которых имелось в кармане специальное разрешение генерал-губернатора. Да и те чуть ли не бежали, нагнув голову и зажав в руке несколько серебряных монет, чтобы сунуть их, если понадобится, отличавшимся волчьей жадностью казакам и добраться домой с миром.

На Верийском мосту патрульные остановили фаэтон Кето — это

было уже во второй раз — и отпустили девушку только после долгих, назойливых расспросов, порывшись напоследок в ее сумочке.

Экипаж медленно поднимался по Верийскому спуску.

— Кето! — раздался вдруг громкий голос, и кто-то вскочил к девушке в фаэтон.

Кето вздрогнула от неожиданности, но тут же узнала своего брата Илико.

— Сумасшедший! Напугал меня до смерти! Откуда ты взялся?

— Сама ты откуда взялась? Слезай скорей!

К экипажу подошел еще какой-то человек. Это был Авшаров, скрывший свой мундир под широким плащом.

— Теперь вы не уйдете от нас, прекрасная Кетеван! Согласно законам военного времени, вы объявляетесь арестованной. Извольте выйти из экипажа и следовать за мной, — сказал он, продевая свою руку под локоть девушки.

— Куда вы меня тащите? Оставьте меня! Не хочу, не пойду! — отбивалась Кето.

Но двое мужчин с легкостью ссадили ее с фаэтона. Илико отпустил извозчика, а Авшаров довел Кето до тротуара и, указывая на ярко освещенный подъезд, видневшийся выше по улице, проговорил:

— Теперь вы наша пленница и будете заключены вон в тот замок. Это ваша хрустальная башня на нынешний вечер.

Кето прочла светящуюся надпись «Бель-вю».

— Это же шантан! — вскричала она. — Что мне там делать? Пустите меня, стыдно! Завтра по всему городу пойдут разговоры...

— Что тут особенного? Ты же с братом! Да никто и не узнает! — ответил Илико, обхватив ее за талию.

Кето сопротивлялась изо всех сил, умоляла — но все было тщетно. Мужчины подхватили ее с обеих сторон и взбежали вместе с нею по ступеням. Не успела Кето опомниться, как уже очутилась в одной из лож, расположенных вдоль пустого, длинного коридора; при этом ее никто не видел, кроме одного лакея.

— Говорил я тебе — никто и не узнает! — успокаивал ее Илико.

— Вы ведь заметили — в ложах есть и другие дамы, — пришел ему на помощь Авшаров. — Они тут с мужьями — кого или чего им бояться?

— Они-то с мужьями, но я ведь не замужем! — продолжала возмущаться, но уже без прежнего пыла, Кето. Она попала в шантан! Ее втащили силой, не ввели, а именно втащили! Правда, с нею ее брат, но если хоть кто-нибудь узнает об этом... завтра она станет притчей во языцех, шум поднимется такой, что нельзя будет на улице показаться!

«Эх, будь что будет! Раз уж я вступила сюда, надо же отвесть недозволенного плода!» — подумала она и поглядела через отверстие в красном бархатном занавесе.

Вдоль одной из стен огромного, устланного коврами зала тянулись под потолком завешанные красными занавесями ложи. Среди колонн и кадок с тропическими растениями были расставлены столики, за которыми сидели ужинающие, главным образом, мужчины. Кое-где, впрочем, можно было заметить шансонеток, работающих в заведении, и нескольких дам весьма легкомысленного вида, явившихся сюда с кавалерами. Военные и штатские мундиры, черкески, сюртуки, смокинги, фраки, рединготы и визитки были перемешаны здесь без разбора. Лакеи во фраках, с белоснежными салфетками под мышкой, быстро и ловко скользили между столиками, вздымая над голо-

вой подносы, уставленные блюдами, бутылками и графинами. В зале стоял негромкий гул. То там, то здесь раздавался сдержанный смех. Посетители ужинали, попивали вино и беседовали.

В конце зала виднелась эстрада, закрытая занавесом.

Кето окинула взглядом зал и, заметив в нем несколько знакомых лиц, испуганно откинулась на спинку стула.

Авшаров протянул ей меню.

— Заказывайте, что душе угодно. Здесь можно получить все, вплоть до птичьего молока.

Кето стала отказываться.

— Ничего не нужно. Я сейчас уйду!

Наконец Авшаров сам заказал лакею ужин: закуску, шампиньоны, форель, жареных фазанов, филе на вертеле, водку, вино и шампанское. Покончив с этим делом, он принялся успокаивать Кето.

Илико раздвинул занавеси, развалился по-домашнему у всех на виду и стал кивать знакомым и приятелям, находившимся в зале.

У Кето снова душа ушла в пятки. Она съежилась, забилась в угол ложи и замерла.

Вдруг оркестр заиграл кэк-уок, и озорная негритянская мелодия разнеслась по залу. Голубой занавес в глубине раздвинулся, и на эстраду выбежала рыжая женщина далеко не первой молодости. За нею следовал негр в цилиндре.

Женщина была в откровеннейшем декольте, глубоко открывавшем огромную грудь и могучие, как у борца, плечи и руки. Короткая юбка едва доставала ей до толстых колен, прическа была увенчана шляпкой в виде корзинки с цветами. В руках она вертела тоненькую черную тросточку, перевитую красными лентами. Женщина, по-видимому, изображала сирену, так как туго обтягивавшее ее платье было снизу доверху усеяно серебряными блестками, похожими на рыбу чешую. Сильно нагнувшись вперед и как-то по-рыбьи виляя всем телом, она побежала вокруг сцены.

Курчавый партнер ее был одет по американской моде в клетчатые брюки и такой же клетчатый фрак. В руках он тоже держал черную тросточку с лентами. Нагнувшись вперед, как и его партнерша, он скакал вслед за ней с вытянутой вперед шеей.

Женщина тряслась все чаще и чаще, партнер ее ржал, как жеребец, сверкая ослепительно-белыми зубами; казалось, он вот-вот наткнется на нее.

Кето отвернулась и пробормотала с отвращением:

— Какая мерзость! Куда вы меня привели?

— Надо привыкать ко всему, моя прекрасная Кетеван! — наставительно сказал Авшаров.

— Что ты, сестричка? — изумился Илико. — Неужели, в самом деле не нравится? Ты с ними не шути! Эта пара знаменита на весь мир. Это же мадам Гопкинс, понимаешь, Гопкинс! А этот негр — ее официальный муж.

— Муж, который одевает жену, тогда как раздевают ее другие, — пояснил Авшаров и расхохотался.

Кето взглянула на него, словно не узнавая, и проговорила ледяным тоном:

— Если вы еще раз скажете подобную гадость, я немедленно уйду. До сих пор я не слышала от вас ничего подобного.

Авшаров вскочил, бросился к ее руке:

— *Mea culpa, mea culpa!* Виноват и заслуживаю наказания! Но

простите меня... Простите только в этот раз, в первый и последний. Если же это когда-нибудь повторится, будьте беспощадны!

Искреннее огорчение Авшарова было приятно Кето. Она позволила поцеловать свою руку и сказала более мягко:

— Хорошо, на этот раз прощаю... Но если когда-нибудь еще... Смотрите, перестану с вами знаться!

Тем временем появился официант с закуской и с огромным букетом в хрустальной вазе, которую он поставил посередине стола. Разложив приборы, он удалился на цыпочках, так же, как вошел.

Кето почувствовала, что успела проголодаться. Все трое принялись за еду. Илико и Авшаров опрокинули по рюмке водки, потом по второй, по третьей, и перешли на вино. Кето они предложили бокал сладкого муската. Завязалась легкая беседа — о погоде, о женских модах, о последних свадьбах и тому подобных мелочах, столь уместных в начале ужина, когда желудки только начинают насыщаться, а вино чуть-чуть уже ударило в голову.

С эстрады доносилась непристойная песенка. Полуголая женщина лихо отплясывала между куплетами, вскидывая ноги так, что ее толстые ляжки были видны до самых бедер. Какой-то развеселившийся офицер кричал ей с пьяной настойчивостью:

— Выше поднимай! Выше! Выше!

Подали шампиньоны. За ними последовали форель, жаркое и фазаны.

Трое сотрапезников ели с аппетитом и время от времени попивали шипучее, замороженное шампанское, поднимая бокалы за здоровье друг друга. Все эти рыбные и мясные блюда горячили кровь, вызывали приток жизненных сил, а шампанское кружило головы, обволакивало приятным туманом и подкашивало колени...

На эстраде танцовщицы сменялись шансонетками, а на смену певицам выбегали группы акробаток. Наконец вышла одетая и причесанная по-японски гейша из Тамбова и что-то стыдливо залепетала, а потом вдруг сбросила кимоно, осталась почти голой, превзойдя в бесстыдстве всех, выступавших раньше...

Кето глянула, чуть отодвинув занавес, на эту красотку и, внезапно заметив за кулисами знакомое лицо, повернулась в изумлении к брату:

— Это же знаменитый артист! Что он тут делает?

— Заведует художественной частью. Разве ты не знала? — ответил Илико.

Нет, Кето этого не знала. И ее очень огорчило, что этот выдающийся артист и известный переводчик унизился до службы в подобном месте... Она тут же высказала эту мысль вслух.

— Что ж ему делать, если грузинский театр прогорел? — сказал Илико.

— Здесь пахнет деньгами... А на этот запах слетаются все: артисты, поэты, ученые, бродяги и миллионеры, — добавил Авшаров.

— Это — одно из следствий господства буржуазии, — заявила Кето.

— И вы решили включиться в революционное движение, чтобы разрушить буржуазный ад и построить на его месте социалистический рай? Так или нет? Отвечайте! — допытывался Авшаров.

Кето вспомнила вдруг о Юдифи. «Юдифь обманула Олоферна, — значит, она умела притворяться! Какая же из меня выйдет Юдифь, если я не сумею надеть личину и проявить коварство!» — подумала она и ответила с самым естественным видом:

— Об этом спрашивайте кого-нибудь другого. А я предпочитаю сегодняшний ад завтрашнему раю.

— В самом деле? — усомнился ротмистр.

— Скажу даже больше, — продолжала Кето тем же искренним и простодушным тоном: — Одно время и я, подобно многим другим, была увлечена социалистическим учением... Но потом у меня открылись глаза, и я поняла, что мы и живем в раю.

— Молодец, Кето! — воскликнул Илико. — Вот теперь я тебя по-настоящему люблю!

Авшаров наострил уши, провел рукой по усам и неожиданно выпалил:

— Почему же вы сегодня были с Гургенидзе на кладбище?

И он уперся в глаза девушке сверлящим взглядом.

«Будь тверда! Не признавайся!» — словно шепнул кто-то на ухо Кето.

Она спокойно встретила взгляд Авшарова, изобразила на лице недоумение и ответила насмешливым тоном:

— Ах, какие у вас превосходные осведомители! Они всегда доставляют вам такие безошибочные сведения? Великолепно у вас поставлено дело!

Авшаров смутился.

— Но я знаю наверняка! — воскликнул он с наигранной уверенностью.

Но от Кето не укрылась нотка сомнения, проскользнувшая в голосе жандарма, и она звонко, почти искренне рассмеялась.

— Он знает наверняка! Ха, ха, ха! Может, вы видели меня своими глазами?

Жандарм окончательно растерялся.

-- Да нет, сам я вас, конечно, не видел, но... Этот агент крайне редко допускает ошибки...

Кето сразу поняла, о каком именно «редко ошибающемся» агенте идет речь, и еще решительнее атаковала Авшарова:

— Скажите уж, что ваш агент прямо назвал меня!

Авшаров попытался успокоить девушку комплиментом и льстивой улыбкой:

— Фамилии он, конечно, не называл, но зато описал вас с фотографической точностью. И, главное, сказал, что никогда не встречал такой красавицы.

Но лесть не смягчила Кето.

— И, конечно, добавил, что у этой красавицы в волосах белая прядь, не правда ли?

— Да, сказал и про белую прядь.

— Выходит, что я ходила весь день по улицам с непокрытой головой! — воскликнула Кето. — Как вы могли верить такой глупости?

— По правде сказать, мне в душу сразу закралось сомнение, — пробормотал ротмистр.

— Признайтесь лучше, что ваш агент и не заикался о белой пряди, и что вы сами это сейчас придумали!

— Что ж, признаюсь... Вы правы, — засмеялся Авшаров.

— И вы еще смеетесь! Как вам не стыдно? Не думала я, что вы станете применять ко мне ваши жандармские приемы! — сказала с обидой Кето. — Какая гадость!

Авшаров опустил перед девушкой на колени и принялся покрывать поцелуями ее руки.

— Простите меня. Не казните! — упрашивал он Кето. — Я невежа, я неотесанный чурбан, но я больше не буду. Умоляю вас, простите!

Кето сначала сопротивлялась, отталкивала его, но постепенно смягчилась и позволила целовать себе руки.

— Ну, хорошо... Еще раз прощаю... Но знайте: если когда-нибудь такое повторится, не смейте даже приближаться ко мне!

— Горько! Горько! Поцелуйтесь! — закричал порядком уже захмелевший Илико и кинулся к сестре, которую уже пытался обнять раззадоренный его поддержкой Авшаров. — Целуй ее, зять! Не робей! — И он схватил Кето за обе руки.

Девушка отчаянно отбивалась. Когда ротмистр наконец оторвался от ее губ, она закрыла лицо руками и затихла. Трудно было понять, плачет она или пытается справиться с неведомым волнением.

А Авшаров и Илико точно и вовсе забыли о смятенной девушке. Они наполнили бокалы, выпили на брудершафт, расцеловались и тут же заговорили на «ты».

Авшаров что-то шепнул на ухо Илико и еще раз поцеловал его. Молодой человек кивнул ему в знак согласия, подобрал полы своей черкески, распахнул занавес ложи и, вскочив на барьер, крикнул в зал:

— Эй вы, друзья-товарищи! Встречайте, я иду!

Его обычные собутыльники кутили в противоположном углу. Заслышав клич собрата, они повскакали с мест и возгласили:

— Честь и место!

Внизу, под самой ложей, сидели за ужином какие-то казачьи офицеры. Илико взвился в воздух и пронесся над их головами. Опустившись на пол, он волчком повернулся, учтиво извинился перед изумленными казаками и направился к своим приятелям.

Зал разразился громовыми аплодисментами.

Кето была потрясена. Когда Илико раздвинул занавес, ей стало так стыдно, точно она среди бела дня оказалась голой на людной улице. Отшатнувшись от барьера, она вся сжалась, согнулась в три погибели и чуть ли не нырнула под стол.

Авшаров быстро задернул занавес и попытался успокоить девушку:

— Не волнуйтесь, дорогая Кетеван! Никто вас не видел.

— Не утешайте! Меня видели очень многие. И теперь все знают, что мы с вами остались вдвоем в этой коробке. Ах, какой стыд!

Как предательски поступил с нею Илико! Ведь это он привел Кето сюда, в грязный кабаk, иначе Авшаров ни за что не посмел бы пригласить ее в такой вертеп! Родной брат обманом заманил ее сюда и предал: сбежал, оставив сестру наедине с пьяным мужчиной! Кето, пожалуй, и сама немного пьяна, но не утратила разума и достаточно еще владеет собой. И, гордо выпрямившись, девушка бросила дерзкому жандарму:

— Месье Артемий, мне пора домой.

— Но мы не можем уйти одни, — возразил ей Авшаров. — Ваш брат совершенно пьян, его нельзя оставить тут одного. Я привез его сюда, значит, я же должен доставить его домой. Да и чего вы спешите? Все равно минут через десять-пятнадцать нас всех попросят отсюда.

Да, это правда. Они не могут оставить здесь Илико. Вдруг электрические лампы на люстре замигали, — это было предупреждение, что через десять минут выключат свет.

Кето упала на стул. Воцарилось долгое молчание. Внезапно Авша-

ров бросился перед девушкой на колени, обнял ее ноги и забормотал прерывающимся голосом:

— Долго ли еще... Сколько вы будете меня мучить? За что?.. Чем я провинился? Почему вы с прошлого года так изменились ко мне? Почему отделились? Пожалейте! Прекратите эту пытку! Я покончу с собой! Больше мне ничего не остается!

Девушка была поражена. Она еще никогда не видела плачущего мужчину и глядела на Авшарова, широко раскрыв глаза. Почувствовав на руках у себя теплую влагу его слез, она растрогалась, запустила пальцы в белокурые волосы ротмистра и ласково потрепала их.

Авшаров жадно целовал ее руки и ноги, бормоча:

— О, моя единственная! Свет моих очей! Мое сокровище! Перестань меня мучить и скажи... Скажи, что ты моя. Что и ты меня любишь!

Кето откинула голову Авшарова назад, заглянула в его глаза и подставила ему трепещущие губы...

В эту минуту она не помнила о Юдифи.

А в зале слышались пьяные выкрики разошедшихся кутил, смех и веселый говор.

Их было пятеро, друзей-собутыльников. Всего пятеро — но весь город дрожал перед ними.

Всех пятерых распирало от избытка жизненных сил, от могучей радости существования. Они не знали, куда деть эти силы, как дать выход этой радости. От праздной жизни, сытной еды и обильного питья они были переполнены бившей через край энергией, игравшей в них, как молодое вино, готовое сбросить крышку замурованного сосуда. Часть этой энергии они тратили на кутежи, карточную игру и женщин, но оставалось еще очень много... И остаток этот проявлялся во всяческих проказах и буйных выходках, которые вызывали у одних — снисходительную улыбку, у других — возмущение.

Стоило этим молодым людям появиться на улице, как все разбежались в разные стороны. Тот, кто не уступал им дорогу, рисковал получить удар плеткой. Только женщинам и детям давали они пощаду.

Когда у них водились деньги — они тратили, не считая, а если денег не было — горе тому, кто потребовал бы у них расчета наличными.

Лучше всех эту пятерку знали проститутки, полицейские, лихачи-извозчики, рестораторы и официанты, давно уже привыкшие к звону их шашек, воинственным их кликам и трескотне револьверов.

Самым большим удовольствием этих весельчаков было посмеяться над кем-нибудь, сыграть с первым встречным веселую шутку. Тот, кто поддавался им, мог, пожалуй, дешево отделаться; но оказавший сопротивление долго потом жалел об этом.

Прежде, когда по городу еще ходила конка, они часто нападали на нее, выталкивали пассажиров, с грохотом угоняли вагон прямо по мостовой в какую-нибудь соседнюю улицу и располагались в нем, как в духане. Откуда ни возьмись, появлялись девчонки, вино, посуда, закуски, и улица наполнялась песнями и пьяным криком. Если кто-нибудь из пассажиров приходился гулякам по душе, его забирали с собой и отпускали, только влив ему в глотку несколько бутылок вина. И не было такого отчаянного человека, который отказался бы от их приглашения или попытался пристыдить их...

Вскоре около этого духана на колесах появлялся пристав. Повадки этих забияк были хорошо известны всем полицейским чиновникам. Они знали, что всякая попытка применить силу приведет к кровопролитию.

Поэтому пристав приходил один, присоединялся к пирующим, шутил сам и смеялся их шуткам и, в конце концов, после долгих увещаний и просьб кое-как умудрялся сплавить непрошенных гостей.

Но с прошлого года в Тбилиси провели электрический трамвай, и буяны потеряли возможность развлекаться таким способом.

Однажды какой-то официант в одном из увеселительных садов не угодил им. Илико потребовал, чтобы ему немедленно принесли веревку длиной в десять аршин.

— Зачем она вам, сударь? — спросил лакей.

— Не твое дело. Сейчас же ступай и достань ее где хочешь.

Официант принес веревку. Все пятеро тотчас же набросились на него и, связав, повесили беднягу вниз головой на ближайшем дереве. Официант поднял крик. Сбежалось множество людей, но никто не смел подойти близко к дереву. Хулиганы стояли на страже с обнаженными кинжалами и кричали, что выпустят кишки каждому, кто осмелится сунуть нос не в свое дело. Тогда ресторатор и официанты, хорошо знавшие озорников, попытались умиловить их испытанным способом. Повалившись в ноги кутилам, они объявили, что прощают им все старые долги и обещали еще три раза бесплатно их угостить. Наконец Илико снизошел к этим униженным мольбам и перерезал кинжалом веревку, на которой висел несчастный официант. Бедняга свалился с порядочной высоты, ударился головой о землю и остался на всю жизнь полудиотом.

Немало подобных проказ сошло с рук «сиятельным» шутникам, но в конце концов они накликали на себя беду.

Однажды вечером в летнем клубе они повздорили со знакомыми офицерами. Вдруг все пятеро вытащили револьверы и принялись палить в воздух. Потом пристали к офицерам и начали требовать у них оружие. Они кричали:

— Какое вы имели право войти в клуб вооруженными?

Еще немного — и пролилась бы кровь. Но случившийся рядом старик-генерал посоветовал офицерам:

— Не связывайтесь лучше с этими шалунами! Ступайте к выходу и сдайте оружие швейцару.

— Пусть и они сдадут свое оружие, — потребовали офицеры.

На этом все согласились. Обе стороны отправились к швейцару и сдали ему шашки и револьверы. Офицеры после этого вернулись в клуб, а «шалуны» потребовали свое оружие назад, офицерское захватили силой, сели в фаэтон и покатали к одному грузинскому генералу. Бросив ему под ноги свои трофеи, они заявили:

— Войска разоружены. Просим вас командовать всеми нами. Да здравствует грузинский царь Михаил первый!

Этого тогдашний наместник Голицын уже не мог стерпеть. Всех пятерых выслали в Россию. Но не далее чем через год сменивший Голицына Воронцов-Дашков сжался над молодыми людьми и разрешил им вернуться...

Появление их в любом увеселительном заведении неминуемо оканчивалось неприятностью.

И этот вечер не был исключением: в шантане запахло скандалом. Забияки сцепились с сидевшими за соседним столиком и схватились за кинжалы. Хозяин шантана, восьмипудовый толстяк Схиртладзе, полицейский пристав и несколько служащих бросились к ним, умоляя сжа-

литься над «врагами». Наконец «вражеские силы» сочли за лучшее покинуть поле битвы и незаметно скрылись. Воодушевленная своей победой пятерка ворвалась в полном составе на эстраду. Оркестр грянул кэк-уок, а кутилы подоткнули полы черкесок и вперемешку с тотчас же появившимися шантанными девицами пустились с гиком и ржанием во круг эстрады. Среди этих женщин была и мадам Гопкинс. Ее курчавый, белозубый муж каждый вечер именно в этот час чувствовал себя нездоровым и уходил домой. Внезапная болезнь и на этот раз не пощадила его, и он удалился, поручив свою жену заботам Илико.

Среди всего этого грохота и гама погасло электричество. Посетители уже успели покинуть заведение.

Авшаров увел Кето, крепко прижав к себе ее локоть.

Илико и его товарищи вместе со своими дамами толкались в вестибюле. Появился метрдотель. Стараясь держаться на почтительном расстоянии, он несмело сказал юному Ахатпели:

— Схиртладзе просил передать, сударь: заплатите сегодняшние девяносто рублей, а со старым долгом он согласен подождать...

— Пусть запишет и это, — ответил Илико.

— Не желает он, сударь, записывать. Ни за что не хочет.

— Ну так пусть запомнит!

И веселая компания с хохотом высыпала на улицу. На углу Верийского спуска и Коргановской улицы, чуть пониже аптеки Земмея, была дешевая, грязная гостиница, принадлежавшая какому-то отставному прапорщику. Гуляки со своими подругами одни за другим исчезли в дверях этого обшарпанного здания.

— Подождем Илико, — сказала Кето Авшарову. — Он, наверное, скоро выйдет.

— Не раньше, чем завтра к полудню, — рассмеялся Авшаров.

«Как я наивна!» — подумала Кето; щеки у нее горели от стыда.

Там же на углу они встретили свободный фаэтон. Авшаров велел извозчику поднять верх. В фаэтоне он обнял Кето за талию, притянул ее к себе и шепнул:

— Наконец-то ты моя, моя! Завтра же приду к вам и переговорю с твоими родителями.

— Не надо пока, — прошептала через силу Кето. — Подождем еще немного... Подумаем...

— Что же нам думать, божество мое? — испугался жених.

— Да ничего особенного, но все-таки. Дайте мне еще две недели сроку. Чтобы я могла прийти в себя.

Разумеется, Кето нужно об очень многом еще подумать. После этого сумасшедшего вечера с шампанским, с влюбленным бормотанием Авшарова, с горячими объятиями и поцелуями что-то в ней сгорело, умерло, а что-то, напротив, ожило. Революция, Юдифь, Зураб, Марта — все это отодвинулось куда-то вдаль, стало смутным, бесплотным, бескровным, утратило живую теплоту и превратилось в отвлеченные, невидимые и неосязаемые понятия...

Теперь уже только один Авшаров был воплощением теплоты и дружбы, той явственной, полнокровной действительности, которую Кето видела и ощущала, которой она покорялась со странной, сладостной готовностью. Какая-то непонятная радость и какое-то томление пронизывали все ее существо, туманили ей голову, лишали ее способности здраво рассуждать. И все же тайный голос в глубине ее души тихо и невнятно шептал: «Зураб. Юдифь. Жены декабристов. Свобода...»

Кето как будто бы старалась прислушаться к этому слабому голосу, сделать его своим высшим наставником и судьей, но у нее не было сил. «Авшаров одурманил тебя, околдовал, лишил тебя разума. Не давай ему обещания. Сначала остынь, отрезвись, рассуди спокойно. А иначе...»

Но никак она не могла уловить, чем же угрожает, что сулит ей будущее... Что надвигается на нее, бедную, гибнущую Кето, тщетно ожидающую спасителя?

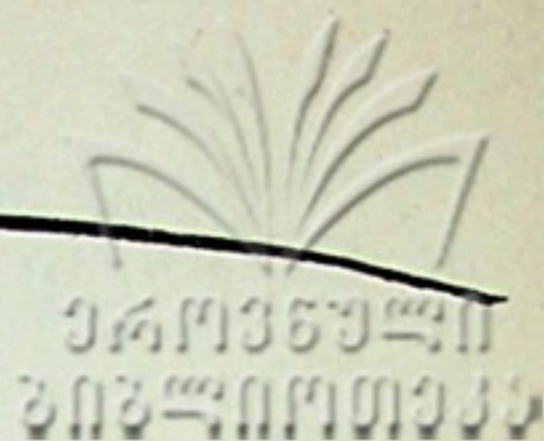
Фаэтон остановился перед домом Ахатнели. Кето и Авшаров на цыпочках поднялись по темной лестнице. Они не заметили девичьего лица в окне нижнего этажа, не заметили, как девушка, узнав их, улыбнулась и отошла от окна.

На верхней площадке Авшаров в последний раз обнял свою спутницу. Одурманенная вином и ласками, Кето с трудом вырвалась из его объятий и позвонила у двери.

А Авшаров, крадучись, как вор, выскользнул на улицу.

Продолжение следует.

Кале Бобохидзе

ПАМЯТИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ

— Лумумбу убили,
Лумумбу убили! —

У Конго — заплаканное лицо.
Убийцы
руки в крови омыли...
Но знамя свободы прорвало кольцо.

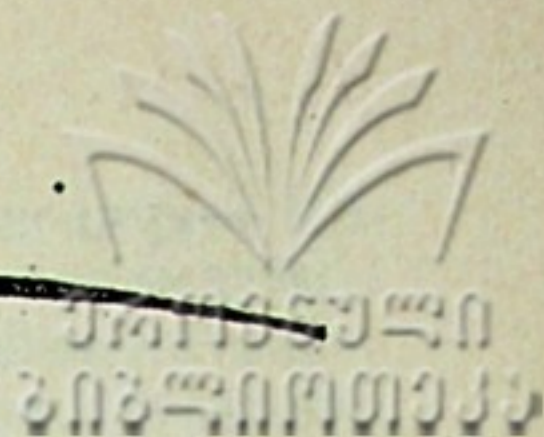
Убили Мполо,
убили Окито,
но, к мести взывая, гремит барабан.
Священное знамя,
что кровью омыто,
к желанной свободе
летит сквозь туман.

Ветер поднялся,
крепчает ветер...
На небе — траурный марш облаков.
Не сломит,
не сломит ничто на свете
народ, разорвавший звенья оков!

Пускай сотрясает
злодеев лютых
гневный и горький голос антенн!
О, соберитесь
с силами, люди,
скорбящие матери, встаньте с колен...

Пускай бушует
злодейское кодро —
остался написанный кровью завет:
«Не может ночь
воцариться над Конго,
если над Африкою —
рассвет!»

Перевод с грузинского Эдм. Иодковского

Серго Пхакадзе

На улице Орпири

БЫЛЬ

Перевод с грузинского Б. Г а с с а

Это случилось почти полвека назад, в Кутанси, в духане Коцоя Джгмадзе на улице Орпири. Стоял этот духан на бойком месте — у проезжей дороги, что вела на Хони, и почти всегда был полон разным людом. Впрочем, тому была и другая причина... Кто из кутаисских старожил, хоть раз побывавший в духане Коцоя, не помнит Куршава — огромной мохнатой овчарки с удивительным нравом. Стоило ей уловить дальнейшее позванивание бубенцов дилижанса, как она стремглав вылетала со двора, садилась на задние лапы посреди дороги и ждала приближения экипажа. Если дилижанс останавливался у духана, собака, довольно повиливая хвостом, возвращалась на прежнее место. Но горе тому извозчику, который проезжал мимо. Грозно рыча, овчарка настигала экипаж и нападала на лошадей. Оставалось лишь одно — сделать остановку.

Среди пассажиров, конечно, всегда находились любители выпить и хорошо закусить. Они шумно усаживались за стол, пили охлажденное в колодце вино, ели цыплят, прожаренных между двух кеци.

Кроме того, духан славился на весь город шарманщиком Гогия. Его «Сулико» или задорной танцевальной музыки под силу было даже мертвого поднять из могилы.

У Гогия Медзмаришвили, сына сакульского крестьянина-бедняка, было безрадостное нищее детство. Когда же он подрос и на губе стали пробиваться усы, отец решил отдать его в услужение духанщику. Да к тому же Коцоя приходился ему родственником.

— Верю, не дашь в обиду моего сына. Бог тебе судья.

В детстве Коцоя тоже в роскоши не купался. Подростком его отдали «мальчиком» к известному микитану Илико Георгадзе. И кто знает, что сулило бы ему будущее, не подвернись невеста с богатым приданым. Этому-то приданому и был обязан Коцоя маленьким духаном на улице Орпири. Человек веселого нрава, он любил кутнуть в кругу друзей и часто оставлял дневной барыш в чужих духанах.

Так, без особых тревог и забот, текла его жизнь. Однако, как говорится, беда живет не за горами, а за плечами. И в дом Джгмадзе постучалось несчастье. В один из бурных дней памятного 1905 года демонстранты напали на городскую тюрьму, чтобы освободить политических заключенных. В перестрелке жандармы убили единственного сына Джгмадзе.

Горе сломило Коцоя, отбило охоту ко всему в жизни. Однако, если в духан заглядывали друзья его сы-

на — участники той перестрелки, Джгамадзе встречал их, как самых дорогих гостей и делал все, чтобы доставить им удовольствие. Часто он поднимал с ними стакан вина и пил за сына, как за живого.

Со временем Коцоя все больше сходилась с подпольщиками, даже прятал в духане нелегальную литературу. Когда он помогал революционерам, Джгамадзе казалось, что сын его жив и находится среди них.

Однажды в духан вошли двое мужчин. Младший, который держал в руке фонарь, судя по одежде, был железнодорожником. В разговоре он часто употреблял мингрельские слова. У второго на плечи была накинута бурка. Из-под папахи выбивались седые волосы. Левую щеку пересекал глубокий сабельный шрам. Именно по этому шраму узнал его Гогия. Недавно подпольщики спрятали у Коцоя ящики с оружием. Тогда с ними приходил и этот человек. Гогия слышал, как друзья называли его Арсеном. Правда, Арсен не зашел в духан, а стоял у дороги, настороженно вглядываясь в темноту, но Гогия все же запомнил по шраму его лицо.

А сейчас этот человек в бурке подошел к Коцоя и сказал:

— Дело к тебе есть.

Духанщик показал глазами на засидевшегося паромщика, который пьяно бурчал себе под нос:

Ветер холодный
Обвевает духан Коцоя...

— Пожалуйста навверх, — пригласил Коцоя посетителей. — Вы, наверное, голодны?

— Спасибо, Коцоя, мы очень торопимся. Так вот какое у нас дело. Хотим на время снять твой погреб. Как ты на это посмотришь?

— Что значит снять, в ваших деньгах я не нуждаюсь, — обиделся духанщик. — Сегодня же освобожу погреб от бочек.

— Нет, пусть они остаются там, ничего не надо трогать.

— Воля ваша! — Коцоя недоуменно пожал плечами.

— В погребе будет жить этот товарищ, — пояснил человек со шрамом, кивнув на железнодорожника.

Пошептавшись еще немного, они вышли из духана и исчезли в ночи.

Через две недели к духану подъехала арба, груженная винными бочками.

— Не хотите ли купить вина, — спросил у хозяина аробщик. На левой щеке у него виднелся сабельный шрам.

— Вино вину рознь, — нарочито громко ответил Коцоя, — не мешало бы пробу снять.

Аробщик перелил вино из маленького бочонка в стакан и протянул его духанщику.

Долго они торговались, наконец ударили по рукам.

Через месяц Коцоя купил еще несколько бочек вина. Так в погребе духана Джгамадзе собрали печатную машину-американку. Однако шум от американки проникал в духан, поэтому молодому железнодорожнику Валико Лежава приходилось печатать прокламации только по ночам.

Как-то на рассвете в духан торопливо вошел уже знакомый Гогия Арсен. Он долго шептался с Коцоя, потом подмигнул шарманщику и спустился в погреб.

— Что-нибудь случилось? — озабоченно спросил его Валико.

— Вчера в Ткибули убили члена комитета. Надо срочно отпечатать прокламации. Сегодня вечером мы должны во что бы то ни стало раздать их по шахтам.

— Что ты, Арсен, забыл, что днем машину пускать нельзя. Скоро в духан повалит народ.

— Что-нибудь придумаем, — сказал Арсен и, скинув бурку, принялся набирать листовку.

Через некоторое время Коцояставлял Гогия Медзмариавили:

— Слышишь, парень. Садись-ка ты за шарманку и играй во всю.

Пока я не подам знак, не прекращай. Понимаешь?

— Чего тут понимать?

— Даже под страхом смерти не переставай!

— Ясно!

— Ну, не подведи!

Было позднее утро, когда в погребке кончили набирать прокламации. Арсен поднялся в духан, присел к столику, попросил закуски и стакан вина. Это было условным знаком, что скоро застучит американка.

Гогия, не мешкая, перекинул через плечо лямку шарманки и начал играть.

Прошел час. Шарманка играла не переставая, и стука машины не было слышно. Осталось каких-то двадцать минут, и дело было бы сделано. Но тут как на зло в духан ввалился участковый надзиратель. Коцоя прошиб холодный пот. «Не выслеживает ли он кого?» — мелькнула тревожная мысль. Стараясь не показать волнения, Коцоя спросил участкового:

— Водки или вина? — И ловко стряхнул салфеткой со стойки хлебные крошки.

— Водку. Холодновато нынче, — зябко поежился участковый.

Коцоя наполнил две стопки, подал шоти и свинину. Чокнулись, опрокинули по одной, потом по другой... Когда дошли до пятой стопки, полицейский вдруг обернулся к Гогия и крикнул:

— Прекрати играть, голова от твоей музыки заболела!

Гогия словно и не слышал его. По-прежнему неистово крутил он ручку.

Участковый пропустил еще стопку, повернулся на каблуках, зарычал:

— Тебе говорят, прекрати!

И это пропустил Гогия мимо ушей. Побагровев от ярости, полицейский подскочил к шарманщику и отвесил ему здоровую пощечину. Все пять пальцев отпечатались на щеке юноши. Но он не издал даже звука, все продолжая крутить шарманку.

— Зарублю тебя, сукина сына, — крикнул полицейский, хватаясь за шашку. И не успели присутствующие опомниться, как в воздухе сверкнул клинок. Отшвырнув ногой отсеченное ухо юноши, полицейский прохрипел:

— Теперь можешь играть, сколько угодно, — и, шатаясь, вышел из духана.

* * *

Сейчас улица, что выходит на Хонскую дорогу, больше не называется Орпирской. И духана там давно уже нет. Теперь на его месте выросло трехэтажное здание школы; у дверей которой часто можно видеть худого сгорбленного старика. Это сторож школы. Сидит он себе на низкой скамейке под чинарой и попыхивает трубкой. Кто знает, какие думы печалют или радуют старика? Прохожие приветливо здороваются с ним.

— Будьте счастливы, дорогие! — отвечает он, приподымая шапку. И только тогда можно заметить, что у старика нет левого уха.

Варлам Эсаиашвили

По советам великого Ленина

Задачи развития народного хозяйства и культуры Советской Грузии первым наметил Владимир Ильич Ленин. Он же определил пути и средства их решения.

Прекрасно разбираясь в своеобразии политического, экономического и культурного развития Грузии, ее международного положения, В. И. Ленин особое внимание уделял тактике партийных организаций Грузии и всего Закавказья. Именно поэтому, как только в Грузии установилась Советская власть и Компартия Грузии стала правящей партией, Ленин разработал и определил особенности тактики грузинских коммунистов. С научной глубиной и ясностью он сформулировал эти особенности в виде конкретных положений, в которых содержались указания об отношении коммунистов Грузии к грузинской интеллигенции.

Учитывая внутреннее и международное положение только что созданной в Грузии Советской власти, Владимир Ильич писал Г. К. Орджоникидзе 2 марта 1921 года: «Необходима особая политика уступок по отношению к грузинской интеллигенции...»

В письме от 14 апреля 1921 года «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики», В. И. Ленин уже в более развернутой форме указывает: «Больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к... интеллигенции...» и говорит о том, что мероприятия по оживлению и восстановлению народного хозяйства надо умело использовать «для привлечения к строительству хозяйства интеллигенции».

Ревком Грузии на своем заседании от 4 марта 1921 года обсудил письмо Ленина и постановил опубликовать его в печати. Вскоре оно было напечатано на страницах газет Грузии. Затем публикуется письмо Ленина коммунистам Кавказа и начинается систематическая популяризация и пропаганда ленинской тактики отношения к грузинской интеллигенции.

Ленинские советы и указания прозвучали как декларация нашей партии и Советского правительства. Ленинская тактика стала руководящим принципом, официальной политикой Компартии Грузии по отношению к грузинской интеллигенции.

Ленинские директивы убедили грузинскую интеллигенцию в необходимости лояльного отношения к Советской власти, активного участия в строительстве новой жизни.

Чтобы ясно представить себе всю мудрость и дальновидность ленинской тактики, достаточно вспомнить, что грузинская интеллигенция, довольно многочисленная, была в тот период весьма пестрой по своему составу. Значительный удельный вес имела демократическая интеллигенция. Но определенная часть грузинской интеллигенции, выходцы из буржуазной и дворянской среды, скептически относились к Советской власти, некоторые из них стояли на националистических позициях и явно сочувствовали антисоветским партиям, многие занимали колеблющуюся позицию. Некоторая часть этой прослойки интеллигенции, враждебно настроенная по отношению к Советской власти, придерживалась выжидательной политики. Лучшие представители интеллигенции, прогрессивно настроенная часть деятелей науки, искусства, литературы, большинство работников народного образования, технической интеллигенции с самого же начала без колебаний встали на позиции Советской власти.

Разумеется, такая сложная обстановка требовала, во-первых, — дифференцированного подхода к интеллигенции и, во-вторых, — вообще осторожного и мягкого отношения к ней.

Компартия Грузии приняла к руководству ленинские указания, и ее деятельность в этом направлении очень быстро привела к перелому в настроении интеллигенции.

В письме к Владимиру Ильичу от 3 марта 1921 года С. Орджоникидзе, одобряя указания Ленина, докладывал ему: «Для контакта и взаимного понимания с грузинской интеллигенцией делается все возможное».

М. Орахелашвили и Ш. Элиава писали в связи с этим В. И. Ленину: «Мы постараемся поставить интеллигенцию в благоприятные трудовые условия и дать ей полную свободу развивать здоровую национальную культуру на почве родного языка».

Злостная непрерывная пропаганда меньшевиков в различных общественных кругах оставила такой след, что все были убеждены, будто большевизм в Грузии означает насильственное уничтожение всего национального, разрушение национальной культуры. Но когда с нашим приходом все убедились в том, что все эти «ужасы большевизма» ложь и выдумка, в Ревком один за другим стали приходить делегаты различных обществ... от партийной и беспартийной интеллигенции и заявляли, что готовы работать с Советским правительством не за страх, а за совесть».

23 марта председатель Ревкома Грузии Ф. Махарадзе послал В. И. Ленину обстоятельное письмо, в котором сообщал о том, как осуществляются его указания об особенностях тактики коммунистов Грузии, в частности, в отношении к грузинской интеллигенции. Ф. Махарадзе писал В. И. Ленину, что довольно удачно взятый курс политики почти окончательно рассеял то скептическое, быть может, даже враждебное настроение в обывательской среде интеллигенции, которое создалось здесь в первые дни. В заключение Ф. Махарадзе делал вывод, что наиболее передовая часть грузинской интеллигенции сочувственно относится к нам.

На огромное значение директив Ленина Ф. Махарадзе указывал в письме, посланном в Москву М. Цхакая: «Положение постепенно улучшается. В этом в первую очередь помог Ленин... Теперь интеллигенция с нами».

Ленинская тактика по отношению к грузинской интеллигенции дала возможность ей пересмотреть свои взгляды, убедиться, что именно Советская власть способна сохранить замечательную многовековую грузинскую культуру и поставить ее на службу народу, создать условия для ее дальнейшего развития и процветания.

Грузинская интеллигенция скоро убедилась, что под руководством Коммунистической партии грузинский народ добивается все новых успехов в хозяйственном и культурном строительстве и, успешно решая национальный вопрос, неуклонно крепит дружбу народов.

Большое значение имели также мероприятия, проведенные правительством Грузии на культурном фронте. Издание декретов о социальном обеспечении деятелей науки и культуры, присвоение лучшим из них почетных званий, реформа школы, организация музеев, читален, оживле-

ние работы театров, увеличение числа газет и журналов, возросший уровень издательского дела необычайно расширили сферу деятельности интеллигенции.

Все это не только вызывало перелом во взглядах интеллигенции, но и практически вовлекало ее в социалистическое строительство.

Уже в начале 1923 года II съезд Компартии Грузии отметил, что обманутая меньшевистской демагогической клеветой интеллигенция порывает связь с антисоветскими партиями и смело переходит на сторону Советской власти.

В том же году Центральный Комитет Компартии Грузии опубликовал тезисы «Трудовая интеллигенция и наши задачи», в которых констатировалось, что «с упрочением Советской власти в интеллигенции происходит перелом. Писатели и художники — эта чувствительная часть интеллигенции — уже открыто переходит на нашу сторону. Это факт. Такой процесс в будущем более углубится».

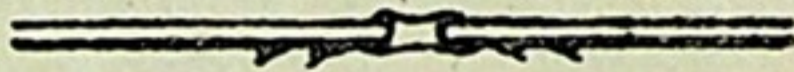
И, действительно, с осени 1924 года в массовом порядке начали появляться индивидуальные и коллективные заявления и декларации представителей интеллигенции, в которых они заверяли партию и правительство в своем желании посвятить все силы и способности строительству социализма.

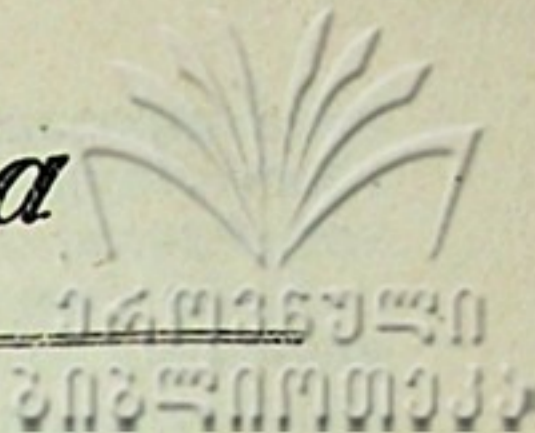
В начале сентября 1924 года состоялось расширенное заседание Совета профессоров Тбилисского государственного университета. Заседание приняло и опубликовало в печати пространную декларацию, в которой, отмечая достижения Советской власти в Грузии на культурном фронте, работники науки давали обещание быть до конца преданными Советской власти и делу строительства социализма. Декларацию подписали ведущие ученые Грузии — ректор университета И. Джавахишвили, профессора А. Дидебулидзе, Н. Мухелишвили, Г. Ахвледиани, Г. Чубинашвили, И. Бериташвили, Г. Гехтман, Ш. Нуцубидзе, Г. Натадзе и другие.

Декларация университетской профессуры нашла широкий отклик, к ней присоединились лучшие представители интеллигенции, которые дали слово неустанно и честно трудиться на благо Советской Грузии.

Так постепенно, но неуклонно происходило идейное перевооружение грузинской интеллигенции. Этому способствовало и то обстоятельство, что параллельно шла подготовка кадров новой интеллигенции из рабочих и крестьян.

Таким образом, неуклонное следование ленинской политике дало возможность сохранить замечательные кадры старой интеллигенции, которые, идейно перевооружившись, включились в социалистическое строительство и сегодня вносят большой вклад в сокровищницу не только грузинской, но и всей советской и мировой культуры.

Георгий Маргвелашвили

Жизнь, история, литература...

Краткий обзор грузинской советской прозы и драматургии

Статья первая

Становление грузинской советской прозы и драматургии относится к более позднему по сравнению с поэзией периоду. И это не удивительно, так как эпос и драма всегда в большей степени, чем поэзия, требуют — в качестве своей исходной первоосновы — наличия или уже отстоявшихся форм жизни, или уже сформировавшихся в самой жизни и определившихся характеров. Речь идет не о необходимости так называемой дистанции, а о качественном своеобразии работы над эпическим и драматургическим материалом, хотя и вопрос дистанции в тот период имел немалое значение, если учесть, что большинству грузинских писателей старшего поколения предстояло еще выработать свои основные взгляды на новые революционные процессы, происходящие в жизни Родины, предстояло понять, осмыслить и принять эту революционную новь. Ведь и в русской литературе после Октября почти целое десятилетие поэзия оставалась главной формой отображения действительности и идейно-художественного воздействия на нее. За малым исключением, лишь с середины и конца двадцатых годов стали появляться в ней первые ростки новой советской прозы и драматургии (Серафимович, Фурманов, Фадеев, Лавренев, Биль-Белоцерковский, Тренев, Гладков, Вс. Иванов, Вишневский, Бабель, Малышкин, Сейфуллина, Федин, Леонов, Шолохов, Ал. Толстой, Эренбург и др.), первые произведения, в которых закладывались основы нового, послегорьковского этапа социалистического реализма, опирающегося главным образом на материал современности, на «факты социалистического характера».

Так было и в грузинской литературе, дореволюционное развитие которой теснейшим образом было связано с литературными процессами, происходившими в России. Февраль 1921 года вновь восстановил утраченный было на время меньшевистского господства ее контакт с передовыми, революционными течениями русского искусства. И несмотря на то, что Октябрь в Грузии «запоздал» на три с лишним года, первые смелые шаги грузинской советской прозы приходятся если не на середину, то во всяком случае на конец двадцатых годов. В ускоренном процессе развития новой прозы и драматургии, безусловно, сыграл свою положительную роль богатый опыт русской советской литературы. Но совершенно очевидно и то, что грузинская советская проза и драматургия не смогли бы сделать за короткий срок сколько-нибудь заметных успехов, если бы они не опирались, в первую очередь, на прочные традиции самой грузинской досоветской реалистической литературы — на традиции Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели, Александра Казбеги и Важа Пшавела, Георгия Церетели и Эгнатэ Ниношвили, Давида Клдиашвили и Софрома Мгалоблишвили. И, что особо надо подчеркнуть, в грузинской советской литературе продолжал работу сильнейший отряд больших мастеров, начавших свой писательский путь еще до революции, творчески вполне сформировавшихся в старое время, не только внесших неоценимый вклад в сокровищницу грузинской советской литературы, но и способствовавших закладыванию ее основ, ее фундамента. Такими писателями были крупнейшие грузин-

ские прозаики начала XX века — Нико Лордкипанидзе, Михаил Джавахишвили, Лео Киачели.

Нико Лордкипанидзе к этому времени был уже автором классических произведений грузинской прозы, в том числе замечательных исторических повестей и современных рассказов, в которых с одинаковым мастерством рисовались и мрачные картины феодального средневековья («Лихолетье», «Грозный властелин»), и деградация современных отпрысков когда-то знатных родов, разрушение их «гнезд» (цикл рассказов «Разрушенные гнезда»), и жизнь простого трудового народа («Трагедия без героя», «Саба», «Великан», «Вековечная быль», «Ради очага», «Женщина в платке» и др.). Михаил Джавахишвили был широко известен как автор небольших реалистических рассказов из жизни социальных низов («Чанчура», «Свадьба Курки», «Сапожник Габо» и др.). Что касается Лео Киачели, то достаточно сказать, что он уже был автором классического произведения грузинской революционной литературы — знаменитой повести «Тариэл Голуа», посвященной событиям 1905 года в грузинской деревне. Значение этого произведения для новой грузинской литературы можно сравнить лишь с ролью, которую в русской литературе сыграл роман Горького «Мать».

Из плеяды дореволюционных мастеров, пришедших в советскую литературу, мы выделили именно этих трех писателей, ибо их дальнейшая творческая биография во многом станет определяющей в становлении и развитии грузинской советской литературы. Но следовало бы упомянуть и других грузинских писателей дореволюционного поколения, которые к тому времени в основном уже прошли свой жизненный и творческий путь, но которые благородным примером сотрудничества с победившим трудовым народом и его властью во многом способствовали консолидации и сплочению творческих сил молодой советской республики на этом важнейшем начальном этапе ее существования. Такими писателями были живые классики грузинской литературы — Давид Клдиашвили, Шио Арагвиспирели, Василий Барнов. В этом же ряду следует назвать

имена Анастасии Эристави-Хоштария и Екатерины Габашвили.

Но в двадцатых годах, как мы сказали, лишь закладывались основы грузинской советской прозы и драматургии, предпринималась смелая разведка, производились эксперименты, происходило идейное и художественное «самоопределение» литературных сил, их «вооружение» и «переворужение». Само же «здание» было возведено лишь в тридцатых годах, в период, который для молодого поколения советских писателей был периодом «возмужалости и зрелости» и который, вместе с тем, оказался для старшего, дореволюционного поколения грузинских писателей «творческой порой второй молодости, второго рождения», когда «их зрелое мастерство и профессиональный опыт получили духовное подспорье и жизненную опору». Именно в тридцатых годах были созданы в грузинской литературе такие широкие эпические полотна, отображающие новую действительность или же процесс борьбы за эту новую действительность, как романы Лео Киачели и Константина Гамсахурдиа — «Гвади Бигва» и «Похищение луны», первые книги романов Константина Лордкипанидзе «Заря Колхиды» и Александра Кутатели «Лицом к лицу», повести и рассказы о новой жизни грузинского народа — Серго Клдиашвили, Демны Шенгелая, Акакия Белиашвили, пьесы Шалвы Дадиани и Сандро Шаншиашвили, Поликарпа Какабадзе и Ионы Вакели и многих других — старых и молодых — грузинских писателей.

Нет никакой, разумеется, возможности в кратком очерке охватить хотя бы наиболее значительные произведения грузинской советской прозы и драматургии, заслуживающие — с точки зрения их удельного веса и их места в грузинской литературе — специального обзора. Поэтому, исходя из главной задачи нашего очерка — показать не только развитие литературы, но и развитие самой действительности, отображаемой литературой, — мы выделим здесь лишь несколько произведений, по которым шаг за шагом можно проследить основные этапы жизни грузинского народа за истекшее вели-

кое сорокалетие, начиная с его борьбы за победу власти трудящихся, через годы коллективизации и утверждения новых устоев хозяйственно-экономической, политической, культурной и духовной жизни народа, устоев, выдержавших великое испытание Отечественной войны, и кончая его сегодняшним мирным трудом и борьбой во всех их проявлениях и на всех участках — от новостроек семилетки до «новостроек» разума, сердца и души советских людей — строителей коммунизма.

Так повелось, что в Грузии любое
Событие, подвиг, радость или честь
Должны оставить следом за собою
В живых словах изложенную весть.

В этих строках грузинского поэта хорошо показана теснейшая связь грузинской литературы с жизнью народа. И действительно, грузинская советская литература на разных этапах своего развития смогла передать в живых образах события и подвиги, радость и честь своего народа. Исходя из этого и мы в своем обзоре будем придерживаться хронологии не столько историко-литературной, сколько собственно-исторической.

Но прежде чем обратиться к обзору этапных по своей теме и жизненному материалу произведений грузинской советской прозы, отобразивших почти полувековую жизнь и борьбу грузинского народа, напомним, хотя бы бегло, о тех произведениях, в которых воссоздана жизнь нашей родины, предшествовавшая этой новой эпохе, подготовившая ее исподволь, из глубины веков до ее кануна. Тем более, что среди них встречаются и некоторые лучшие произведения грузинской советской литературы в целом.

Хотя грузинская советская проза и драматургия находятся еще в большом долгу перед многовековой исторической жизнью своего народа, они смогли, тем не менее, отобразить — талантливо и ярко — многие значительнейшие ее этапы. Так, например, в исторических романах К. Гамсахурдиа — одного из крупнейших советских писателей, работающих в этом жанре, — перед читателями воскресают «события и подвиги»

грузинского феодального средневековья, когда для своего времени наивысшего выражения достиг и художественный гений народа, победивший суровый и жестокий дух эпохи («Десница великого мастера»), и его государственный и военно-политический гений, создавший и отстаивавший передовое для своего времени просвещенное и могущественное государство («Давид-Строитель»). Перелистывая далее страницы этой многостой летописи, в «живых словах изложенной вести», читатель становится свидетелем и начала заката феодальной Грузии («Лашарела» Г. Абашидзе), и многовековой вынужденной спячки поработанного народа («Давид VIII» П. Какабадзе), и нового оживления его исторической жизни, свидетелем упорных поисков новых путей для выхода из исторического тупика, поисков часто трагических, но всегда целенаправленных и поистине героических (романы «Жизнь Бесики» и «Золотой шатер» А. Белиашвили, «Печаль героев» Л. Готуа, драмы С. Шаншиашвили «Георгий Саакадзе» и «Герои Крцаниси», драма И. Вакели «Георгий Саакадзе», пьеса Л. Готуа «Царь Ираклий», героическая комедия В. Канделаки «Майя Цхнетели» и др.).

Важнейшее в новой истории грузинского народа предреволюционное столетие также нашло свое многообразное и разноплановое воплощение в таких крупнейших произведениях грузинской советской прозы, как «Арсен из Марабды» Михаила Джавахишвили (первый подъем социально-освободительного и национально-освободительного движения в Грузии после ее присоединения к России), «С тропинок на рельсы» Нико Лордкипанидзе и «Судьба женщины» Михаила Джавахишвили (подъем пролетарского революционного движения, увенчавшийся подвигом народа в 1905 году), «Семья Гвиргвилиани» Шалвы Дадиани (деградация феодальной аристократии и духовное возрождение и сплочение народных масс в преддверии революционного подъема конца XIX — начала XX века), «Бата Кекия» Демны Шенгелая (быт и психология грузинского крестьянства, начиная со времен отмены крепостного права и кончая эпохой коллективизации,

показанные через судьбу одного главного героя, от лица которого и ведется повествование), «Ладо Кецховели» Иакинто Лисашвили (художественная летопись жизни и деятельности замечательного грузинского революционера, одного из первых руководителей пролетарского революционного движения в Закавказье).

А как своеобразно каждое из перечисленных выше произведений! Как многообразна форма воплощения исторической действительности грузинскими писателями! Тут и в высшей степени поэтические, своего рода романы-поэмы К. Гамсахурдиа, богатые по языку и щедрые по своей образности. Тут и глубокий психологизм Нико Лордкипанидзе, лаконизм и точность его стиля. Тут и философская глубина, символическая обобщенность иронической и сатирической драматургии Поликарпа Какабадзе или же романтическая приподнятость и героическая монументальность героев Сандро Шаншиашвили. Тут и искрометный юмор, неистребимая жизнерадостность, глубокое знание народного языка, экспрессивность и «стремительность» стиля — у Демны Шенгелая и, рядом с этим, мастерское сочетание яркого бытоописания с исторической хроникальностью, спокойное, подчеркнуто «эпическое» повествование — у Шалвы Дадиани.

Этот список авторов и произведений можно было бы, разумеется, расширить.

Так подходит читатель почти вплотную к историческим событиям и социальным явлениям, приведшим к победе в Грузии Советской власти — 25 февраля 1921 года. Но с февраля 1917 года, когда рухнула царская монархия в России, и с октября 1917 года, когда в России победила первая в мире пролетарская революция, до грузинского Октября — прошло, как известно, более трех лет, на протяжении которых классовая борьба, а по существу и гражданская война в Грузии продолжалась в особых условиях — в условиях меньшевистской диктатуры, ввергнувшей страну в экономический и политический хаос. Неудивительно поэтому, что этот драматический период в истории Грузии стал объектом самого пристального внимания

грузинских писателей разных поколений и дарований, романистов и драматургов, эпиков и сатириков. Достаточно назвать хотя бы такие значительные произведения грузинской советской литературы, как повести и романы «Аки Адзба» Леона Киачели, «Костер» Раждена Гветадзе, «Пепелище» и «Тихая обитель» («Ирина Тухарели») Серго Клдиашвили, «Февраль» Демны Шенгелая, сатирический роман Михаила Джавахишвили «Квачи Квачантирадзе», комедия Поликарпа Какабадзе «Кваркваре Тутабери» и, наконец, четырехтомный роман-эпопея Александра Кутатели «Лицом к лицу», чтобы понять, какое место заняла в грузинской литературе тема борьбы грузинского народа за победу Советской власти, тема разоблачения прогнившего буржуазного строя.

Империалистическая война, Февральская революция, период меньшевистского господства в Грузии, победа Советской власти — все эти тесно переплетенные и одно за другим следующие исторические события по-разному, в разном объеме, в разных аспектах, в разных формах отразились в грузинской советской литературе. В «Пепелище» Серго Клдиашвили мы видим отражение событий мировой войны в жизни жителей маленького грузинского села. Это обычный беллетристический прием С. Клдиашвили — одного из крупнейших грузинских писателей, выдающегося мастера прозы — показ влияния всемирно-исторических событий на жизнь самой малой единицы — одного села, одной семьи, даже одного человека, причем сами эти грандиозные события остаются за пределами изображения и лишь достоверно и тонко, «без нажима» описанная судьба «маленьких людей» из «маленького мира» дает нам почувствовать наличие больших «внешних» сил, явлений, событий, исторических сдвигов. Даже когда ураган войны «вырывает» из деревенской глуши героев Серго Клдиашвили и бросает их, скажем, в окопы, как это показано в «Пепелище», автор не пытается дать широких эпических описаний, он и здесь ограничивается изображением ближайшего окружения и непосредственных впечатлений своих героев. Тем убедитель-

тельное и интереснее выводы, к которым приводит героев Клдиашвили сама жизнь — мрачная, жестокая, бесчеловечная, но уже освещенная «лучом света» приближающейся революции — в «Пепелище»; застоявшаяся и, казалось бы, «законсервированная», но уже колеблемая подземными толчками истории, охваченная смутной, но непреодолимой тревогой, а вскоре и вовсе взбаламученная ветром новой жизни, повеявшим даже в самой глухой провинциальной глуши — в романе «Тихая обитель» («Ирина Тухарели»). Герои С. Клдиашвили — отнюдь не активные борцы или страстные искатели правды. Они — люди, находящиеся во многом во власти стихийного течения жизни, ее «естественного потока», плывущие «по течению». Но автора как раз и интересует их «возрождение», изменение именно их психологии и быта, ибо если революция затрагивает и взрывает устой даже таких «тихих обителей», значит, сила ее действительно непреоборима! «Нас спасет только революция!.. Я говорю о революции народной, которая в корне изменит всю нашу жизнь... Только в такой революции наше спасение» — вот вывод, к которому приводит логика самой жизни героя «Пепелища» — своего рода «неизвестного солдата», оставшегося в живых и описавшего свою «обыкновенную» судьбу.

Но старый мир иногда так глубоко проникает в человеческую душу, так цепко захватывает ее и поработывает, что никаким новым веяниям в нее уже не проникнуть. А если такой раб старого мира — сам человек труда, представитель народа, то судьба его оказывается поистине трагичной. Эта тема легла в основу известной повести Лео Киачели «Аки Адзба». Исторически достоверные факты — заход в 1918 году в Сухумский порт большевистского крейсера «Шмидт», срочно нуждавшегося в закупке продовольствия, и связанные с этим события — дали писателю возможность в пределах интересного и напряженного, почти новеллистического сюжета нарисовать самые разнообразные общественные силы и социальные группы, противоборствующие или «сосуществующие» в маленьком приморском

городе, где в миниатюре были представлены и меньшевики, и белогвардейцы, и обыватели, и трудовой народ, и передовые борцы, и пленники рабской психологии — колоритный и даже трагичный образ одного из представителей которых олицетворяет главный герой повести крестьянин Аки Адзба, молочный брат князя Уджуша Эмха, оказавшийся слепым и послушным орудием в руках этого злобного врага революции, убийцы моряка с большевистского крейсера. Великолепны страницы повести, сатирически рисующие обывательский сброд и «демократических» руководителей маленького города. Ничтожество, беспринципность и трусливая изворотливость меньшевистских краснобаев блестяще олицетворены писателем в целом ряде остро-характерных портретов и, в первую очередь, в образе сухумского городского головы Соломона Даванадзе, который, спекулируя на своем эпизодическом и довольно сомнительном участии в революционном движении, смог всплыть на поверхность в годы «демократического» безвременья.

Сатирическое изображение в грузинской литературе «героев» этого безвременья было поднято на большую высоту в знаменитой комедии Поликарпа Какабадзе — «Кваркваре Тутабери», ставшей классическим произведением грузинской драматургии. Образ честолюбивого авантюриста, бездельника и пустозвона, прикрывающего свою паразитическую сущность эффектным «конъюнктурным» языкоблудием, использующим свои несуществующие, им самим придуманные и случайным стечением обстоятельств «подтвержденные» заслуги перед народом для его же порабощения, — образ этот стал нарицательным, завоевал громадную популярность и вошел в избранную галерею самых ярких художественных типов новой грузинской литературы. Социальная острота этого образа, при всем его обобщенно-сатирическом характере, определялась тем, что в пьесе блестяще была нарисована та социальная атмосфера и среда, те исторические обстоятельства, при которых получают возможность «развернуться» такого рода типы. Подходящей почвой для «буйно-

го цветения» этой «натуры» оказалось все то же межреволюционное безвременье, мутные волны которого подняли на свой гребень властолюбивого паразита Кваркваре Тутабери. Естественно, что ему пришел конец, как только исчезла почва, питавшая его.

Весьма родственен Кваркваре по своей социальной сущности и даже психологическому складу другой столь же блистательно нарисованный «герой» межреволюционного «смутного времени» — Квачи Квачантирадзе из одноименного сатирического романа Михаила Джавахишвили. Тут арена деятельности паразита-авантюриста даже шире — из глухой самтредской глуши Квачи добирается до императорского двора в Петербурге и становится очевидцем и участником почти всех событий, происходящих в «верхах» как в предреволюционную, так и в послефевральскую пору вплоть до Октября. «Квачи Квачантирадзе» — яркий и талантливый роман-гротеск, сатирический памфлет, показывающий полное моральное и политическое разложение всех господствующих слоев буржуазно-монархического и буржуазно-«демократического» общества.

Как видим, уходящий мир изображен в грузинской литературе довольно разнообразно — от трагической эпики «Аки Адзбы» и реалистического минора «Пепелища» до сатирической иронии «Кваркваре» и социального гротеска «Квачи Квачантирадзе». И уже совсем иные краски требовались писателям, которые поставили перед собой задачу не только пропеть эпическую или сатирическую «отходную» старому миру, но и дать реалистическое или романтическое (в зависимости от жанра и замысла) изображение передовых сил общества, движущих сил революции, призванных победить и похоронить старое. И вот героическая романтика революционного движения, впервые во весь голос прозвучавшая в грузинской прозе еще в «Тариэле Голуа» Лео Киачели, находит свое продолжение в романах Раждена Гветадзе, в первую очередь в его «Костре» («Чиакокона»), где не столько изображена (скажем, приемами строго-реалистической детали-

зации), сколько романтически представлена и воспета героическая борьба грузинского народа с помещичьим и буржуазным укладом, с царским режимом и меньшевистской диктатурой. Наиболее же крупным произведением грузинской прозы, уже несколько позже и с более широким эпическим размахом, отобразившим жизнь грузинского народа в короткий, но весьма драматический период между двумя февральями — буржуазно-демократическим февралем 1917 года и социалистическим февралем 1921 года, — оказался роман Александра Кутатели «Лицом к лицу».

Этот роман по многим своим жанровым признакам близок к тому типу романа-эпопеи, который был создан в русской литературе Алексеем Толстым. Четырехтомная эпопея Кутатели — это тоже своего рода «хождение по мукам» грузинской интеллигенции, которая от абстрактных, романтических идеалов «аполитичного» гуманизма, через жесточайшие испытания всех «кругов» меньшевистского ада пришла к подлинному пониманию исторических событий, выстрадала четкое и ясное мировоззрение, нашла свое место в обществе, обрела свою роль в историческом творчестве народа.

Своеобразным ключом к пониманию многопланового замысла этого романа является уже его заглавие — «Лицом к лицу». Кто же с кем встречается лицом к лицу? Интеллигенция с народом? С революцией? Революция с контрреволюцией? Большевистские правители с историей? Интеллигент с самим собой? Он же со своей любовью, с любимой девушкой? Кто с кем?.. Вся глубина и своеобразие романа как раз в том и заключается, что в нем поставлены все эти, большие и малые, вопросы. Лицом к лицу с народом проверялись подлинный патриотизм, гуманизм и демократизм грузинской интеллигенции. Лицом к лицу с историей выявилось полное банкротство меньшевистской контрреволюции. Лицом к лицу с самим собой, с друзьями и близкими, с любимой определялся и проверялся духовный и моральный облик интеллигента, вырабатывался его нравственный кодекс, который уже не мог существовать независимо от

его социально-философского и политического мировоззрения. Теснейшим образом оказалась переплетенной с политикой и эстетика — она тоже оказалась лицом к лицу с бушующим и борющимся миром. Сколько вопросов выдвигала жизнь перед молодым человеком, только что окончившим гимназию, с радостью, разумееется, воспринявшим весть о ниспровержении самодержавия, питающем наирозовейшие иллюзии о патриотической миссии новой «независимой» и «демократической» власти! И сколько ответов, трудных и сложных, грубых и откровенных, не всегда привычных для слуха и приятных для интеллигентской души, давала жизнь, с которой этому молодому человеку пришлось столкнуться лицом к лицу!

«Хождение по мукам» Корнелия Мхеидзе — главного героя эпопеи Кутатели — это убедительное свидетельство неотделимости судьбы человеческой от судьбы народной, — если человек хочет остаться человеком, а тем более если он хочет стать настоящим человеком. Судьба Корнелия Мхеидзе — яркий пример того, как честные поиски правды приводят, не могут не привести художника к революции. Она — эта судьба — не менее красноречивое подтверждение и той истины, что уже в ту историческую эпоху, в которую пришлось жить, мыслить и действовать Корнелию Мхеидзе, подлинный патриотизм грузинского интеллигента не мог не привести его к социалистическим идеалам, ибо, как мы уже говорили выше, патриотические, национальные интересы грузинского народа оказались теснейшим образом связанными с революционными и социалистическими задачами, осуществление которых он отныне поставил себе целью. Более того, социализм оказался единственным исторически возможным решением национального вопроса. Перефразируя одну известную характеристику романа А. Толстого, можно сказать, что в эпопее грузинского писателя с большой исторической и психологической достоверностью оказался изображенным процесс перехода грузинского интеллигента «на позиции осознанного, выстраданного участия в строительстве» новой Грузии, а через это —

и превращение его прежнего патриотизма «в патриотизм советский, воспринявший в себя» грузинский патриотизм, «но не исчерпывающийся им».

Этот процесс духовного роста и закалки Корнелия Мхеидзе теснейшим образом взаимосвязан с «внешними» фактами его биографии, двигающими целый ряд сюжетных линий романа. Благодаря большому мастерству, писателем достигнута в романе эта взаимообусловленность развития характера и движения сюжета — признак каждого подлинно реалистического произведения. С расширением духовного кругозора Корнелия Мхеидзе расширяется и мир событий и явлений, захватываемых романом. И наоборот: столкновение с каждым новым «внешним» событием и явлением служит импульсом для очередного «скачка» в сознании героя. Соответственно меняется и позиция этого героя — от пассивно-созерцательной к активно-действенной.

Из узкого и душного мирка аристократической семьи Макашвили, с которой был связан Корнелий Мхеидзе, — через первые же события внешнего мира, коснувшиеся сначала его «глаза», а затем и «сердца», чтобы завладеть вскоре его «сознанием» — к широким горизонтам всенародной борьбы за подлинную свободу родины и народа — таков путь героя эпопеи А. Кутатели. Расстрел меньшевиками рабочего митинга в Александровском саду; кровавая бойня на станции Шамхор, спровоцированная реакционными силами, чтобы разоружить революционно настроенных солдат, возвращавшихся с фронта; неспособность меньшевиков организовать отпор турецким захватчикам и братоубийственная война с Арменией, развязанная дашнаками и меньшевиками; моральная деградация меньшевистского «тыла» и позорное пресмыкательство лидеров «демократической» республики перед немецкими, а затем английскими хозяевами; восстание крестьян в Западной Грузии, наглядно продемонстрировавшее, с одной стороны, беззаветную преданность большевиков интересам народа и, с другой, — контрреволюционную и антинародную сущность меньшевистской реак-

ции, безжалостно подавившей народное движение; постепенное и неуклонное внутреннее разложение этого антинародного режима, в условиях которого даже субъективно честные, не лишенные патриотических чувств и не чуждые демократическим идеалам деятели оказывались жалкими марионетками в руках внутренней и внешней реакции; новое всеобщее нарастание народного возмущения и наконец полный крах этого недолговечного мертворожденного режима под ударами народа, принявшего братскую помощь Красной Армии, — таковы основные вехи трехлетней биографии страны, которая стала и биографией Корнелия Мхеидзе.

Политическая острота романа, «обнаженность» его идейной проблематики не помешали автору изобразить противоборствующие и контрастные социальные силы (как в целом, так и в лице их конкретных представителей) без какого-либо упрощения, во всей сложности и противоречивости, «трехмерности» характеров и многогранности событий. Правда историческая, правда социальная не пришли под пером романиста в столкновение с правдой психологической. Достигнуто это и благодаря тому, что оба контрастных «лагеря» — помещичье-буржуазное общество с его интеллигентской «надстройкой» и трудящиеся массы во главе с большевиками и в содружестве с подлинно народной интеллигенцией — изображены в романе не в одном каком-либо аспекте, хотя бы и самом важном, самом главном, а во всех своих политических, нравственных, эстетических, психологических, бытовых «опосредствованиях». Поэтому путь страны от февраля 1917 года, когда начинается действие романа, до февраля 1921 года, когда оно по существу завершается, показан исторически правдиво, художественно ярко, а поскольку путь этот пролегает и через человеческие сердца — психологически убедительно и достоверно.

Итак, в жизни грузинского народа началась новая эра. Над страной занялась заря советской эпохи. Но еще не одна туча пробежит по ее «бирюзовому небу», и не одна тень

падет на ее «изумрудом блестящий дол», пока новая жизнь не утвердится окончательно не только во всем укладе и быте грузинского народа, но и в сознании всех людей страны, — и искренне желающих идти «зарю навстречу», и отнесенных «к новому берегу» бурным потоком самой жизни. А сколько еще останется на «старом берегу»! Сколько повернется спиной к «зарю», предпочитая пребывать в привычном мраке и цепляясь за неверные тени прошлого! Страницу за страницей этой сложной, порой весьма драматичной эпопеи рисует нам грузинская советская литература, чтобы взяться затем за осуществление своей главной исторической задачи — показа утверждающегося и уже утвердившегося нового уклада, побеждающего и уже победившего нового сознания.

Но пока еще плывут «без руля и без ветрил» обломки обветшалого, потерпевшего крушение корабля. Вот бывший князь Теймураз Хевистави оказывается «хизаном» бывшего своего батрака, ставшего деревенским нэпманом, — Джако Дживашвили, который отнимет у него и остатки имущества и даже жену... Падение либеральствующего отпрыска древнего и знатного рода столь же низко, сколь и бесповоротно — он даже вынужден (и силой обстоятельств и в силу собственной слабости и беспребетности) присутствовать при венчании своей жены с Джако, а затем даже наняться в приказчики к этому цепкому хищнику. «Хизаны Джако» Михаила Джавахишвили — очень горькая, очень едкая и беспощадная насмешка над трагикомической судьбой известной части грузинской дворянской интеллигенции, олицетворенной в образе жалкого и несчастного «князя» Теймураза.

Не менее жалка и судьба стареющей княжны Майи из замечательной, одноименной новеллы Лео Киачели. И не менее символична. Ибо весь тот веками культивируемый комплекс чувств, переживаний, страстей, склонностей, влечений, порывов, еле прикрывающий свою биологически-бесстыдную суть прозрачным и призрачным флером дворянских манер и интеллигентского «стиля», весь этот комплекс, который в концентрированном виде живет еще

и дает последнюю яркую вспышку не столько в душе, сколько в «плоти» княжны Майи, — показан в рассказе Киачели в ярком и контрастном сопоставлении с ясной духовностью и здоровой чувственностью физически и нравственно молодых героев нового мира и нового времени.

И еще один закат — на этот раз «провинциальной луны» — показан в упомянутом уже нами выше романе Серго Клдиашвили «Тихая обитель» (первый, более ранний вариант произведения так и назывался — «Луна провинции»). И здесь мы видим своеобразную вариацию судьбы Теймураза и Джако: дворянин-интеллигент, адвокат Георгий Тухарели с дочерью Ириной оказываются «хизанами» мелкого заводчика, нэпмана Симона Берошвили, вынуждающего Ирину Тухарели к браку. Но за этой внешне схожей социальной схемой видны совершенно иные образы и судьбы, диктующие и совершенно иную манеру изображения и повествования. Если в «Хизанах Джако» доминировала скептическая и жесткая горько-ироническая тональность, то в «Тихой обители» сильно звучит лирико-драматическая нота. И если сатирическое жало писателя достаточно остро разит Симона Берошвили и ему подобных, вполне заслуживающих такой участи, то Ирина и даже ее отец увидены писателем добрыми глазами, они не обречены им на гибель, ибо сами несут в себе хотя бы малое зерно своего возрождения, прозрения, обновления. Прозрение может наступить слишком поздно, на пороге смерти (такова судьба Георгия Тухарели), оно может стать началом нового, большого, ясно предугадываемого в заключительных пассажах романа, жизненного пути (на этот путь вступает Ирина), но одно бесспорно — к старому возврата больше нет, и все мало-мальски честное, искреннее и человеческое в «тихой обители» старого мира должно выйти навстречу бурной нови, если оно не хочет утратить не только свой «покой», но и свою честность, искренность и человечность. Или пойти на дно вместе с миром Джако Дживашвили, что и произошло с Теймуразом, или порвать с миром Симона Берошвили и сжечь

все мосты к отступлению, что и сделала Ирина Тухарели, — другого выхода нет. Третьего не дано ни историей, ни человеческой психологией.

...Княжна Майя гибнет в волнах Черного моря. И как ни отличен от образа этой стареющей, но все еще жаждущей плотских восторгов княжны, образ центрального героя известного романа Константиноэ Гамсахурдиа «Похищение луны» Тараша Эмхвари, — судьбы их во многом схожи. И не только потому, что Эмхвари тоже гибнет в волнах — на этот раз разъяренной Ингури — и обе эти смерти явно символизируют один и тот же закономерный конец двух родственных душ, а именно потому, что это безусловно родственные души, хотя тот единственный смысл своего существования, который княжна Майя уже и не пытается маскировать, у Тараша Эмхвари густо закамуфлирован плотной завесой философских, этических, эстетических, социально-политических раздумий, даже переживаний, и камуфляж этот далеко не всегда является сознательным орудием цинизма, а большей частью вполне искренен, точно так же, как искренней была обнаженность хищной сексуальности Майи. В этом — по-разному сказавшаяся сложность и драматичность этих образов, что заставляет обоих авторов — и Киачели и Гамсахурдиа — не вовлекать их в сферу сатирического изображения, а предпочесть психологическое раскрытие их судеб, их путей, ведущих к моральному самоубийству и к физической гибели в зените духовного кризиса.

«Похищение луны» К. Гамсахурдиа — одно из крупнейших произведений грузинской советской литературы. Можно о нем спорить, можно к нему предъявлять те или иные претензии (наиболее обоснованной из них будет упрек в бледности, а порою и ложности изображения новых людей), но нельзя не признать, что в этом романе с большой художественной силой и исключительной эмоциональной напряженностью показана гибель старого мира, показана закономерность этой гибели, не только исторически обусловленная внешними событиями, но и имманент-

ная, внутренне predeterminedенная его порочностью и духовной истощенностью, окончательной опустошенностью и бесплодием. Солнце этого мира закатилось, и мрак его существования не может осветить даже мертвенное сияние символической луны — ведь и она у него похищена! Безнадёжным лунатиком бродит по страницам романа Тараш Эмхвари. Он еще может по инерции что-то фиксировать, о чем-то рассуждать, убеждать себя и других, что он еще жив, что он еще может любить и бороться, чувствовать и мыслить, переживать и переосмысливать, но все это уже только подобие движения. Так же «передвигался» Клим Самгин в эпопее Горького, так же «боролось» Кавалеров и Иван Бабичев в «Зависти» Юрия Олеши, но никакой уже заговор их увядающих чувств не способен дать настолько яркую вспышку, чтобы они были замечены в ослепительном сиянии господствующей вокруг новизны или хотя бы осветили беспросветную темень их собственного существования.

И еще одно обстоятельство усугубляет драматизм судьбы Тараша Эмхвари: как ни отрешивается он, «рыцарь духа», от таких уже вполне земных хищников и стяжателей, как бывший помещик Гвандж Апакидзе, двурушник и пройдоха Шардин Алшибая или спекулянт и аферист Джокия (образы, с исключительным мастерством нарисованные в романе), социальное их родство очевидно, и неумолимой логикой истории все они одинаково зачислены в один и тот же лагерь гибнущего и смердящего старого мира.

К Тарашу Эмхвари вполне можно было бы применить оценку, данную писателем герою своего более раннего романа «Улыбка Диониса» — Константину Саварсамидзе, который во многом предвосхищал черты Тараша, но был изображен автором с гораздо менее четких идейно-художественных позиций, тесно связанных с буржуазно-модернистской идеологией и декадентской эстетикой, исповедуемой в ту пору писателем. Вот эта оценка, данная уже в конце 30-х годов, после написания «Похищения луны»: «Саварсамидзе (и Тараш

Эмхвари — добавили бы мы — Г. М.) — последний могикан обреченного грузинского дворянства. Он — кровный сын Таткаридзе и Саманишвили и, хотя более культурен и образован, чем они, но тем не менее, принадлежит к отпрыскам обреченных на смерть сословий... Кто верит в будущее грузинского народа и грузинской культуры, тот безусловно должен верить, что эта дворянская психология должна быть преодолена. Я скажу больше: ее надо уничтожить». Позднее, уже после войны, в 50-х годах, писатель задается целью нарисовать в новом своем романе «Цветение лозы» некоторых интеллигентов дворянского происхождения (профессор Коринтели, Суския Миндели), которые преодолели в себе дворянскую психологию и слились в своей жизни и деятельности с народом, стали представителями советской народной интеллигенции. В какой степени это удалось сделать — вопрос особый, но знаменательны уже сама установка и замысел писателя, который, создав третий роман о представителе старой грузинской интеллигенции, как бы завершил тем самым своеобразную трилогию, объединенную не общими действующими лицами или сюжетными мотивами (это, разумеется, совершенно самостоятельные произведения), а тремя вариантами духовной эволюции одной и той же социальной группы. В первом случае — она оторвалась от родины и вступила на путь космополитического вырождения (а спохватившись, оказалась способной лишь на атавистический национализм), во втором случае — осталась в революционной Грузии, но не поняв и не приняв ее, не преодолев своей классовой психологии, очутилась в трагическом тупике и обрекла себя на гибель, а в третьем случае победила в себе предрассудки прошлого, приобщилась к народной жизни и тем самым гарантировала себе духовное обновление.

...В галерее увядаемых образов, созданных грузинским фольклором, выделяется один в высшей степени оригинальный тип — Нацаркекиа (буквально — Золокопатель). Это простой крестьянин, угнетенный нуждой, но благодаря своей исключи-

тельной смекалке и даже мудрости, всегда преодолевающий любые препятствия и побеждающий самых сильных врагов. Но это не обычный деревенский труженик, ибо свои положительные качества — честность, доброту, справедливость, ум и талант — он скрывает под личиной безделья, лодырничанья, шутовства и бахвальства. Сложное переплетение подлинного содержания и внешнего облика этого образа давали народу право и возможность по-разному интерпретировать его, акцентировать то одну, глубинную, то другую, внешнюю, стороны его природы. Поэтому имя Нацаркекиа стало нарицательным в двойном смысле — с одной стороны — это синоним народной смекалки и жизнерадостного остроумия, а с другой — олицетворение ничегонеделания, суесловия и хвастовства. (Точно так образ Дон-Кихота остался символом благородства, а донкихотство — беспочвенного фантазерства). Подобная двойственность этого фольклорного героя, исторически обусловленная и оправданная, и давала грузинским писателям основание пользоваться им по-разному. «Маскировочные» черты Нацаркекиа мы уже могли заметить в образе Кваркваре Тутабери, созданном П. Какабадзе, где маскировка эта прикрывала эгоистическую, деспотическую и авантюристическую сущность этого персонажа. Но вот другая, подлинно народная сторона образа Нацаркекиа оказалась не менее блестяще использованной в романе Демны Шенгелая «Бата Кекиа», о котором вскользь уже говорилось выше. Мы отмечали, что в этом выдающемся произведении грузинской советской прозы от лица жизнерадостного и остроумного, жизнеупорного и талантливое грузинского крестьянина ведется увлекательное, яркое и «сочное» повествование о жизни грузинского села, начиная с дореформенных времен и кончая эпохой коллективизации. Большая часть жизни Бата Кекиа прошла в старое время, и лишь глубоким стариком он оказался если и не участником, то уж свидетелем новой жизни своего народа, и хотя бы в силу этого получил право и возможность с высоты новой эпохи

оценивать события и образы прошлого, пережитые им и всплывающие в его памяти. Вот остроумный вывод, который этот грузинский Кола Брюньон сделал из всей своей жизни: «Первую шкуру содрали с меня во время барщины, вторую — при Николашке-царе, третью — в лихие дни меньшевиков, а сейчас я обрел, наконец, свое последнее и окончательное обличье. Теперь всюду кооперативы, сельсоветы, колхозы; всюду кипит работа, земля встает, набирается сил и соков, и как досадно, что тут-то я дряхл и не стою сейчас с артелью в поле...».

Представим себе теперь другого грузинского крестьянина, какими-то своими чертами родственного Бата Кекиа, тоже восходящего некоторыми свойствами своей природы к прообразу — Нацаркекиа, но более молодого, которого новая жизнь застала на полпути и которому выпала на долю не только роль свидетеля, но и участника «кипящей работы» в колхозном селе. И мы узнаем в нем всемирно прославленного Гвади Бигва — героя знаменитого романа Лео Киачели.

Однако «участником» новой жизни Гвади становится, начинает же он действовать в романе в худшем из «нацаркекиерских» обличий — лентяем, лодырем, вороватым лгунишкой, изворотливым тунеядцем, носителем своего рода примитивного житейского «скептицизма», недоверия человеку и обществу, неверия в добро и в возможность лучшего будущего. Если Бата Кекиа мог обозревать прошлое, в том числе и прошлые свои слабости и недостатки, с высоты своего нового бытия, то Гвади Бигва «стартует» в романе с самого «низкого уровня» своего существования и своего самосознания. Ему еще предстоит взлет, восхождение, выпрямление. Трудно было выбрать более убедительную живую иллюстрацию для показа духовного возрождения человека в условиях нового общества, чем это сделал Лео Киачели. Если уж и Гвади Бигва смог «выпрямиться» и вновь обрести казалось бы навек утраченное человеческое достоинство, то какова, значит, сила тех общественных условий, которые спо-

собствовали такому социальному и психологическому чуду! Да, автор рисует нам **падшего** героя, но писателю не изменяет ни чувство художественной меры, ни знание человеческой психологии и возможных границ ее колебаний и противоречий в пределах одного человеческого существа, одной личности, одной судьбы. Гвади жалок и смешон (чего стоят хотя бы эпизоды, где он крадет у своих же детей мандарины или за трешницу выполняет поручение бывшего помещика Арчила Пория — передает хурджин с краденными вещами), но не отвратителен; в нем сохранилось еще **нечто** человеческое, какая-то искра божья, которую, быть может, и удастся (это все время чувствует читатель!) раздуть в яркое пламя и в этом светлом горении человеческого духа испепелить все старые и грязные лохмотья чувств, инстинктов, привычек. Этой божьей, вернее, именно человеческой «искрой» в душе Гвади является его нежная, трогательная, самоотверженная (пока еще в пределах «нацарке-киевской» психологии) любовь к своим детям. Вдовец Гвади Бигва — отец пятерых маленьких детей! Ведь и мандарины-то он украл у детишек, чтобы на вырученные от их продажи деньги купить им же хоть кое-какую обувь! И еще одна черта, одна «точка опоры», которая может помочь писателю, не нарушая логики развития его характера, перевернуть духовный мир своего героя: Гвади Бигва **знает себя**, знает себе **цену**, сам считает себя дрянным, плохим человеком и мечтает избавить детей от собственной участи — не только своего безрадостного материально-имущественного положения, но и своего духовного, морального, человеческого ничтожества. Такого человека можно спасти! Это не Аки Адзба, в котором раб настолько победил человека, что уже ничто не может убить в нем инстинкта собачьей преданности господину, хотя бы и бывшему, и который полностью оправдал суровый диагноз большевика Кузьмы Грозного с крейсера «Шмидт», с таким упорством и даже фанатизмом пытавшегося разбудить в этом «брате по классу» хотя бы малую искру настоящей человечно-

сти, — «Все равно этому рабу уже не стать человеком!». Гвади Бигва стал человеком. Он нашел в себе силы не только избавиться от унижительного гипноза **своего** бывшего «хозяина» Арчила Пория, но в решающий момент — он, добряк из добряков, уничтожил, убил его, застав на месте преступления, когда тот пытался поджечь колхозную лесопилку.

Как же произошло это чудо? Как **дух** победил **душонку**, а человек — раба? Ответ на этот вопрос дает весь бытовой и социальный **фон** романа, который несет отнюдь не жанровую и бытоописательскую функцию, а является **действенным** началом, формирующим, переделывающим, возрождающим человеческий характер, человеческую душу. И не только общий фон, сотканный из множества малых и незаметных нитей, но и люди, активно действующие на «авансцене» романа, окружающие Гвади Бигва, — парторг Гера Бигва, передовая колхозница Мариам, комсомолки Элико и Найя и многие другие. К какому же чудотворному оружию, способному за два дня (действие романа протекает два дня!) **довершить** подспудный процесс человеческого возрождения, прибегают они? Имя этому оружию — **доверие**. Гвади Бигва (Гвади Бигва!) избирается членом ответственной и авторитетной комиссии по проверке выполнения обязательств соцсоревнования между двумя колхозами! Доверие пробуждает в человеке чувство собственного достоинства, а значит, и желание стать лучше, быть достойным этого доверия. Поистине человек рожден для лучшего — для радости и гордости, дружбы, любви, счастья, творческого труда, созидания! А чтобы завоевать право на такое счастье — нужно смыть всю грязь и сбросить все лохмотья старой жизни. И сцена, где Гвади Бигва, вернувшись домой с этого поворотного в его жизни колхозного собрания, **сбрасывает** с себя свои грязные отрепья и впервые за долгие годы надевает куда-то далеко запрятанную чоху, которую носил в юности, — приобретает поистине символическое значение. Он чист и красив — **новый** Гвади Бигва! И не только своим детям

может смотреть теперь он в глаза, но и перед чудесной, давно и тайно любимой Мариам может он предстать и, не стесняясь ни ее, ни себя, ни своего чувства, просто и искренне признаться: «Радости хочу, Мариам, счастья... Жизни хочу и любви, Мариам! Твоей любви, твоей ласки и доброты, Мариам!».

Это случилось, счастье его сбылось еще до того рокового дня, когда Арчил Пория, не добившись помощи Гвади, решил сам совершить преступление и пал под ударом кинжала Гвади Бигва, впервые занесенного над живым существом.

Такова неотвратимая и неумолимая логика классовой борьбы. Она обернулась к Гвади своим кровавым ликом. Иначе было нельзя. То, что сделал он, было актом подлинного гуманизма. Кровь должна была пролиться, чтобы его дети никогда в жизни не видели ее. Последние слова Гвади в романе именно об этом: «Нет, нет!.. Беги же, останови их! Пускай уходят домой. Скажи: их отец ушел куда-то и скоро вернется. Как могла ты их пустить сюда? Не надо... Дети не должны видеть крови, Мариам!»

В этих очень конкретных, в конкретных обстоятельствах **вырвавшихся** словах — большое обобщение, большой символический смысл. И столь же символичен последний пейзажный штрих, нанесенный художником как раз вслед за этими словами:

«Вставала заря. Первый луч ее разорвал пелену тумана и, разогнав сумрак, золотой дорожкой протянулся у ног Гвади».

Заря новой жизни встала над Грузией. Мы видели ее отблеск на маленькой судьбе Гвади Бигва — автор сознательно ограничил свою задачу освещением именно одной судьбы. В этом сказалась не узость, а **глубина** замысла, что не исключало, разумеется, в других произведениях грузинской литературы, в соответствии с иным замыслом, сочетания такой глубины с большей **широтой** охвата жизненного материала, подлежащего изображению. И, конечно же, среди таких многоплановых произведений грузинской прозы совершенно исключительное место

принадлежит роману Константина Лордкипанидзе «Заря Колхиды» — выдающемуся произведению грузинской советской литературы, в котором были даны и своего рода «социальная анатомия» нового грузинского села и живая история колхозной жизни. Большое значение этого романа в период зарождения, развития и расцвета грузинской советской прозы (роман писался в общей сложности на протяжении двух десятилетий) было обусловлено еще и тем обстоятельством, что первоначальный вариант его первой части был создан и опубликован в самом начале 30-х годов, точнее в 1931 году, «по горячим следам событий», почти за год до опубликования первых глав «Поднятой целины» и немногим позже первой части «Брусков» Панферова.

«Заря Колхиды» — многоплановый социально-бытовой роман. Говоря словами французского критика Ж. Лесеркля, в нем показано «событие величайшего исторического значения — переход от частной собственности к коллективной и в связи с этим — переделка людей, ибо рождение коллективного хозяйства — это рождение нового человека».

«Заря Колхиды» занимает видное место в ряду крупнейших произведений советской литературы, повествующих об историческом процессе перестройки нашей деревни, о трудах и днях, предшествовавших великому перелому и подготовивших этот перелом. Оригинальность этой книги несомненна, и она обусловлена не только талантом и творческим своеобразием ее автора, но и национальной спецификой, многообразием тех конкретных условий, в которых происходила коллективизация в различных районах нашей страны, многообразием человеческих судеб и человеческих характеров, которые порождались этими условиями. Константин Лордкипанидзе смог показать общие в своих основных закономерностях процессы в их конкретном, неповторимо индивидуальном бытии, в их национальном преломлении.

То, что коммунисты возглавили колхозное строительство, опираясь на бедняков и стараясь привлечь на

свою сторону средняцкую массу, доказывая ей на деле преимущество коллективного ведения хозяйства, что им приходилось вести напряженную борьбу с саботажем и вредительством кулаков и что из этой борьбы коммунисты вышли победителями, — все это и общеизвестно, и общезначимо; но Константин Лордкипанидзе смог облечь эту жизненно верную схему в плоть и кровь, смог создать подлинно реалистическое произведение об одном из первых грузинских колхозов.

Перед нами встает одно из сел Западной Грузии. Мы видим людей этого села — талантливых, трудолюбивых, «обладающих могучим умом и твердым характером», но придавленных нищетой, и мы видим, как партия коммунистов будит в этих людях веру в свои силы и сознание великого преимущества объединенного братского труда, видим обострение классовой борьбы и трудное, тяжелое, но поистине вдохновенное и самоотверженное строительство новой жизни, и все это в таких конкретных, осязаемых формах, что невольно начинаешь чувствовать себя свидетелем и участником совершающейся как бы на твоих глазах эпопеи.

«Перед закрытой дверью» — так назвал автор первую часть своей книги. Это своеобразная экспозиция романа в которой писатель рисует своих героев такими, какими он их застал к середине двадцатых годов. Дверь в будущее еще закрыта, и читатель пока только знакомится с теми героями, которые откроют эту дверь, и с теми, которые тщательно будут пытаться прочнее ее заколотить. Эта часть книги, на первый взгляд, кажется статичной и бытоописательной. Но статичность эта оправдана и обусловлена замыслом: автор с большим мастерством описывает неподвижный быт тех людей которые в скором времени будут приведены в движение организующей, мобилизующей и вдохновляющей волей Коммунистической партии.

Сколько действующих лиц — столько человеческих характеров и судеб. Вот Меки Вашакидзе, по прозвищу «Хрикуна». Сирота, горемыка, с детских лет принужденный при-

служивать кулаку-торгашу Эремо Пиртахия. «Тяжелое бремя батрацкой жизни совсем пригнуло его к земле. Жестокий старый мир с детства лишил его способности к самозащите и чувства собственного достоинства — драгоценнейшего сокровища, каким может обладать человек». В этих словах — ключ к тому исходному состоянию, в котором читатель застаёт Меки Вашакидзе. А вот Даху Турабелидзе, или Дахундара, как его называют в деревне, — бездомный бедняк, которого жизнь пригнула еще ниже, до полного морального падения, пропойца и попрошайка, у которого при виде мотыги или лопаты отнимались руки, а запах трудового пота вызывал головокружение. Естественной и понятной кажется читателю своеобразная дружба этих людей, у которых отняты даже собственные имена. Но уже с первых страниц романа чувствует читатель, что судьба их сложится по-разному — облагораживающая и животворящая сила труда спасет Меки Вашакидзе, сохранит его для новой жизни, так же, как нелюбовь к труду, постоянное безделье погубят Дахундара, сделают его орудием в руках классового врага. Этот классовый враг временно притих, начал маскироваться, он даже непрочь иногда пощеголять «советской» фразеологией — таков в романе колоритно написанный образ кулака Барнабы Саганелидзе, типичного мироеда, всеми правдами и неправдами старающегося сохранить свою былую экономическую мощь. Подстать ему и Эремо Пиртахия — кулак, торгаш, ростовщик.

Перед читателем проходит целая галерея ярко обрисованных образов мужчин и женщин, стариков и юношей, середняков и бедняков. Нет необходимости характеризовать каждого из них, достаточно сказать, что все они наделены вполне индивидуальными признаками как во внешней обрисовке и речевых характеристиках, так и в показе их внутреннего мира. И Георгий Джишкариани, и Кирилл Микадзе, и Бежан Ушверидзе, и Гигуца Уклеба, и Марта Гордадзе — все они бедняки, еле сводившие концы с концами в своем жалком единоличном хозяйстве. Но

как своеобразен каждый из них! Это живые люди со своими достоинствами и недостатками, со своей особой судьбой и особой психологией, и путь их к колхозу, к новой жизни, хотя и определяется в первую очередь их социальным положением, проходит также через душу, через мозг и сердце каждого из них — таких разных и таких одинаковых, отличных друг от друга по своему человеческому облику и схожих по социальному положению. Это очень сложная задача — показ социального через психологическое, и автор с честью справляется с этой задачей. А вот середняк Аслан Маргвеладзе — одна из самых ярких и полнокровных фигур в романе. Коллебанья этого на редкость трудолюбивого и честного крестьянина, его путь к колхозу показаны автором с большим мастерством.

И вот все эти люди, которые жили, казалось бы, неподвижной жизнью («за закрытой дверью!»), много страдали и мало радовались, враждовали между собой и редко относились друг к другу с доверием — все эти люди вдруг ожили, у них проснулись какие-то новые надежды, новые чувства, они стали ходить на какие-то таинственные сходки, где их односельчанин, такой же, как они, честный труженик, секретарь местной партийной организации Тарасий Хазарадзе поведал им о новом, об единственном пути, который может вывести их из тупика нищеты и горя. И вот кажущаяся статичность, которая была характерна для первой части романа, уступает место во второй ее части стремительному движению. Сюжетное развитие становится все более напряженным, драматизированным, кажется, что сам народ, стряхнув цепенящую спячку, движет пружинами сюжета — настолько естественен и органичен каждый узел, каждый поворот, каждый скачок в его развитии. Четкость композиции — вот та ха-

рактерная особенность, которая все более и более явственно выступает в романе. Уже заглавия каждой из четырех частей книги как бы символизируют развитие жизни, а значит, и развитие сюжета — «Перед закрытой дверью», «Первый подъем», «Второе рождение», «Водоворот». И действительно, первый мощный подъем творческих сил народа ведет его к духовному и моральному возрождению, и эти новые люди коллективного труда, с большой верой в свои силы и возможности окунаются в бурный водоворот новой жизни, полной радости борьбы и счастья свободного, раскрепощенного труда.

Образ Тарасия Хазарадзе несомненно войдет в галерею замечательных образов руководителей-коммунистов, созданных лучшими советскими писателями. Человек большого ума и неукротимой энергии, прекрасный организатор и пропагандист идей социализма, чуткий товарищ и любящий супруг, скромный, неутомимый в своей деятельности сын Коммунистической партии — таков этот человек, возглавивший в одной из имеретинских деревень колхозное движение.

Именно Тарасий Хазарадзе, как наиболее передовой носитель большевистской идейности, является вместе с тем наиболее активным персонажем романа, именно он, его мысли, его слова, его поступки (а через него — воля партии) вторгаются в жизнь земоцихских крестьян, меняют эту жизнь и этих людей и являются, таким образом, главной движущей силой сюжетного развития. По сути дела, весь роман Лордкипанидзе — это рассказ о том, как менялись люди в процессе строительства новой жизни, как они росли и мужали духовно, как освобождение производительных сил страны привело к освобождению жизненной человеческой энергии, к духовному раскрепощению и возрождению трудящихся.

Николай Внук

Огненных дел мастера

О Ч Е Р К

По стальным магистралям страны спешили эшелоны, длинные составы теплушек. Шел 1944 год — год неимоверного напряжения и великих подвигов народа, уже прочно взявшего в свои руки судьбу жестокой войны. Со станции Челябинск вышел состав, который сильно отличался от воинских поездов. Необычны в этом эшелоне были и грузы и пассажиры. На платформах лежали разобранные части домов, напоминавшие театральные декорации, машины с причудливыми хоботами, сплетения металлических конструкций. Эти грузы, а особенно сопровождавшие поезд люди в брезентовых плащах, стеганках, комбинезонах, перепачканные маслом и известью, обращали на себя внимание на привыкших к военному быту дорогах.

Нетрудно было угадать в пассажирах «вечных переселенцев» — строителей. И каждый, кому встречался на пути этот состав, не мог не порадоваться: «снова начинаем строить!».

Эшелон остановился у крохотного полустанка. На фронтоне здания написано: «Рустави».

Гладкая, как стол, равнина, раз-

резанная буро-желтой извивающейся лентой Куры, упиралась в невысокие, подернутые колеблющейся дымкой горы. Ночью из густого прибрежного леса доносился вой шакалов...

Несколько домиков у полустанка и эта почти нетронутая человеком природа — вот все, что увидели приезжие. Стройку начинали с «первого колышка», перенося чертежи на живое тело степи. Но строители уже вели разговоры о домнах и мартенах, о сложных станках, о ТЭЦ, о сотнях километров железных и шоссейных дорог.

Едва успев появиться, строители будто уже обжили эту пустынную и малоприветливую землю. Казалось, они видели ее в строгих и красивых линиях заводских зданий, проспектов и площадей, слышали говор на городских улицах и легкий звон открываемого по весне окна в новом доме.

Но многое тревожило. Можно задуть домны и мартены — эта трудность преодолима. А где взять тысячи доменщиков, сталеваров, прокатчиков — мастеров огненного дела, особенно сейчас, после потерь, нанесенных войной? Metallurg

рождается не в год и не в два, коллектив металлургов, спаянный традициями, создается гораздо дольше. А в Грузии своих металлургов нет. Пока нет...

* * *

Поздней осенью из Тбилиси на Север уходил эшелон. В солдатских теплушках, одетые в солдатские полушубки и шапки, уезжали из родных мест грузинские парни, — уезжали на выучку к русским и украинским сталеварам в Сталино и Макеевку, в Днепропетровск и Днепродзержинск, в Енакиево и Мариуполь, в Таганрог и Сталинград. Заводы, на которые они направлялись, подчас не имели крыш и только, вставали из пепелищ. Не было ни клубов, ни стадионов; коек и одеял тоже не всем хватало. Хлеб и приварок — по норме, ложка не завязнет.

Парням предстояло подружиться с киркой и лопатой, и прежде чем учиться у печей и станов, помочь расчистить пути к этим агрегатам, а порой и вдохнуть в них жизнь.

Единственное, на что они могли твердо рассчитывать, — на учителей. Известные в стране сталевары коксохимики, прокатчики, опытные инженеры, директора знаменитых предприятий были «зачислены в штат» наставников и воспитателей.

...Поезд стоял под парами. Из теплушек выглядывали то веселые, то немного растерянные и озабоченные молодые лица. Я прошелся вдоль состава, познакомился с некоторыми из уезжавших, записал несколько фамилий: Имедашвили, Сигуа, Дзамашвили, Имеришвили, Коберидзе...

Кахетинец Вардиш Коберидзе добродушно улыбнулся, охотно отвечая на вопросы, хотя почти не умел говорить по-русски.

Родом Вардиш из Велисцихе. Виноградники там тянутся до берегов Алазани, а вина марок «Му-

кузани», «Гурджаани», «Велисцихе» славятся далеко за пределами Алазанской долины.

Перед началом войны Коберидзе окончил семилетку, работал в колхозе в должности «куда пошлют» и, не теряя времени, изучал трактор. Наконец он сел за руль. Работать приходилось много, утреннюю и вечернюю зори встречал на Алазани: «сами понимаете — такое время».

Ехать учиться на металлурга Вардиш не собирался.

— Но раз надо — так надо, — глубоко вздохнув, сказал собеседник. Я спросил: был ли он в Рустави и как ему там понравилось?

— Баранту пасти можно, да и то весной. А так что же хорошего — палатки, сушь, пыль.

В то, что в Самгорской степи будет большой завод, и не один, что потекут со временем в степь по каналам воды Иори и что вырастет большой город, тысяч на сто жителей, он не очень то поверил. Заводов Коберидзе вообще не видел, из больших городов бывал только в Тбилиси.

— Наверно, все так и будет, как нам рассказывали, — с крестьянской дипломатичностью заметил он. — Вопрос только, когда?

Как рождается металл, Вардиш не имел представления. Металлические изделия он покупал в москательной лавке или брал со склада МТС.

Биографии его спутников мало отличались от биографии Вардиша.

В эшелоне, уходившем на Север, уезжали кахетинские виноградари, душетские пастухи, гурийские чайводы, аджарские и абхазские цитрусководы. Это были крестьянские парни. И им предстояло не только приобретать новые сложные профессии, но и перестраиваться всем своим нутром.

Вслед за первым эшелоном вскоре ушел второй. Пять тысяч крестьянских парней уезжали на Укра-

ину и в Россию, чтобы вернуться обратно рабочими.

***

Молодежь высадилась в городе Енакиево.

В отделе кадров полная сероглазая девушка с русыми волосами, выбивавшимися из-под косынки, выдала им рабочие номера и пропуска на завод. Она улыбнулась Вардишу, и ему это понравилось. И почему-то совсем не понравилось, что кто-то из заводских ребят за просто называл ее Тонечкой и приглашал на танцы.

Вардиш долго разглядывал ромбовидную жестянку с вдавленной цифрой 1150, словно хотел запомнить ее на всю жизнь. Его товарищи Ваню Джанжибухашвили, Резо Кодиашвили, Гайоз Имеришвили тоже внимательно изучали номера, разглядывали фотографию на пропуске, словно не узнавали себя на ней.

С того дня их стали называть рабочими.

Они обвыкали, подолгу задерживаясь то в доменном, то в мартеновском, то в бессемеровском, то в сортопрокатном цехах. Огонь всех пугал. Искры во время разлива чугуна шмелиным роем метались вокруг новичков, будто так и норовили их ужалить.

Пламя, ревущее в печах, кипящие ручьи, льющиеся в ковши, раскаленный металл, бегущий по рольгангам, — все это непривычное и устрашающее врывалось в молодые сны не только одного Вардиша. И не только ему, среди огненных сполохов, озарявших пролеты, вспоминались тихие алазанские зори, роса на остывших за ночь виноградных гроздьях или же золотые закаты в апельсиновых рощах Колхиды...

Постепенно парни привыкали к живому дыханию домны.

...Завод работал в две смены — не хватало рабочих. Через четыре

месяца, после приезда учеников он перешел на трехсменное производство. Это было первое признание и оценка будущих грузинских металлургов.

Рослый, широкоплечий, на вид медлительный, как многие кахетинцы, Вардиш оказался очень расторопным и быстрым в деле. Когда заметили, что Коберидзе освоился с домной — скорее других меняет фурмы, готовит горн под выпуск, его назначили третьим подручным, а потом — вторым. На этом настояли друзья Вардиша, когда к ним прислали вторым горновым опытного доменщика из другого цеха.

— Что же, вы нам не доверяете, выходит? — обратились они к обермастеру.

— Да неужели мы сами не управимся с печью? — спрашивал у друзей Вардиш.

На заводе задумались. В самом деле, почему не доверить им домну? Ведь они на заводе уже около двух лет. За это время отгремел праздничный салют в честь великой победы. Коберидзе с товарищами помогали восстанавливать одну из разрушенных фашистами домен, знакомились с ее «внутренностями», с холодной футировкой; им даже была поручена одна из сложнейших операций — сушка перед пуском.

По вечерам Вардиш не только ходил на курсы мастеров, но и заглядывал на танцы — отремонтированный клуб светился яркими огнями. Заходила на танцы и та сероглазая девушка из отдела кадров, что улыбнулась когда-то Вардишу, и которую он стал все чаще провожать домой.

Первая смена, которой самостоятельно руководил Вардиш, прошла удачно. За ней другая, третья... Об успехах ребят из Грузии писала заводская газета, передавало радио. Директор завода отметил их в специальном приказе.

А через некоторое время произо-

шло другое событие, сыгравшее в рабочей судьбе Вардиша Коберидзе определенную роль.

Домна выдала металл. Он ушел по канаве, и вскоре в двух наполненных до краев ковшах бурлило огненное месиво. Пришло время закрывать глиной чугунную летку. У пушки стоял Вардиш. Горновой направил ее в раскаленный зев печи. Мастер подал привычную команду. Но пушка не сработала — отказал механизм.

Чугун продолжал ползти по канаве. До предела налившись в один из ковшей, он выплеснул через верх жгучие струи. Загорелась наружная стенка ковша, словно бикфордовы шнуры, вспыхнули стальные рельсы. В цехе бесилось горящее озеро.

Вспоминать, что написано в учебниках, спрашивать совета было некогда! Исход решали секунды. Горновой схватил глиняную затирку, натянул на глаза войлочную шляпу.

— Закрывай!

Ловкий бросок! Пахнуло нестерпимым жаром, задымилась куртка, затлели подошвы башмаков. Отбежал, схватил глину, — еще бросок, потом третий!.. Кто-то снимал куртку, кто-то принес стакан воды. Жадно глотая воду и воздух Вардиш счастливо улыбался. И вдруг до него донеслись слова:

— Он нашего корня, этот Ваня. Рабочего класса он человек. — Это говорил старый доменный мастер Мартын Кузьмич Юдин, строгий и требовательный его учитель.

* * *

Вторая встреча с Вардишем состоялась в Рустави в конце сорок седьмого. Но беседа с ним была короткой, Коберидзе торопился домой в Велисцихе, сказав, что он уезжает в отпуск по «особым обстоятельствам» и очень торопится.

— Все расскажу, когда вернусь, — пообещал он на прощанье.

Из отпуска Коберидзе в Рустави не вернулся.

Это, помнится, озадачило: большинство товарищей по Енакиевскому заводу уже находилось в распоряжении Закавказского металлургического. Правда, ни мартены, ни домны металла еще не давали — они строились. Молодые металлурги, освоив вторые профессии, включились в строительство.

И вот, через много лет, я снова в Рустави. Снова листаю странички старых блокнотов, где записаны фамилии людей, знакомых по прежним встречам, узнаю о новом в их судьбах.

Перемены, большей частью, говорили о росте людей, об упорстве характеров, о профессиональном самосовершенствовании.

Узнаю, например, о многолетнем «соперничестве» Амираана Панцулая и Георгия Сигуа, соревнующихся между собой с того дня, как впервые пошла из мартенов сталь.

Амираан Панцулая и Георгий Сигуа, тоже прошедшие «большую школу» на Енакиевском заводе, первыми показали, что дало обучение в ней. Ныне они — руководители бригад коммунистического труда и возглавляют собственные «школы», из которых уже вышли отряды учеников. Но, став «маститыми» и «признанными», они с прежней юношеской горячностью и задором соперничают друг с другом. Амираан далеко «перевалил» за вторую тысячу тонн сверхплановой стали, Георгий несколько поотстал, но «жмет на всю железку, и еще не известно, кто будет первым на финише».

Интересно было также узнать, что опыт этих, в недалеком прошлом крестьянских парней, а теперь известных мастеров горячего цеха, перешагнул даже государственные границы. В Рустави проходили практику китайцы, индийцы, обучались металлурги передовой в Европе индустриальной Чехословакии. Сигуа и Панцулая были в числе их учителей. Руставские инженеры помогали в строительстве и рекон-

струкции чешских металлургических предприятий. А в прошлом году, после отдыха в Марианских Лазнях, побывал на некоторых из них и Амиран Панцулая.

До сих пор было известно: Рустави учится. А сейчас Сигуа и Панцулая пишут письма на завод имени Клемента Готвальда, чешскому сталевару Зденеку Гофману, в которых делятся своим опытом.

— А где сейчас сталевар Шалва Кухалейшвили? — продолжал спрашивать я.

— Он был сталеваром.

— Мастер?

— Берите выше: начальник передовой смены!

Люди шли в гору, редко кто останавливался у ее подножья. Я не мог удержаться, чтобы не спросить и о человеке, в чью рабочую биографию поверил еще тогда, в сорок четвертом.

— А скажите, — несколько неуверенно спросил я, — куда подевался Вардиш Коберидзе, если вы такого помните?

— То есть как подевался? — лица собеседников выражали явное недоумение.

— Жив-здоров Коберидзе, работает обер-мастером. А о том, куда он исчез на несколько лет, он вам сам и расскажет.

— Только поторопитесь в доменный, — предупредили меня, — смена кончается.

Петр Имедашвили — секретарь партийного бюро доменного цеха проводил меня. За столом в цехе КИП сидело трое. Высокий мужчина с широким разлетом черных бровей и пробивавшейся на висках сединой — поднялся мне навстречу. Мы долго трясли друг другу руки...

Вардиш пригласил меня сесть и попросил подождать, пока они закончат небольшое совещание.

Речь шла о том, что одну из печей нужно остановить на ремонт. Возникла также необходимость реконструировать ее, приспособить к работе на повышенном давлении с

применением газа. Как я понял, обмен мнениями по этому вопросу возникал не однажды. Обсуждался прогрессивный метод остановки домны, уже примененный на ряде предприятий, но о нем доменщики Рустави знали понаслышке. При остановке домны в ней остается какая-то часть неслитого чугуна. Раньше ему давали застыть, потом взрывали и вытаскивали из едва дышащей, словно уснувшей под наркозом, печи. Трудно, долго, канительно. А прогрессивный метод заключался в так называемом жидком сливе остатков.

На этот раз спорили недолго. Все единодушно согласились с тем, что нужно ехать посмотреть, подучиться. Труднее было решить, к кому ехать за наукой: выбор предприятий большой, а здесь собрались ученики разных «школ», питомцы разных заводов нашей страны, и каждому свои учителя и своя школа казались непревзойденными.

Арчил Дзамашвили, недавно вернувшийся из Москвы с совещания бригад и ударников коммунистического труда, на котором ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, советовал ехать учиться в Сталино. Коберидзе тянуло в Енакиево.

— Директор завода, когда гостит у меня, приглашал наведываться, коли что, — сказал он. — Дома и стены учат, а я там...

Он не договорил, но то ли тон, каким были сказаны эти слова — убедительный и в то же время просительный, то ли ссылка на людей, которых здесь, видимо, знали и относились с почтением, то ли еще что, — но спор прекратился. Все согласились с обер-мастером и начали наперебой советовать Вардишу, на что обратить внимание во время его пребывания на Енакиевском заводе.

Когда Вардиш освободился, пригласил меня к себе. Дома все, что меня интересовало, стало разъясняться само собой.

— Знакомьтесь, это Тоня, моя жена, — представил он мне встретившую нас улыбкой русоволосую женщину. Нетрудно было узнать в ней девушку из отдела кадров, выдававшую рабочие номера на Енакиевском заводе...

Из-за ее спины выглянули две вихрастые мальчишечьи головы: сыновья явно походили на отца.

Коберидзе кивнул в сторону старшего мальчугана и сказал: — вот оно — то «особое обстоятельство», из-за которого я тогда торопился в Велисцихе.

Вардиш, конечно, не сомневался в том, что родные примут Тоню так, как умеют принимать в Кахетии дорогую невестку, готовящуюся одарить наследником или наследницей — с предупредительностью, с хлопотливой и немного докучливой лаской. Правда, Тоня только еще делала первые шаги в изучении грузинского языка, а домашние далеко не все понимали по-русски. Но это не смущало: родные люди и сердцем договорятся.

Но в те дни, когда Тоня готовилась стать матерью, ему не хотелось оставлять ее без своего внимания.

* * *

На исходе был третий месяц пребывания Вардиша в Велисцихе, когда к нему подошел председатель колхоза, поздоровался и деликатно осведомился, почему металлургам дают столь продолжительные отпуска. Вардиш давно ждал такого вопроса и выпалил все начистоту: в Рустави доменной печи пока нет, а менять специальность ему не хочется.

Председатель обрадовался:

— Почему скрывал? Мы бы давно тебя бригадиром поставили. Ведь и так все это время ты колхозу помогал... А нам, понимаешь, — он провел ребром ладони по горлу, — бригадир вот как нужен. Зачем тебе еще специальность? Работай у нас, друг, пока твою домну построят.

Вардиш опешил. Именно потому, что он и сам, порой, склонялся к такой же мысли, «потрудиться годик-другой в колхозе, подождать, пока наберется силенок сынишка, а потом двинуть в Рустави» — она ему сейчас показалась просто невероятной. И вдруг внезапно пришло решение: а зачем, собственно, дожидаться, когда задуют домны в Рустави, если можно и сейчас варить чугуны? А что, если он вернется в Енакиево? Их обучили и откомандировали в распоряжение Закавказского металлургического завода, а возвращение к постоянному месту службы, пожалуй, не будет грубым нарушением дисциплины.

По дороге, мимо кузницы, медленно шли упряжки волов, везших тяжелую поклажу. Арбы скрипели, животные едва перебирали ногами.

— На арбах к коммунизму мы не доберемся, — ответил председателю Вардиш. — На этом тоже, — он показал на трактор образца 1939 года, протрудившийся всю войну, на безнадежно уткнувшуюся радиатором в двери кузни полуторку — это была почти вся техника, которой располагал колхоз через два года после окончания войны.

«Еду варить сталь к своим, в Енакиево», — твердо решил Вардиш.

* * *

Он шел в цех, как к себе домой. По дороге встречались знакомые, жали руки, дружески хлопали по плечу, но никто, как заметил Вардиш, особенно не удивился его появлению. Вардиш просто не знал, что еще до того, как он переступил порог проходной, по заводу с быстротой радио разнеслась весть: «Ваня-грузин приехал!»

У старого мастера Мартына Кузьмича Юдина, учившего Вардиша, глаза потеплели при встрече.

— Школу ты прошел, — сказал он бывшему ученику, — теперь шагай прямо в доменный университет. Печурка в полном аккурате, засту-

пай, показывай класс! Скидок не будет. Становись за старшего.

В 1948-м Вардишу Коберидзе несколько раз присваивалось звание «Лучший горновой Сталинской области». В 1949-м, когда это звание решено было присуждать во все-союзном масштабе, Вардиш Коберидзе и еще один горновой с Серовского завода получили его первыми в стране. В 1950-м бывший ученик догнал учителя: Вардиша назначили мастером, и он теперь принимал смену от Мартына Кузьмича, «доменного патриарха».

И что тут скрывать, не всегда, далеко не всегда, учителю удавалось идти в ногу с учеником: молодость, сноровка, знания, полученные в школе мастеров (Вардиш продолжал учиться), брали свое. На доске показателей фамилия Коберидзе значилась первой.

...«Университетский курс» был пройден, экзамен Коберидзе держал уже в Рустави: именно ему был доверен пуск первой руставской домны. Поезд с шихтой вошел в чрево печи, огромные глотки бункеров приняли кокс, руду, агломерат. Вагончики-скипы ползли по крутизне подъема на вершину стальной громадины. Новенькая, еще не опаленная и незадымленная, она сияла на июльском солнце, принимая первую пищу.

Все продумано, взвешено, рассчитано. Каждый находится на своем месте. Можно быть спокойным, можно не волноваться. Внешне Вардиш сохраняет спокойствие. Чтобы открыть чугунную летку, надо прежде выбить из горна трубу. Доменщики ее выбивают вручную, это нередко чревато неприятностями. Обер-мастер Коберидзе ее просто обрезает: такого никто, никогда не делал!

Везде, где безопасно, стоят в ожидании люди. Но Вардиш никого не видит, он командир, он за все отвечает, тянутся долгие, долгие минуты.

— Открыть!

По желобу течет огненный ручеек. Он набирает силу, он уже льется в ковш.

На митинге, посвященном рождению новой доменной печи, сразу же после секретаря Центрального Комитета Компартии Грузии выступает обер-мастер Коберидзе. Он рассказывает о своих учителях и учителях своих товарищей, о тех, кто воспитал огромный отряд грузинских металлургов и сейчас, находясь на расстоянии тысяч километров, с волнением думает о делах своих учеников. Он говорит о великом завоевании Советской власти — о дружбе народов, которая тверже металла.

* * *

...Давно уже спустился вечер... Тоня убрала со стола и смотрит телевизор. Мальчишки удалились в соседнюю комнату и что-то там мастерят. В открытое окно врываются сполохи зарева. Там, за крышами домов, за зеленым занавесом деревьев домна выдала чугун, Вардиш смотрит на зарево и о чем-то думает.

Мне кажется, что я уже все знаю об этом человеке. Я вижу трудности первых лет, когда приходилось жить по-походному, когда нужно было объединять опыт и знания многих в один коллективный опыт, присматриваться к людям, изучать их характеры и склонности, сживаться в одну семью. Теперь все позади.

Первая в Грузии бригада коммунистического труда Арчила Дзамашвили родилась в доменном. Ныне весь цех борется за это почетное звание — это основной показатель технической и моральной зрелости коллектива, возглавляемого Коберидзе. Коэффициент 0,7, говорящий о степени полезного использования объема доменной печи, равной передовым заводам Челябинска и Магнитки, четырнадцать тысяч тонн сверхпланового металла, двена-

дцать миллионов рублей годовой экономии от применения природного газа — все это вехи, неплохие вехи на пути к высокому званию.

Два года назад, когда в стране впервые праздновался День металлурга, Вардишу Коберидзе было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В городском музее, среди реликвий и экспонатов, рассказывающих о древнем, разрушенном завоевателями и похороненном в веках Рустави и о его втором рождении, есть портретная галерея. Первым в этой галерее висит портрет доменщика Коберидзе. История — есть история, а Вардиш один из тех, кто ее создает.

Пока он наблюдает, как за крышами домов постепенно угасает оранжевое зарево, я думаю о том, что сейчас он осматривает город не как отличный мастер, а как один из его хозяев — его депутат. На письменном столе, возле окна, лежит диплом об окончании техникума, диплом с отличием. Он получен

только на днях, но я уже слышал, как Вардиш говорил о другом дипломе — об институтском.

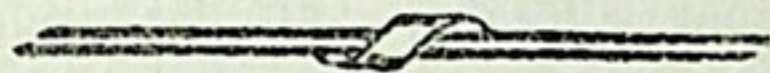
Шестнадцать лет — срок не малый. За это время вырастают города в голой степи и поднимаются к небу кроны деревьев. И если ты видел на месте улиц только лишь разметочные колышки, то просто перестаешь верить себе, что когда-то так было. Но порой, перелистав старый блокнот и, отыскав через годы человека, фамилия которого была записана в корреспондентской беседе, поражаешься ничуть не меньше.

...Вардиш оторвался от окна, закурил, снял телефонную трубку, позвонил кому-то, сказал коротко и решительно:

— Еду! Да в Енакнево, за наукой.

Я понял, что знаю этого человека лишь по сегодняшней день, а что с ним будет завтра — не знаю. Он в дороге...

Рустави—Москва.

Этери Думбадзе

Хранительница сокровищ

Никогда еще в Грузии охрана и изучение, возрождение и развитие великих художественных традиций народа не поднимались на такую высоту, как за сорок лет Советской власти в республике. И не удивительно потому, что празднуя свое сорокалетие, социалистическая Грузия с гордостью заносит в свой актив и большую работу историков и искусствоведов, художников и литераторов, сделавших достоянием сегодняшнего дня мысли и чувства, труд и гений грузинского народа, запечатленный в камне и металле, в дереве и эмали, в линиях и красках.

Мы расскажем об одном из энтузиастов этого благородного дела, этой своего рода «службы памяти» эстетического вкуса, о женщине — художнике и ученом, много сделавшей для того, чтобы сегодняшние и завтрашние посетители музеев и хранилищ имели возможность видеть и понимать многие и многие художественные сокровища грузинского народа, оригиналы которых рассеяны по разным уголкам нашей древней и вечно юной Родины.

* * *

Мое знакомство с Татьяной Сергеевной Шевяковой произошло не совсем обычно, но, вместе с тем, как-то естественно и просто.

Мне рассказали об интересном собрании копий древне-грузинских

стенописных орнаментов и тут же предложили пойти посмотреть их. Жарким июльским полднем шли мы по пыльным многолюдным улицам, пересекли площадь Ленина и где-то недалеко от Музея искусств свернули в тихий, незаметный переулок. И вот мы уже стоим на пяточке заасфальтированного дворика перед сидящей женщиной с молодым милым лицом и пристальным взглядом ясных глаз. Нисколько не удивившись нашей просьбе, хозяйка радушно приглашает нас в дом. Собственно говоря, «дом» — это комната в растворе с крошечным оконцем и дверью прямо во двор без порожка. После зноя, шума и толкотни улиц в темноватой комнате с особой остротой ощущались тишина и прохлада. Позднее я поняла, что это ощущение тишины, покоя, уравновешенности возникает скорее от обстановки и убранства комнаты. В ней только самые необходимые и удобные для пользования вещи. Будничные кухонные табуретки, мастерски расписанные самой хозяйкой, производят впечатление особой изысканности и красоты. Полки с книгами, тахта, покрытая пестрой индийской цыновкой, стены, задрапированные набивными тканями, искусно составленные букеты сухих цветов, всевозможные изделия и утварь, созданные в разные времена и различными мастерами, подобраны и организованы здесь с тем особым вкусом,

который не превращает уникальные и ценные вещи в экспонаты для музейного обозрения, а делает их неотъемлемой частью быта. Большой, четырехугольный стол, придвинутый к стене и покрытый клеенкой, ничем не примечательный внешне и по «происхождению», в этой маленькой комнатке служит самым обычным бытовым потребностям, но прежде всего на нем можно удобно и хорошо работать! На столе множество книг, папок, тетрадей, стаканчики с карандашами и кисточками, ваза с цветами... И все же остается достаточно места, чтобы разложить на нем большой альбом, где собраны копии грузинских стенописных орнаментов.

Это плод пятнадцатилетнего труда. Но творческая и научная жизнь Татьяны Сергеевны Шевяковой началась задолго до этого.

Татьяна Сергеевна рассказала нам, что еще в 1925 году, будучи студенткой II курса Высших курсов искусствоведения при Государственном институте истории искусств в Ленинграде, она уже делала самостоятельные копии стенописей. Татьяна Сергеевна показывает каталог выставки византийско-русской монументальной живописи, организованной в Берлине в 1926 году советским Институтом истории искусств и немецким Обществом по изучению искусства Восточной Европы. На эту выставку она представила четыре экспоната. Многими иностранцами отмечалось тогда, что школа советских копиистов дала наиболее совершенные работы.

Татьяна Сергеевна с особой благодарностью и любовью рассказывает о своем первом воспитателе и руководителе Лидии Александровне Дурново, которая выработала новую технику копирования фресок и создала профессиональную школу советских копиистов. До разработанного Л. А. Дурново метода копирования делалось механически. Суть же метода Л. А. Дурново заключалась в том, что в технике копирования повторялся весь художественный процесс с наложением красок в той последовательности, какой следовали древние мастера, с возможным применением того же материала (в основном земляных минеральных красок). Такая ко-

пия передает не только внешнее художественное впечатление, но является и достоверным научно-техническим документом, по которому можно изучать древнюю технику письма.

Еще в студенческие годы Татьяна Сергеевна объездила многие русские города с древними памятниками и собрала большой материал. Ко времени окончания института возникла необходимость изучения параллельных памятников других национальных культур для выявления подлинно русских черт в уже собранных материалах.

В институте, разумеется, знали о многочисленных грузинских росписях. И вот, в 1929 году, по окончании института, группа бывших студентов во главе с Л. А. Дурново по собственной инициативе отправляется в экспедицию по Грузии. Здесь группа разделилась, и люди пошли по разным направлениям. Транспорта не было, и пешком было пройдено более 1.200 километров. В это время от директора картинной галереи Грузии Д. Шеварднадзе и от Ш. Амиранашвили, заведовавшего тогда отделением живописи этой же галереи, поступило предложение сделать копии фресок для Грузии. На заработанные деньги Татьяна Сергеевна с мужем уже одни продолжают путешествие. Они принимают участие в экспедиции академика Г. Чубинашвили по исследованию памятников пещерного комплекса Давид-Гареджи. Об этой экспедиции в работе Г. Чубинашвили «Пещерные монастыри Давид-Гареджи...» есть такое упоминание: «...Требовалось пополнить картину развития фресковой живописи, которую давало наше собрание копий, для показа на предстоящей в 1930 году заграничной выставке древне-грузинского искусства. Естественно, что копирование Гареджийских фресок было мною включено в эту работу на первое место. Экспедиция в составе 15 работников, под моим и директора картинной галереи руководством, провела в течение пяти недель большую работу в монастыре Удабно. Были выполнены тончайшие копии фресковых росписей, с нанесением всех изъянов и порч художниками и художницами Шалвой Абрамишвили, К. К. Магалашвили, Е. П. Сачавец-Федорович, В. И. Сидамон-Эри-

стави, Б. В. Шевяковым и Т. С. Щербатовой-Шевяковой».

После 1930 года Татьяна Сергеевна выполняет ряд работ по отдельным заказам из Грузии, продолжая заниматься наряду с этим и копированием древне-русских фресок. Некоторые из них приобрели теперь значение первоисточника для научного исследования, так как в годы войны многие памятники национальной русской культуры, в том числе и произведения древне-русских стенных росписей были уничтожены фашистскими оккупантами.

С 1936 года Татьяна Сергеевна уже окончательно связывает свою жизнь с Грузией. Переехав в Тбилиси, она целиком и полностью посвящает себя работе над грузинскими материалами.

Перечисление одних только цифр, обозначающих количество расписанных метров и объектов, для которых выполнялись те или иные заказы, красноречиво свидетельствует о поистине грандиозном объеме работы, проделанной без малого за 40 лет. В Государственном институте истории искусств Грузии имеется систематически подобранная картотека монументальных орнаментов — 1.000 зарисовок в красках. В личном собрании Татьяны Сергеевны — 150 копий древнерусских орнаментов. Более 40 копий миниатюр из грузинских рукописей XI—XII веков хранятся в сейфе...

В 1934 году для Московского музея восточных культур была осуществлена роспись египетской гробницы в 60 кв. м. по материалам фото, красочных репродукций и подлинных саркофагов. Затем по вывезенным из Корохото и Труфале подлинным буддийским фрескам были сделаны копии. В Эрмитаже и в Русском музее хранятся копии грузинских и древнерусских фресок. Множество работ сделано для различных музеев страны — Киева, Чернигова, Новгорода, Еревана, Калининграда, Ашхабада, не говоря уже о музеях Грузии — Литературного, Театрального, для музея города Тбилиси и для Вардзийского музея Академии наук и т. д. Для Горийского музея сделаны копии древней керамики, причем с применением темперной техники,

благодаря чему достигнута более точная передача объема и фактуры керамики, чем при акварельных зарисовках. Но наиболее плодотворная и систематическая работа проводилась и проводится Татьяной Сергеевной для экспозиций Музея искусств Грузии, руководимого профессором Ш. Амиранашвили. И это не удивительно, так как Ш. Амиранашвили один из первых «открыл» талантливую художницу-копиистку, один из первых поручил ей выполнение ряда значительных копий и с тех пор остается неизменным ценителем и, если можно так сказать, организатором всех ее лучших работ. Именно в музее, руководимом профессором Ш. Амиранашвили, нашли наиболее плодотворное применение передовые научные и художественные принципы советской школы копирования. В результате, совершенно определенно можно утверждать, что почти ни в одной из действующих постоянных экспозиций музеев Советского Союза так полно не представлено искусство древности во всей непрерывности его развития. По экспонатам, демонстрируемым в Музее искусств Грузии, со всей полнотой можно воссоздать картину зарождения, становления и развития грузинского национального искусства, проследить и изучить разные его этапы и историческую закономерность его эволюции — от глубокой языческой древности, через эпоху великого расцвета в «золотой век» его феодально-христианской стадии, до его позднефеодального заката. Все это — результат поистине подвижнического труда настоящих энтузиастов науки и искусства, к числу которых принадлежит и Татьяна Сергеевна Шевякова.

Работа по снятию копий очень трудоемка и зачастую сопряжена с большим риском. Но страстная жажда первооткрывателя и бескорыстное увлечение любимым делом помогают Татьяне Сергеевне преодолевать все трудности.

На столе лежит маршрутная карта Верхней Сванетии. Она потерта на сгибах и вся испещрена пересекающимися линиями, кружочками, точками, нанесенными от руки, — это обозначение путей и мест, где уже

довелось побывать Татьяне Сергеевне или куда она собирается отправиться в очередную экспедицию. Впрочем, слово «экспедиция» звучит несколько громко, ибо отправляется в путь Татьяна Сергеевна, как правило, одна. Иногда лишь в путешествии принимает участие ее сестра Мария Сергеевна Шейблер — тоже отличный художник-копиист (ряд работ, выставленных в нашем музее, сделан ими совместно).

На местах, как правило, приходится работать под высокими церковными сводами, и ни о какой «технике безопасности» не может быть и речи. Нет ни элементарных «лесов», ни должного освещения. Для зарисовок особенно сложных орнаментов и тех, что находятся на большой высоте, Татьяне Сергеевне приходится прибегать к помощи полевого бинокля. Бывает, что по три дня не удается «рассчитать» какую-нибудь схему. А в иных случаях, когда никакое рассматривание не дает результата, Татьяна Сергеевна сразу же приступает к зарисовке, и только в процессе работы удается расшифровать орнамент.

Благодаря этому самоотверженному труду мы имеем возможность, не выезжая за пределы города, ознакомиться со многими памятниками древности и в сопоставлении их гораздо полнее и острее ощутить ту или иную эпоху и глубже изучить их стиль и характер.

Вот, например, аллегорическая фигура Нила, олицетворяющая одну из 4-х так называемых «райских» рек; эта фреска XI в. из Атени — дань эллинистической, языческой традиции. Фигура ярко выступает, видна надпись, местами проступает штукатурка, а иногда и камень — в этой копии чувствуется необычайная подлинность в передаче фактуры памятника.

Редко кто из посетителей музея не остановится у так называемого Цаленджихского ангела — копии фрески XIV в. Его острая, выразительная красота, экспрессивная лиричность неизменно привлекают внимание. Но мало кто знает, что эта копия уже имеет значение первоисточника: оригинал ныне сильно попорчен, да и когда делалась копия, лицо

ангела было реконструировано по фотографиям и соседним фигурам.

Небезынтересна также история копии знаменитого Кинцвисского ангела-фрески (XIII в.) — этого подлинно мирового шедевра. Мы неизменно восхищаемся его поэтичностью, мягким лиризмом, его человеческим обаянием. Он необычайно пластичен и при всей своей объемности и даже монументальности — воздушен и бесплотен.

В музее экспонируются две копии этой фрески. На одной из них, сделанной Л. А. Дурново в 1929 году, фреска предстает перед нами в том виде, какой она была тридцать лет назад — вся загрязненная... птицами. Другая же копия выполнена Татьяной Сергеевной в 1948 году после расчистки памятника. Сразу видно, что в росписи кое-что утратилось: нет прядки волос на лбу, плохо виден нос, поблекли краски, но зато проявились многие детали, которые были покрыты слоем грязи — крылья, рисунок перьев и др.

Недавно сестрой Татьяны Сергеевны — М. С. Шейблер была создана «сводная копия» Кинцвисского ангела — по первой копии воссоздан цвет и те детали, которые были утрачены, по второй же все то, что открылось после расчистки.

Но пора вернуться и к орнаментам.

Пока Татьяна Сергеевна занята умиротворением своих четвероногих друзей — трех веселых псов, которые во что бы то ни стало стремятся стать центром нашего внимания, — мы сами просматриваем листы с копиями орнаментов.

С первого же взгляда поражает само выполнение копий — кажется, что на листы нанесены тончайшие пласты штукатурки с росписями, настолько точно и почти «осознательно» переданы в них не только композиция, цвет, но и сама фактура орнаментов. А когда к нам подсаживается Татьяна Сергеевна и начинает с увлечением рассказывать о своей работе, о тех выводах, к которым она пришла, систематизировав и проанализировав собранный материал, — перед нами как бы раздвигаются стены, и за набором орнаментальных схем встают судьбы страны,

народа, смена мировоззрений, пути развития культуры и искусства...

Татьяна Сергеевна берет первую таблицу — на ней копия уникального для Грузии мозаичного орнамента пола в крещальне Пицундской церкви (Бичвинта) IV — V вв. Радужная лента орнамента объемна и рельефна, она рвет плоскость. Для Грузии такой орнамент далеко не типичен. Аналогичные находки встречаются в Иерусалиме и Византии. Прямого сходства здесь нет, но связь с ними Бичвинтского орнамента очевидна, хотя в него и привнесены черты и особенности, связанные с местной культурой.

Радужная лента попадает еще в IX веке, в книжной росписи. Потом мы уже ее долго нигде не видим. Но вот, перевернув все листы папки, Татьяна Сергеевна берет последний из них. Это таблицы с орнаментами конца XIV в. И здесь опять радужная лента, но более разработанная, четко выступающая над общим фоном. Начало и конец как бы смыкаются. Объясняет это явление Татьяна Сергеевна следующим образом: в IV — V вв., когда была возведена Пицундская церковь, страна находилась в состоянии разобщенности. О выработке единого стиля не могло быть и речи, имели место и заимствования. К концу же четырнадцатого века, после губительных нашествий монголов и даже после государственных реформ Георгия V Блистательного, происходит изменение и нарушение традиций, что приводит к некоторой утрате самобытности в области искусства. И тут вновь появляются аналогичные заимствования.

После этого отступления мы опять возвращаемся к первым листам и уже последовательно прослеживаем яркий путь становления самобытного стиля грузинского декоративного орнамента. В нем отразился сложный процесс развития искусства Грузии XI — XII вв. — эпохи единого централизованного государства зрелого феодализма.

Вот перед нами орнаменты с фрагментарно сохранившихся росписей X в. Они еще разнохарактерны, и источники, лежащие в их основе, различны. — поясняет Татьяна Сер-

геевна. Некоторые из них повторяют, в своеобразной переработке, ранне-византийские орнаментальные схемы со следами эллинизма, другие же имеют глубоко национальные народные корни. В орнаментах первой половины XI в. еще чувствуется тесная связь стенописных орнаментов с орнаментикой других отраслей декоративного искусства — оформлением рукописей, чеканкой, резьбой алтарных преград и дверей и др. В их сложных орнаментальных схемах нет монументальности, они более декоративны, чем стенопись. Поэтому в росписях 20-х годов XI в. Манглисского храма орнаменты более сложны и развиты, чем в росписях второй половины XI века.

Со всей очевидностью и наглядностью обосновывает Татьяна Сергеевна ту мысль, что к последней четверти XI века уже формируется вполне законченный, самобытный, чисто стенописный стиль орнаментов, единый для отдаленных друг от друга районов страны. Этот стиль прослеживается в малоизменяющихся формах до середины XII в. Единство стиля сказывается в монументальности форм несложного крупного растительного орнамента с мясистыми листьями и толстыми стеблями, в некоторых случаях с крупными профильными цветами, нигде точно не повторяющимися, снабженными белыми усиками. Звучная, красочная гамма строга и лаконична. Излюбленным приемом является чередование серых или серо-зеленых растительных мотивов с красно-коричневыми на черном фоне, акцентированных (подчеркнутых, усиленных) белыми движками и охряными стеблями. Роль орнамента в ту эпоху заключалась в подчеркивании архитектурных форм здания, в организации и членении стен. Строгость и монументальность стиля XI и первой половины XII вв. диктует и симметричность орнаментальных схем. Число этих схем часто не превышает десяти. Но с середины XII в. с изменением вкусов намечаются изменения и в монументальной росписи. Орнамент становится более декоративным, более условным. Появляются новые схемы, меняется красочная гамма — она становится поли-

хромной и более яркой. Это период искания новых форм, поэтому орнаменты в различных памятниках становятся разнохарактерными. Появляются имитация поливной изразцовой инкрустации и узорные панели, покрытые мраморировкой, чрезвычайно условного, специфически грузинского типа — на белом фоне контурные черные и коричневые прожилки располагаются волнообразными концентрическими кольцами.

К концу XII, началу XIII вв. складывается новый стиль. Развитие идет в сторону еще большей декоративности и условности, появляются изощренное изящество и рафинированность (Вардзия, Бетания, Кинцвиси). В растительных орнаментах усложняется плетение стеблей, они становятся тоньше и обходят вокруг цветов два, три раза, цветы мельчают. Встречается прием раскрашивания отдельных участков фона различными яркими цветами. Употребляются дорогостоящие краски — ярко-зеленая и небесно-голубая ляпис-лазурь, свидетельствующие о богатстве заказчиков. Применяясь к новым требованиям архитектуры, орнаментальная схема становится более динамичной. Одинаковые орнаменты в росписи уже не повторяются, а если схемы в отдельных случаях близки, то меняется раскраска. Число орнаментов возросло. Так, в Кинцвисском храме их свыше 40, а в некоторых храмах конца XII — начала XIII века — их еще больше.

Развитие декоративности нарастает, достигая перенасыщенности, граничащей с упадком. Это развитие прерывается нашествием монголов, после чего орнаментика грузинских росписей, как в этом мы могли убедиться еще в начале, в значительной мере теряет свою самобытность.

Татьяна Сергеевна объясняет нам, что все без исключения орнаменты древнегрузинской живописи, начиная от самых ранних, исполнены без трафарета, от руки.

В альбоме у Татьяны Сергеевны около трехсот орнаментов (всего ею зарисовано свыше тысячи, хранятся они в фондах Музея искусств Грузии в Институте истории грузинского искусства Академии наук Грузинской ССР). Эти же наиболее типич-

ны, наиболее полно и ярко отражают историю развития самобытного национального творчества грузинского народа.

Значение этого собрания копий стенописных орнаментов трудно переоценить. Выводы, к которым пришла Татьяна Сергеевна, неоспоримы и как бы напрашиваются сами собой: в первую очередь мы видим, что в развитии монументальной орнаментики национальный характер грузинского народа отражен с той полнотой и яркостью с какой он не мог отражаться в сюжетной живописи, связанной с церковной тематикой. Велико научное значение этого собрания и в другом отношении: оно дает стройную и последовательную картину развития грузинского искусства на протяжении десяти веков и тем самым способствует датировке ряда до сих пор не датированных памятников, поскольку в орнаментах эволюция прослеживается значительно точнее, чем в сюжетной живописи. Трудно переоценить значение научного изучения грузинских живописных орнаментов и для смежных наук — палеографии и иконографии (наука о различных видах изображений в изоискусстве). Помимо всего прочего, огромно и практическое значение изучения грузинских орнаментов, так как они являются неисчерпаемой сокровищницей для современного декоративного и прикладного искусства. Эти орнаменты могут быть использованы для оформления интерьеров современных зданий, тканей, керамики, фарфора, книг и т. д. Естественно, напрашивается вывод о желательности издания альбома орнаментов, составленного Татьяной Сергеевной Шевяковой, что несомненно, способствовало бы достижению всех этих научных и практических целей.

...Альбом закрыт, стены маленькой комнаты вновь сдвинулись. Но все, увиденное нами, — теперь в нас. С нами красота древнего искусства и с нами благодарность к тем, кто так много сделал для его изучения и популяризации, для его сохранения и увековечения.

...Очерк этот был уже написан, когда я, в одной из наших бесед, стала расспрашивать Татьяну Сергеевну о некоторых ее первых поездках по Грузии и упомянула об известной

мне экскурсии грузинских и русских писателей, с которой, как мне сказали, была связана и Татьяна Сергеевна. Ответ меня неожиданно обрадовал: это оказалась та самая поездка, которую так чудесно описала Вера Инбер в своей поэме «Путевой дневник». Так вот, значит, кто эта неизвестная художница-копиистка, описанная в одной из глав поэмы! И я не могу не напомнить здесь читателю эти ясные и теплые строчки, которыми и можно заключить наш рассказ:

Девическое славное лицо...
Такие лица — мы им сразу верим.
Кашне. Недорогое пальтецо.
Под мышкою портфель. А из портфеля
(Он весь набит каким-то багажом)
Торчит бутылка. Кажется, боржом...

...В портфеле кисти, краски и белье,
Эмульсия в бутылке, калька, сгечи

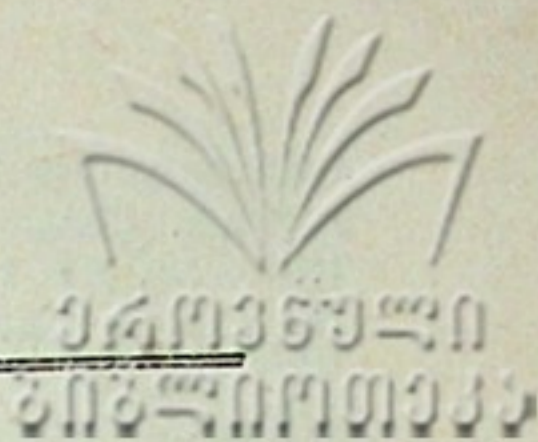
(Бывает так, что освещаться нечем).
Особая работа у нее:
Она копирует картины, фрески...

Зимой ужасно холодно в церквах,
Бывает так, что отмерзают пальцы,
Но если смазать их бараньим салцом...
То ничего. Короче, в двух словах:
Гораздо правильней работать летом,
Но Эрмитаж не думает об этом.

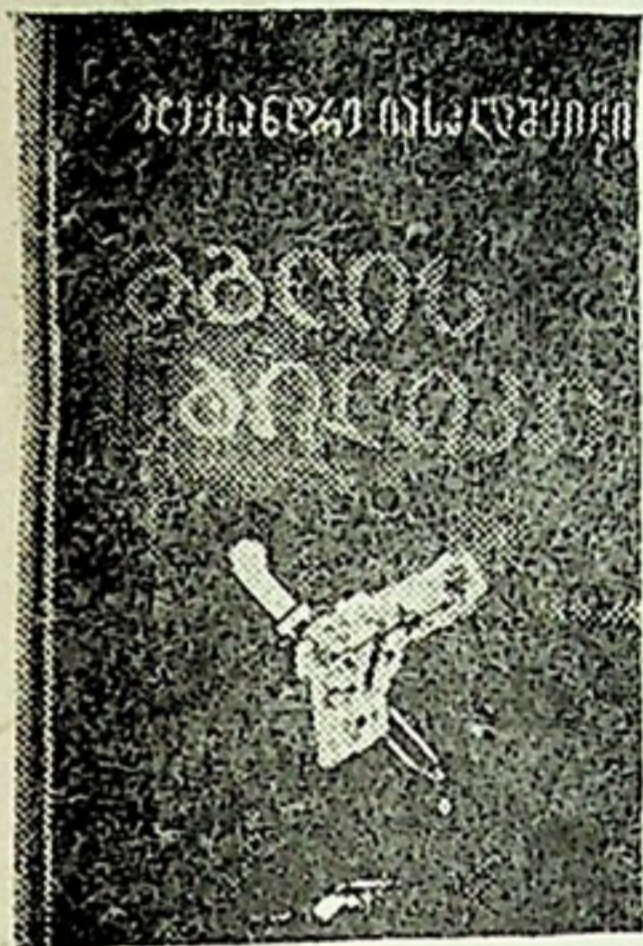
Ведь там лежишь на каменном полу
При переводе с кальки на бумагу.
—А впрочем, я привыкла. Как ни лягу—
Не простужусь. Привыкла и люблю...

Что добавить к этому? Разве только подтвердить верность этой поэтической копии живому оригиналу? Да, именно такой была Татьяна Сергеевна четверть века назад и такая она сегодня — увлеченная, влюбленная в свое дело, влюбленная в Грузию и ее искусство.

ЧЕЛОВЕК С АВТОРУЧКОЙ И ЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Об этой книге я слышал давно. Ее разыскивали, спрашивали друг у друга, о ней говорили. Нет, конечно, нельзя утверждать, что она породила литературные споры, противоречия и мнения, дискуссии. Но нельзя отрицать: ее читали и... единодушно ругали. Однако, прочитав книгу А. Ясагашвили «Волчья тропа», нельзя ограничиваться и только одним признанием напрасно потерянного времени. О ней необходимо говорить серьезно.

На обложке изображен револьвер накрест с огромным охотничьим ножом, с которого капает кровь. Итак, читатель, едва взяв в руки книгу А. Ясагашвили, уже настроился на определенный лад.

...Полночь (какой детективный роман начинался в другое время суток?) Засидевшегося в своем служебном кабинете начальника следственного отдела угрозыска Зураба Ломаури отвлекает от глубоких раздумий телефонный звонок. Читатель, вы уже узнали своего старого знакомого? Конечно же, у него посеребрянные виски, привычка сидеть в своем кабинете 24 часа в сутки, страдальцажена, которая только по телефону и может перекинуться с ним несколькими словами.

Дальше следуют всевозможные ужасы. Оперуполномоченный Арчил Чохели, находясь в отпуске, случайно обнаруживает в лесной чаще отрезанный палец. И пошли одно преступление за другим! Убийство с целью ограбления, убийство с целью мести, убийство с

целью замести следы предыдущего убийства, убийство с целью не ясной ни для кого... Порою, очевидно, для разнообразия, автор предлагает читателю столь же богатый выбор других уголовных преступлений — от запрещенных азартных игр и продажи краденого и вплоть до попытки изнасилования...

Однако при всем обилии этих «необыкновенных» приключений и «леденящих кровь» подробностей, книга написана очень скучно. Чрезмерно растянут и неорганизован «сюжет» (любые литературные термины весьма условны, когда применяются к этому произведению, довольно неожиданно названному «романом»). Персонажи примитивны, глупы, несмотря на то, что автор то и дело пытается подчеркнуть их «интеллектуальность».

Главный преступник — Петрэ Напирели, он же — Вадим Уралов, он же — Герман Базиль (вы спросите — почему именно «Герман Базиль»? — ведь это и не вполне разумно брать преступнику в наших условиях такой необычный и запоминающийся «псевдоним», но зато — как красиво!). Он усиленно рекомендуется читателям как необыкновенная личность. Чрезвычайно умен, образован, знает несколько языков, в том числе иностранные. Он смел, находчив, силен, несмотря на то, что по всем расчетам, должен быть уже преклонного возраста. Великолепно стреляет (причем, особенно хорошо левой рукой!), владеет ножом, водит машину, ездит верхом. Что вам еще? Ах, да! — обладает своеобразным чувством чести и даже по-своему великодушен: назначает своей постаревшей сообщнице пенсию! Это все — согласно авторской характеристике. К тому же Герман Базиль безжалостен, хладнокровен, решителен.

Надеюсь, всего сказанного достаточно, чтобы «опознать» в этом персонаже давно известный в литературе тип «сверхчеловека», возрожденный в американских комиксах под именем «супермена». Ассоциация эта не случайна. Она возникает при чтении не самопроизвольно, а довольно прозрачно подготавливается автором. Доказательства? Вот они. На 218-й и последующих страницах приведен такой разговор между подполковни-

Александр Ясагашвили, «Волчья тропа». Издательство «Сабчота мцeralи», Тбилиси, 1960 г., на грузинском языке.

ком милиции Ломаури и старым мельником, связанным с преступной шайкой (кстати, этот мельник при аресте едва не успел раскусить ампулу с ядом! Вот что значит — использовать «опыт» некоторых шпионов).

«— Выходит, — говорит Ломаури. — что Герман Базиль преступник особого рода.

— Да. Такие типы, как Базиль, редко встречаются в жизни. Он из тех, кто ради денег не пожалеет родного отца. Его талант и способности в этом деле феноменальны!.. Я не думаю, что кто-нибудь может сравниться с ним, он — единственный и неповторимый. Нет уголка во всем Советском Союзе, где бы он не совершил преступления; Базиль знаком со всем преступным миром. Его слово — закон для всех преступников... Он — настоящий, несравненный артист...»

Что и говорить, характеристика красноречивая. Впрочем, и сам «объект» этой характеристики говорит о себе без излишней скромности (стр. 285):

«Я хотел создать группы, на манер американских гангстеров... О, если бы вы знали, какие у меня были планы!.. Я был бы вторым Аль-Капонэ... Мой талант и способности развернулись бы в Америке во всю ширь, я взошел бы на вершину жизни!..»

Что ж, остается только посочувствовать Базилю, которому автор предоставил столь «неподходящее» место действия, как наша страна, где его способности не нашли применения. Впрочем, если говорить откровенно, я сильно сомневаюсь, чтобы из подобного «героя» вышел бы новый Аль-Капонэ, или, тем более, Александр Македонский, или Наполеон, с которыми он тоже пытается найти «что-то общее». И вот почему, несмотря на все авторские рекомендации, несмотря на обилие превосходных степеней в его характеристике, Герман Базиль предстает перед нами со страниц книги человеком, не только не крупным по своим задаткам и способностям, но даже примитивным и неумным.

Не буду перечислять все нелепости и несообразности в его словах и поступках. Назову лишь некоторые. Преступниками была убита врач Нато Сулиашвили перед самым ее отъездом на целину. Герман Базиль придумывает «хитроумную комбинацию»: с документами Нато на целину едет его подручная Кира Забора. И тут же, для того, чтобы обезопасить себя, Герман решает уничтожить бывшего мужа Нато, инженера Георгия Курхули, который «может» захотеть последовать за Нато, «может» разыскать ее на целине (хотя его бывшая жена для того и ехала туда, чтобы скрыться от него!), «может» обнаружить подмену.

Мне трудно судить о том, насколько

«профессионально логичен» ход рассуждений Германа Базиля. Но если исходить из элементарной человеческой логики, следует признать: подмена могла быть обнаружена не Георгием, а органами милиции, которая разыскивала Нато. И стоило связаться с тем районом, куда направилась Кира-«Нато», как вся затея с треском провалилась бы. И второе: скорее всего разоблачила бы сама себя Кира Забора, которая не могла бы проработать врачом и одного дня, так как она — не врач!

Но для А. Ясагашвили нужен ход похитрее. И Герман решает убить Георгия Курхули, инсценировав самоубийство. «Смотрите, как хитер преступник!» — уверяет нас автор: — «Вылезая из окна, он засыпал свои следы пылью». Я готов согласиться с тем, что «гениальный» Базиль, готовясь к убийству, тащил с собой кулек с заранее заготовленной пылью. Но почему же он не сообразил самого простого: оставляя рядом с убитым свой револьвер, он с головой выдавал и себя, и всю свою «инсценировку».

Еще один пример. Герман решает убить свою бывшую сообщницу Киру Забору, которая, выполняя волю автора, стремительно переквалифицировалась из врача-самозванца в цыганскую танцовщицу Азу Сумбар. Как вы думаете, какое место признал «хитроумный» Базиль самым удобным для выполнения своего приговора? Держу пари, ни за что не догадаетесь. Роковая пуля должна была впиться в грудь Азы как раз в тот момент, когда после успешного выступления она в четвертый раз выйдет на «бис»! Я, конечно, ничего не могу сказать против выбора места: в конце концов, каждый волен выбирать обстановку согласно своим вкусам. Но что, если Азе пришлось бы выйти на «бис» не четыре, а три раза? Что бы делал тогда Базиль? Впрочем, я уверен, что «убийца-супермен» и в этой ситуации нашел бы выход, с помощью автора, разумеется...

Пожалуй, уже достаточно перечислять необычные поступки Базиля. Теперь уже пора обратиться к его подручным. Не забывайте, что в среде «обычных» преступников Герман считается гением. Во всяком случае, небезынтересно напомнить о том отрезанном пальце, с которого, собственно, и заварилась вся эта кутерьма. Убив Нато, Герман, перед тем как зарыть ее труп у обочины дороги, отрезал этот палец с дорогим перстнем и подарил его своему сообщнику Сандро Карашвили. Тот спрятал палец с перстнем в карман и вспомнил о нем только в глубине леса, когда опустил руку в карман за папиросами. Сандро выкинул этот палец. Тут-то и обнаружил его находящийся в отпуску

следователь Арчил Чохели. Пожелай Сандро закурить чуточку раньше или позже, так бы и гулял по белу свету Герман Базиль со своими многочисленными сообщниками!

Прочитав написанное выше о Базиле и его приятелях, читатель может сделать вывод, что их выявление и изоляция дело в общем не очень-то сложное. И в этом выводе — одна из главных бед книги «Волчья тропа». Но еще хуже и опаснее другое: ведь неумному Базилу со своей бандой удастся «водить за нос» всю нашу милицию на протяжении многих лет (даже десятилетий!). Он охватил своей деятельностью всю страну! Как же это могло случиться? — недоуменно и возмущенно спрашиваем мы. Да этого и не могло произойти! Ни в жизни, ни в литературе. И только Александру Ясагашвили «удалось» этого добиться. И то только потому, что неумным, ограниченными представителям уголовного мира в книге, по воле автора, противостоят такие же, даже еще более ограниченные и нерасторопные работники нашей милиции.

Не являясь знатоком в этой области, я не беру на себя смелость анализировать весь ход следствия, изображенный в книге, с точки зрения его соответствия установленным правилам и законам. Не могу судить и о том, которые из многочисленных обысков, проводимых работниками милиции, имели законное основание, а которые — нет. Не знаю, какими именно соображениями руководствовались они, проводя в одних случаях поспешные аресты лиц, чья вина лишь подозревалась, но не была доказана, а в других — оставляя на свободе опасных преступников, что влекло за собой новые жертвы и преступления. Повторяю, об этом судить специалистам.

Есть, однако, в книге много несообразностей, которые бросаются в глаза при первом же чтении. И тут уместно присоединиться к весьма характерному высказыванию одного из персонажей: «Много непонятого встречал я, но все это, тем не менее, было для меня столь непонятым, что я никак не мог найти для него объяснения» (стр. 243).

Итак, набросаем беглый список «непонятоостей» в книге, для которых найти объяснение весьма трудно. Начатое по делу об убийстве Нато Сулиашвили следствие сразу же пошло по весьма странному пути. Работники милиции уже придумали для себя версию убийства, есть даже подозреваемые, словом, следствие идет полным ходом. Однако никому почему-то не пришла в голову простая мысль: посетить комнату Нато и установить факт убийства. Позже даже выясняется, что врач Нато Сулиашвили

явилась по месту назначения. И что бы вы думали: не удостоверившись в факте убийства, не найдя трупа, не справившись, где находится сейчас «Нато», работники милиции, как ни в чем не бывало продолжают следствие. Почему? Да потому, что согласно их ходу рассуждений, Нато все же «должна быть» убита. Тем более, скажете вы, следовало задержать человека, который воспользовался документами убитой, ибо он, как это совершенно ясно, должен быть связан с преступниками. Да, все это просто и ясно. Но автора именно это и не устраивает: посложнее, запутанней — вот что руководит пером писателя, когда он заставляет подполковника Ломаури рассуждать следующим образом:

«Что делать? Посылать ли сотрудника на целину, чтобы выяснить личность самозванца, присвоившего имя Нато Сулиашвили?»

Вообще, следует отметить, что Зураб Ломаури и его сотрудники представляются нам последователями какого-то совершенно нового, открытого автором, направления в криминалистике: они рассуждают тогда, когда нужно действовать, колеблются там, где есть только одно, да к тому же и совершенно очевидное решение. Может быть, автор хочет «породнить» их с незабвенным создателем дедуктивного метода Шерлоком Холмсом? Должен его разочаровать — они не имеют ничего общего. Его Ломаури, Чохели, Гацерелиа и другие скорее напоминают Нат Пинкертона, да и то в ухудшенном варианте. Совершенно ясно одно — ни у частного сысканого агентства Пинкертона, ни у сыщика-индивидуалиста не может быть точек соприкосновения с советской милицией, с ее методами ведения следствия, опирающегося на широкую поддержку народа.

А в книге «Волчья тропа» вся следственная система удивительно напоминает частный сыск, а работники милиции — превращены в сыщиков. Во всяком случае «система» подполковника Ломаури противопоставлена в книге «системе» Германа Базилы, столь же разветвленной, столь же, а порой даже более действенной, оперативной, мобильной. Подобного рода искажение подлинных соотношений поистине настолько красноречиво, что не нуждается в комментариях. Наряду с «параллелизмом» (преступная сеть — милицейская система) автор весьма охотно прибегает и к сопоставлению персонажей. Герману Базилу совершенно явственно противостоит Зураб Ломаури. Однако при характеристике последнего автор поспешил на краски — очевидно, поистратил их на отрицательного героя! Прочтешь книгу, и трудно вспомнить хоть одну-единствен-

ную живую, человеческую черту в характере Ломаури, разумеется, если не считать того, что ему, горемычному, никак не удастся поесть: стоит поднести кусок ко рту, как тут же раздастся звонок, возвещающий об очередном преступлении.

Хочется сказать несколько слов о том, какова морально-этическая сторона характеристик положительных персонажей. На весьма странном для работника милиции амплуа находится в книге Хута Гацерелия: он проникает в самую гущу уголовной банды (разумеется, со многими обязательными для данного случая происшествиями), «закрутив роман» с красавицей-вамп, обладающей звучным именем Мэри Мальдонато. В дальнейшем он не раз с успехом пользуется этим «приемом». Его коллега по сыску добродушно называет Хуту «Дон-Жуаном». Донжуанство — как метод следствия... Это что-то необычное в практике нашей милиции, неправда ли?

Отмечу, к слову, еще одну «странность» в поведении этого молодого сердцеда-следопыта. Сойдясь с красавицей Мэри и живя с ней душа в душу, он узнает, что наряду с целым рядом преступлений, на ее совести и два убийства (по весьма «благородным» мотивам — Мэри убивала мужей из ревности). И Гацерелия нашел возможным в порядке «частного милосердия» отпустить Мальдонато на свой страх и риск. Что ему будет за это? — волнуется, по всей вероятности, читатель, не знакомый с нравами, насажденными Ясагашвили в своей книге. Не беспокойтесь: человек сомнительных моральных качеств, взявший на себя смелость выносить решения вместо народного суда, получил... одобрение!

Наконец, после длительных усилий, Герман Базиль арестован. Впрочем, он попался совершенно случайно, по своей глупости. Два сотрудника милиции, которые везли его в Тбилиси, по дороге безмятежно вздремнули, предоставив преступнику возможность бежать, а автору — продлить повествование еще на сотню страниц. Явное служебное преступление, — скажет читатель, — за это надо судить (за то, что упустили преступника, разумеется!) Скажет и поспешит — начальник только укоризненно поглядит в глаза своих подчиненных и даже не отстранит их от следствия. Что ж, мера дисциплинарного воздействия назначается начальством, читателя в таких случаях не спрашивают.

В погоню за Германом Базилем, ударившим за пределы Грузии, были высланы два сотрудника (чем не пинкертонь!). Они систематически снабжают начальника весьма подробными и «художественными» донесениями, а время

от времени и сами совещаются. Во время одного из таких секретных совещаний они, по всем правилам конспирации выставив охрану во дворе, сами... запираются в комнате, где сидит какой-то старик. Очевидно, старики под конспиративные правила не подпадают. Во всяком случае, очередное служебное преступление пошло следствию на пользу. Старик, так и остающийся неизвестным до самого конца, становится фактическим руководителем экспедиции. Два «пинкертона», то ли движимые тайным велением души, то ли сознавая свое бессилие, покорно выполняют все его приказы. Наконец, Германа Базиль арестовывают в последний раз при самых романтических обстоятельствах — тут и погоня, и дуэль на берегу реки, и попытка скрыться в лесу... Но — все в порядке, преступник задержан. Старик, разумеется, оказывается старым чекистом, полковником в отставке.

Так и заканчивается вся эта история, которую «завязал» лейтенант в отпуске, а «развязал» полковник в отставке. Она изложена серым, невыразительным языком, в котором только изредка сверкают перлы вроде следующих:

«Его уход в армию совпал с тем периодом, когда фашистское воинство после героической Сталинградской эпопеи отступало» (стр. 38);

«Несмотря на свою молодость, она сумела стать для раненых настоящей матерью и сестрой» (стр. 39);

«После нескольких формальных вопросов, труп был отправлен в прозектуру» (стр. 69);

«В машине был найден чемодан, в котором оказались два нагана, много патронов, другие личные вещи...» (стр. 161).

Теперь, ознакомившись с тем, что предлагается читателю в книге «Волчья тропа», мы вправе спросить: для чего? Для чего надо, чтобы преступник был выведен «суперменом», неуловимым и неуязвимым? Для чего он, Герман Базиль, сделан как две капли воды похожим на известного профессора, на которого и падает вначале подозрение? Для чего профессор и преступник оказываются братьями-близнецами? И еще сотни таких вопросов рождаются при чтении книги.

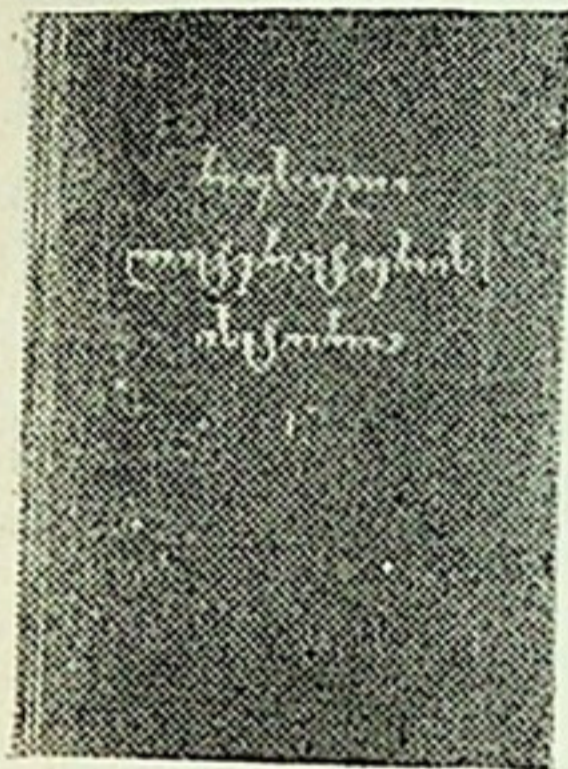
Ответ один: пользуясь интересом широких масс к занимательной, остросюжетной литературе, автор под видом детективного романа предлагает им бульварное чтение. И тут встает еще один вопрос — об ответственности человека, взявшего на себя святую обязанность писателя. Авторучка в руках писателя — орудие столь же действенное, как отбойный молоток в руках шахтера,

плуг в руках землепашца, оружие в руках война. Писатель отвечает за то, что он делает своим оружием, обязан отвечать.

Книга, подобная «Волчьей тропе», — явный литературный брак. Резко и решительно выступить против нее — значит, встать на защиту читателей. Вред, нанесенный этой книгой, не исчисляется потерянными на ее чтение часами и потраченной при ее издании бумагой. И потому общественность должна встать против подобного рода «литературы» — она отравляет читателя, причает его к бездумному, низкопробному чтиву и в то же время дискредитирует святое имя подлинной литературы, Литературы с большой буквы.

Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ.

НОВЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

За последние время в грузинском литературоведении большое внимание уделяется усиленному изучению проблем русской литературы. В течение небольшого отрезка времени почти друг за другом вышли работы, в которых освещаются как об-

щие вопросы истории русской литературы («Очерки по истории русской литературы XIX века» и «Статьи о русской литературе» С. Данелия, «Н. В. Гоголь» В. Шадури и Г. Талиашвили, «Этюды о русской литературе» А. Николадзе, «Литературные очерки» Т. Буачидзе), так и проблемы, связанные с освещением истории русско-грузинских литературных связей (фундаментальный труд В. Шадури «Декабристы и грузинская общественность», «Л. Н. Толстой и Грузия» Г. Талиашвили, «Русские революционные демократы и грузинская литература» и «Русско-грузинские литературные связи» А. Николадзе, отдельные работы А. Чхеидзе, Е. Чарквиани, П. Гудушаури и др.). Недавно к этим исследованиям прибавилась новая ценная коллективная работа — первый том «Истории русской литературы», вышедший на грузинском языке под редакцией В. Шадури и Г. Талиашвили.

«История русской литературы», т. I. С древних времен до конца XVIII века. Издательство «Цодна», Тбилиси, 1960 г.

Этот труд является первой книгой трехтомной истории русской литературы. В ней прослеживается ее развитие от древности до XVIII века включительно. Второй том охватывает XIX век, а в третьем будет освещено развитие русской литературы конца XIX — начала XX веков и советский период ее развития. Эти два тома грузинский читатель получит в течение самого ближайшего времени.

Ознакомление с рассматриваемой книгой показало, что ее авторы (В. С. Шадури, А. И. Чхеидзе, Г. А. Талиашвили, Е. Д. Чарквиани, В. Г. Натадзе, П. М. Гудушаури, Т. П. Буачидзе, Д. И. Кумсишвили) проделали большую и кропотливую работу, изучив и творчески освоив достижения как дореволюционного, так и русского советского литературоведения и фольклористики, сумели сжато и популярно изложить довольно сложный и нелегкий по освоению материал.

Первый том данной истории русской литературы по своей структуре несколько напоминает «Русскую литературу» Н. Кайева (учебное пособие для педагогических институтов и вузов), так как в нем рассматривается и русское народное творчество (автор раздела В. Г. Натадзе). Включение такой главы в книгу, думается, вполне оправдано, ибо, во-первых, на грузинском языке нет специальных работ по русскому фольклору, и, во-вторых, имеющиеся в этой области исследования русских авторов во многом устарели, особенно в методологическом отношении. Поэтому краткий обзор В. Натадзе (стр. 8—28), дающий общую характеристику русской народной словесности и отдельных видов устного поэтического творчества (обрядно-бытовая поэзия, пословицы, сказки, былины, частушки и лирические стихотворения), органически входит в ткань данной книги. Можно лишь пожалеть, что в обзоре так же кратко не охарактеризованы сказы и думы.

История древней русской литературы рассматривается в книге на основе выработанной в нашей литературно-исторической науке периодизации: 1) литература Киевского периода (XI—начало XIII вв.); 2) литература периода феодальной раздробленности (XIII—XIV вв.); 3) литература периода объединения северо-восточной Руси и создания русского национального государства (конец XIV — начало XVI вв.) и 4) литература периода создания многонационального централизованного русского государства (XVI—XVII вв.).

В указанном разделе сделан упор на раскрытие познавательного характера древней русской литературы по возможности подробно и в то же время четко оха-

рантеризованы ее наиболее значительные явления и отдельные жанры (летописи, проповеди, апокрифы, житийная литература, «моления», путешествия и исторические повести, переводная и переделанная литература, образцы светской литературы и сатиры, публицистика). Наиболее содержательна глава, посвященная «Слову о полку Игореве»; только она несколько эмпирична и недостаточно раскрывает известное положение К. Маркса, что «вся песнь носит христианско-героический характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно».

Здесь же отметим одну из положительных сторон труда: авторы, на наш взгляд, совершенно правомерно, немало страниц своего труда отводят освещению русско-грузинских общественно-политических и культурных связей, что расширяет профиль книги, придает ей интернациональное звучание. Уже говоря о «Слове о полку Игореве», авторы дают сжатое освещение этого памятника, а также говорят о достоинствах и недостатках переводов его на грузинский язык, принадлежащих С. Чиковани и К. Чичинадзе. Такое рассмотрение явлений русской литературы в аспекте ее связей с грузинской действительностью красной нитью проходит через всю работу, все равно, говорится ли в ней о «Повести о царице Динарии» или русской литературе XVIII века, где данная линия прослеживается в творчестве Державина, Радищева, Карамзина (очень интересна глава об освещении русско-грузинских связей в его «Истории государства Российского») и т. д. Постановку вопроса в таком широком культурно-историческом плане можно оценить только как положительное явление.

Раздел «Древнерусская литература» заканчивается главами «Стихосложение, Симеон Полоцкий» (стр. 169) и «Театр и драматургия» (стр. 170). Каждому из этих вопросов, как видим, уделено всего по страничке. Поэтому читатель мало что может узнать о существе вопроса. На этих проблемах следовало остановиться подробнее или вовсе не выделять их в отдельные главы.

Больше половины рецензируемого тома занимает рассмотрение русской литературы XVIII века. Этот раздел книги также стоит на уровне современных достижений советской литературоведческой науки. Авторы критикуют ошибочный, односторонний взгляд, якобы о только подражательном, несамостоятельном характере русской литературы данного столетия и справедливо делают упор на ее самобытно-национальный характер, ее связи с русским фольклором, древней русской литературой, с общественно-классовыми преобразованиями петровской эпохи, социально-политической и культурной

жизнью страны на протяжении века. Отсюда вполне обоснован вывод авторов, что без основательного изучения русской литературы XVIII века, особенно таких ее явлений, как публицистика Ф. Прокоповича, творчество А. Кантемира; В. Тредьяковского, М. Ломоносова, А. Сумарокова, Д. Фонвизина, Г. Державина, Н. Карамзина и А. Радищева, ранние произведения И. Крылова, — невозможно получить полное представление о последующих путях ее развития.

В этом разделе соблюдена четкая периодизация историко-литературного процесса и дана научно-обоснованная характеристика периодов первых десятилетий, 30—50-х и 60—90-х годов в развитии русской литературы XVIII века. Нам кажется, что в данном случае, как и во всей книге, авторы нашли правильное ее композиционное решение, сочетая характеристику отдельных фаз культурно-исторического развития страны с серией историко-биографических характеристик и литературных портретов писателей каждой эпохи.

Не вызывает возражений и методологическая сторона труда, который строится на основе марксистско-ленинской методологии и опирается на данное в трудах классиков марксизма-ленинизма раскрытие сущности исторического процесса России и на достижения советской исторической науки.

В книге дается характеристика двух основных литературных направлений рассматриваемой литературной эпохи — классицизма (стр. 194—197) и сентиментализма (стр. 354—358), а также показан рост реалистических и сатирико-обличительных элементов в русской литературе XVIII века. Здесь следует отметить, что авторы сумели показать особенности развития классицизма и сентиментализма в России, их оригинальность и отличие от западно-европейских образцов (это в большей мере относится к главе о сентиментализме). Слабой стороной указанных глав является ограничение характеристики названных литературных направлений одной социально-литературной стороной и отсутствие рассмотрения этих направлений с философско-эстетической позиции.

В рецензируемой книге встречаются и другие недостатки. Например, книга снабжена исчерпывающими списками основной специальной литературы по всем разделам, но в то же время сочинения классиков марксизма-ленинизма и революционных демократов не указаны по томам, годам и изданиям, что, несомненно, затруднит ознакомление с ними по указанным спискам. В данном томе имеют место и ошибки корректурного характера: вместо Д. Фонвизин напечатано И. Фонвизин (стр. 179), на стр. 29 вместо „მრავალეროვნობი“ (многонациональ-

ное) встречаем „მრავალმხრივი(?) ცუბ ზრალბეული რუსეთი“. (многостороннее(?) централизованное русское государство) и т. д. Такие же ошибки прокрались и в списки рекомендуемой литературы.

Но подобные досадные погрешности не умаляют значение этого ценного труда. Выход «Истории русской литературы» на грузинском языке несомненно порадует наших студентов, преподавателей, а также широкого читателя, интересующегося историей русской литературы и историей литературных связей между русским и грузинским народами.

Б. БАХТАДЗЕ.

ПОВЕСТЬ О ПЛАМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОНЕРЕ

Жестокая схватка со старым миром во имя осуществления социальной справедливости на земле требовала непомерных усилий. Больших жертв. Везде, в каждой голке нашей необъятной Родины, ашлись испытанные революционеры, кот о р ы с, роидя сквозь тяжелые испытания,

возглавили борьбу против всех, кто тайно или явно пытался остановить ход революции.

Одним из таких испытанных борцов, бесстрашным и талантливым солдатом Октябрьской революции был уроженец села Харагоули Кутаисской губернии Самуил (Ной) Григорьевич Буачидзе. Вышедшая недавно в серии «Жизнь замечательных людей» книга И. Дубинского-Мухадзе о Ное Буачидзе воссоздает образ замечательного ленинца, начавшего свою борьбу за счастье народа в горах Грузии еще в годы первой русской революции.

Первые же страницы книги показывают, что бесстрашное выступление маленького Самуила против грубого выпада попечителя Кавказского учебного округа Ренненкампа, оскорблявшего достоинство школьников-крестьян, предопределяет судьбу Самуила Буачидзе. Ренненкампф приказывает исключить его из Белогорской (Харагоульской) начальной школы, но ученики, среди

которых был и сверстник Самуила — Серго Орджоникидзе, отстаивали маленького храбрца.

Характерная черта повествования — чрезвычайный лаконизм. Но это не обедняет материала, собранного автором, а пожалуй, делает его еще более емким и доходчивым. Кроме того, в ряде эпизодов в школе, рисующих дружбу Самуила с Серго Орджоникидзе, и в других, показывающих рост гражданского самосознания героя, — везде незримо присутствует народ.

Мужество не приходит само, оно воспитывается жизнью, средой, традициями, литературой.

«После столкновения с Ренненкампом (объяснял Самуил своему другу Серго, — В. Т.) я понял, что должны существовать люди, ведущие борьбу с самодержавием, надо их искать и найти. Читать запрещенные книги, втайне изучать грузинский язык и литературу — этого еще очень мало».

Найти людей, ведущих борьбу с самодержавием... Не слишком ли это много для подростка, ни разу не выезжавшего за пределы Кутаисской губернии? Нет, вполне закономерно. К этому времени ученик Кутаисского сельскохозяйственного училища Самуил Буачидзе уже познакомился с профессиональным революционером Миха Цхакая, который помог ему вступить в социал-демократический кружок. В подкладке своей форменной тужурки Самуил носит отпечатанную на гектографе работу Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Эту работу Ленина он дает прочитать Серго. Оба друга клянутся вечно служить народу.

...В селении Парцхнали, где жила семья Буачидзе — его отец, мать и четыре брата, в 1904 году состоялась ночная сходка крестьян. Выступал представитель центра — некий товарищ Ной, большевик. Утром мать недовольно заметила двадцатидвухлетнему Самуилу, что и ему следовало бы присутствовать на сходке — услышать много хорошего. Она и не подозревала, что вчерашний оратор товарищ Ной и ее сын — один и тот же человек.

На ярких впечатляющих эпизодах автор монографии показывает, как Самуил становится сознательным, опытным революционером и членом партии — товарищем Ноем. Все его действия продиктованы стремлениями и чаяниями народа. Вот почему в конечном счете из всех схваток с царским самодержавием, а затем и с белогвардейцами-контрреволюционерами Ной выходит победителем.

Казалось бы, — чего проще, — сде-

И. Дубинский-Мухадзе. «Ной Буачидзе». Изд-во «Молодая гвардия», Москва, 1960 г.

лать из героя реального героя литературного. Нужно только добросовестно описать всю его жизнь. К сожалению, этому наивному рецепту еще следуют авторы некоторых произведений биографического жанра. Тогда, как правило, самый доподлинный, прославленный в народе герой, превращается в худосочную, анемичную схему.

И. Дубинскому-Мухадзе удалось избежать в своей книге подобной перерисовки событий, механического перенесения героя из жизни в литературу. Он идет по пути воссоздания образа героя, стараясь, если можно так выразиться, добиться его художественной реставрации. Он дописывает там, где документы слишком скупы, но не искажает при этом исторической правды. Так он поступил, рассказывая об ученических годах Ноя, его дружбе с Серго Орджоникидзе, переходе через Мамисонский перевал, встрече и беседах с Сергеем Мироновичем Кировым.

Задолго до событий 1918 года, Ной ведет во Владикавказе и Терской области большую революционную работу.

В Константинополе, в годы эмиграции, он добивается от группы российских социал-демократов (грузин по национальности) резолюции, порицающей всякие соглашения, якобы направленные к освобождению угнетенных народов, с каким бы ни было из тогда существовавших правительств.

Копия этой резолюции была направлена в Женеву — Ленину. И. Дубинский-Мухадзе, обнаруживший в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС текст резолюции, написанный рукою Ноя, отмечает, что над текстом в правом верхнем углу написано и подчеркнуто «Копия нашего решения». Полный текст резолюции понадобился Владимиру Ильичу в связи с появлением в буржуазной печати Балканских стран статей, клеветнически утверждавших, что, якобы, грузинские социалисты подали руку феодальной Турции для совместной борьбы против России. Предполагалось, что с отповедью клеветникам выступит большевистская газета «Социал-демократ» (она выходила в Женеве под редакцией Ленина). Очевидно, замечает И. Дубинский-Мухадзе, позднее Владимир Ильич посчитал вполне достаточным гневный ответ самого Буачидзе, напечатанный 22 июля 1915 года в «Рабочем деле», органе левых болгарских социалистов. «Только пролетарская революция, — писал Буачидзе. — освободит Грузию от русского царизма, и социалистическая Грузия войдет в семью социалистических республик».

Болгарский период жизни Ноя Буачидзе представляет особый интерес. В монографии И. Дубинского-Мухадзе он занимает немного места, но эти немногие страницы невольно приковывают к себе внимание читателя. Буачидзе выступал в Болгарии под именем Калистратэ Гурули и Самбуа. Под этими псевдонимами Буачидзе публиковал статьи против «беспримерной войны народов», против того, чтобы в угоду буржуазии «изо дня в день десятки тысяч молодых, здоровых людей устилали своими трупами перевалы Карпат, поля Галиции, Франции, Малой Азии и кровью своей окрашивали воды Немана, Вислы, Сены...» Он выступал на рабочих собраниях в Пловдиве, в Бургасе, беседовал с крестьянами, нередко тайком отправлялся с партийными поручениями в Сербию и Румынию, проникал в Грецию. Он бывал в самых отдаленных уголках Балкан, особенно в период подготовки к созыву в Софии в феврале 1915 года общеполитического социалистического митинга... Вдали от родины он вел большую, повседневную, кропотливую партийную работу, постоянно переписывался с Владимиром Ильичом Лениным. Свои письма Ленину Буачидзе подписывал всегда в целях конспирации псевдонимом «Самбуа», составленном из начальных слогов имени и фамилии — «Самуил Буачидзе».

Расшифровав этот псевдоним, автор монографии получил от работников Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС несколько папок и «...в каждой бесценные документы революционной борьбы — письма Самбуа к Ленину и Крупской».

Как нелегка была жизнь революционера-подпольщика в чужой стране, видно из заключительных строк одного из писем Ноя: «Дорогой товарищ! Скажу лишь одно: здешняя жизнь не жизнь, а бескровная гильотина». И это, конечно, относилось не только к личным трудностям, но и к жизни народа. А ведь жизнь Буачидзе — это жизнь народа, среди которого он живет, даже если живет он в «чужой» стране.

Деятельность Ноя Буачидзе на Северном Кавказе уже после провозглашения Советской власти в России — наиболее значительный период его биографии.

Этим последним годам жизни Ноя Буачидзе посвящена большая часть книги. И здесь автор монографии остался верен своему творческому методу: все события, — а их много, и развиваются они с ураганной стремительностью — даны через мир чувств и мыслей героя, в той последовательности, кото-

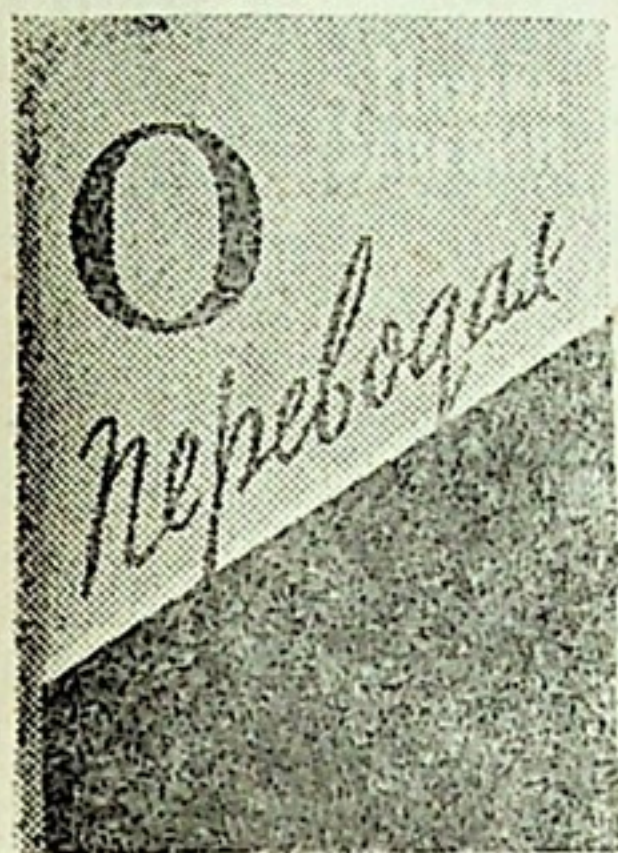
рая помогает нарисовать образ пламенного революционера.

Трагическая смерть Буачидзе воспринимается как начало гибели его врагов, начало полного разгрома белогвардейщины, как смертный приговор всем силам, поднявшимся против Октябрьской революции на Северном Кавказе.

В книге есть отдельные недочеты, — как в характеристике некоторых персонажей, так и в языке. Но недочетов этих мало, и они не мешают главному — нарисовать живой образ героя, человека большого обаяния и большой революционной силы.

в.л. ТАТИШВИЛИ.

МОЛОДОЙ. УВЕРЕННЫЙ ГОЛОС

Издательство «Заря Востока» выпустило маленькую по формату, но значительную по теме книгу молодого критика Михаила Заверина «О переводах».

Проблема художественного перевода давно уже стала предметом многочисленных бурных и острых дискуссий и споров. Разговор

о теории и практике перевода не сходит со страниц литературных газет и журналов. Совсем недавно широкие дискуссии о переводах были проведены и на страницах всесоюзного журнала «Дружба народов» и республиканского журнала «Литературная Грузия». Высказались крупнейшие мастера и теоретики художественного перевода К. Чуковский и С. Маршак, П. Антокольский и Н. Тихонов, И. Кашкин и А. Федоров. И тем не менее, теория и практика, богатейший опыт советских переводчиков ждут новых исследований, обобщения и всесторонней оценки. Поэтому искренне радуешься появлению каждой новой книги на эту тему. Особенную радость доставляют те книги, в которых от общих вопросов и положений авторы переходят к анализу конкретной, сегодняшней работы наших писателей и поэтов в области художественного перевода.

Михаил Заверин. «О переводах». Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1960 г.

Книга М. Заверина интересна прежде всего тем, что автор с глубоким знанием дела пытается осмыслить в ней опыт, раскрыть приемы и принципы творческой практики молодых советских поэтов, посвятивших свой труд и поэтическое вдохновение переводам братских литератур. Критик пристально следит за работой молодых поэтов А. Межирова и Е. Евтушенко. Он проявляет незаурядное умение уловить и раскрыть сильные и слабые стороны переводов и, осмыслив большое количество фактов, сделать убедительные обобщения. Не ограничиваясь утверждением, что «перевод стихов — область большой поэзии», М. Заверин доказывает, что талантливый поэт А. Межиров нашел в грузинской поэзии «...много близкого, созвучного его пониманию и ощущению природы художественного слова».

Умно, умело и убедительно разобрав выполненные А. Межировым переводы стихотворений А. Шенгелия и С. Чиковани, Г. Леонидзе и К. Каладзе, Р. Маргиани и И. Нонешвили, М. Заверин делает точный и правильный вывод, что успех переводчика явился результатом его постоянной творческой близости с ними, и эта близость сделала его переводы не соперничеством двух стихотворений, близких по букве, но далеких по духу, а актом подлинной дружбы двух национальных литератур — русской и грузинской. В братской дружбе советских национальных литератур — истоки замечательных успехов советской переводческой школы. На многочисленных примерах показывает это в своей книге М. Заверин.

С большим тактом и осторожностью, разбирает автор и отдельные срывы, неудачи, а то и прямые ошибки переводчиков. Он делает это и на опыте перевода Межировым некоторых стихотворений Галактиона Табидзе и подробно разбирая книгу переводов Е. Евтушенко «Лук и лира». Критик, на мой взгляд, правильно и четко ставит вопрос о границах творческой свободы переводчика, о точности подлинной и мнимой. Не отрицая, разумеется, права переводчика на известную творческую вольность, на отступления, М. Заверин подчеркивает: «отступления отступлениям — рознь». Многие из них ничего общего не имеют с отсебятиной, с бесцеремонным обращением с подлинником. Очень убедительно доказывает это критик, разбирая переводческую практику талантливого поэта Е. Евтушенко.

В книжке собрано пять статей, посвященных проблемам перевода и написанных в разное время. Не все в этих статьях равноценно, немало в них и спорного. Совсем неубедительной кажется нам

попытка автора оспорить мысль Г. Ломидзе о том, что язык есть первоэлемент национальной формы.

«Свести форму к языку, — говорит М. Заверин, — значит, ничего не сказать или, в лучшем случае, сказать очень мало».

Так ли уж мало?

Рассуждая о национальной специфике, М. Заверин утверждает, что «...говоря о национальной специфике, мы должны иметь в виду не национальную принадлежность писателя, не национальную принадлежность произведения, созданного на определенном языке, а отображенную в произведении действительность».

Нам это утверждение кажется непродуманным до конца, ошибочным, даже если под действительностью понимать национальный быт, нравы, характеры людей. В этом случае мы должны признать существование особой грузинской, украинской, русской, белорусской, латышской, узбекской действительности, как чего-то специфического и устойчивого, более устойчивого, чем язык. Ведь возражая Г. Ломидзе, М. Заверин указывал на способность языка к изменениям, в силу чего он не может считаться «первоэлементом национальной специфики». Но ведь действительность меняется быстрее, стремительней и глубже, чем язык, способный обслуживать несколько поколений и формаций. И мы сегодня вправе говорить о советской действительности, одинаково характерной и специфичной для грузинского, русского, украинского и других народов нашей страны. Это как раз и позволяет и обязывает нас указывать и подчеркивать то общее, характерное, что сближает, объединяет и цементирует все нации Советского Союза.

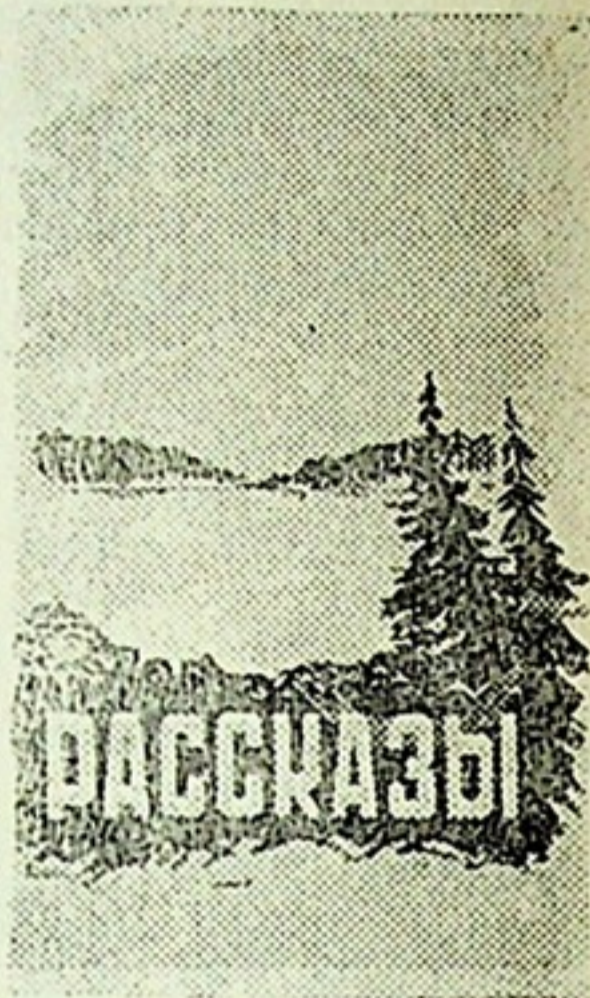
Разумеется, вопрос о национальной форме и национальной специфике — самый сложный и во многом запутанный. М. Заверину не удалось что-либо прояснить в этом вопросе. Однако это и не было его главной задачей. Пафос книги «О переводах» — в утверждении основной и главной мысли: перевод — это область большого, подлинно художественного творчества. «Перевод, — пишет М. Заверин, — не имеет ничего общего с заурядным копированием, это труд творческий, требующий не только большого знания родного языка, не только особого, острого, — шестого для переводчика чувства «угадывания», проникновения в сущность и смысл произведения чужого сердца и ума, не только отличного владения техникой поэтической речи, но и незаурядного владения формой, умения схватить ту гармонию частей и целого, без которого, немислим подлинный художник».

Критик показал свое умение ^{понять} самое главное в труде переводчика — его поэзию, его творческое начало.

Г. ВАИС.
312-31701033

ПЕРВАЯ КНИГА

Писатель подобен кузнецу. Как кузнец раскаливает железо в горне и потом куёт его, так и художник пропускает факты жизни и словесный материал через свое творческое воображение. Сравнение, казалось бы, устаревшее — руки одиночки-кузнеца давно уже заменены машинами. Но труд писателя, как бы не развивалась техника и каких бы чудес не добились наука, все равно останется тяжким трудом молотобойца.

Зоркий, талантливый, взыскательный к себе писатель терпит великие муки, прежде чем отольет художественный слиток, в котором не обнаружишь пустот и трещин. Такого писателя мы называем мастером.

Когда же нет достаточного умения (оно большей частью приходит с опытом), нет и достаточно высокой требовательности, читатель то и дело натывается на пустые страницы, лишние абзацы, немотивированные поступки героев, видит подчас, что явления жизни остались неосмысленными, не переведенными в область литературы (как часто в таких случаях начинающие авторы, отвечая на критику, говорят: «Но ведь так было в жизни...»). Бывает иначе — роман, повесть, рассказ кажутся удавшимися, но улетучиваются из памяти мгновенно, обнаруживая свою сущность — вместо цельного металла они созданы из блестящей оболочки.

Когда читаешь первую книгу писателя, не надеешься, естественно, найти все цельным, одинаково удачным. Но «оболочку» от хорошо выкованного металла отличить нетрудно. Р. Петрозашвили не грешит ловкими, рассчитанными на эффект сравнениями, не рядит своих ге-

Р. Петрозашвили. «Рассказы». Абгосиздат. Сухуми. 1959 г.

роев в пышные маскарадные костюмы, чтобы скрыть их внутреннюю пустоту, не гонится за острым сюжетом. В рассказах Петрозашвили все просто, без словесных или сюжетных побрякушек.

Давайте же проверим цельность мегалла в нашей лаборатории, посмотрим, как он выдержит испытание на прочность, нет ли в нем трещин и пустот.

«Последний лосось», «Василек», «Дед Андрей», «На привале» — всего девять рассказов в книге. О чем они? Возьмем хотя бы замыкающий книгу «Необыкновенный урок...»

...Мальчики Мкан и Камуг разговаривают на последнем уроке. Учитель сердится на них... На другой день они встречаются у реки. Ребята хотят глушить рыбу. Преподаватель ловит их на месте преступления... Затем он рассказывает о ловле рыбы удочкой (ее любили и Ленин, и Горький, и Аксаков, и Чехов, и Гайдар). Мальчики решают организовать пионерское шефство над речкой и окрестными лесами. Учитель показывает, как ловить рыбу на удочку «с конической леской». Мкан и Камуг выучились не сразу, «дело это оказалось вовсе нелегким» (автору на это обучение понадобилось две страницы текста). Ребята вытягивают по головлю. И «глядя на счастливых ребят, Василий Николаевич думал о том, что сегодня он дал самый приятный урок за всю свою многолетнюю учительскую практику». Вот и все.

Казалось бы, не стоило так подробно останавливаться на рассказе. Но я задержался на нем намеренно, чтобы вспомнить об одном весьма важном писательском правиле: пиши только о том, что само выплескивается из тебя, о том, что ты обязательно должен, обязан сказать людям.

В первой книге Петрозашвили есть и другие неудавшиеся рассказы — фельетонный рассказ «Улитка» и поверхностный, примитивный, старый по плакатным приемам, хотя внешне он носит приметы современности, рассказ «Всякому свое».

Продолжаю перелистывать книгу...

Рассказ, названный кратко и безыскусственно «Василек». Читаю его и, увлеченный правдой искусства, с интересом слежу за теми простыми событиями, которые происходят в небольшом селе.

...Чабан Василек не был глухонемым от рождения. Во время войны взрыв бомбы лишил слуха и отнял речь у пятилетнего ребенка. Вырос он здоровенным, красивым парнем, тихим и незлобивым. В деревне его считают дурачком, называют «Чокнутым». Он и кажется дурач-

ком, этот покорный, на вид запуганный, парень. Но вот к нему приходит любовь. и «Чокнутый» неузнаваемо меняется. Защитив любимую девушку, он словно сбрасывает с себя эту обидную кличку. Рассказ о любви Василька и хорошей милой девушки Лены волнует по-настоящему. Тут все удалось — и люди, живые, цельные, и пейзаж, и повествование, которое льется плавно и просто. Даже встречающееся порой многословие не замечается, не раздражает. Такой рассказ, бесспорно, результат больших раздумий писателя. И читателя он волнует.

Подобно «Васильку», появились, очевидно, на свет и другие, возможно, менее значительные, менее глубокие, но такие же теплые, согретые любовным отношением автора к людям рассказы, как «Последний лосось» и «Дед Андрей». Особенно хорош «Дед Андрей». При всей своей внешней незамысловатости рассказ заставляет задуматься об «изменениях быстротекущей жизни».

Во всех рассказах Р. Петрозашвили есть сторона, всегда одинаково ровная и сильная. Это природа, которую автор любит по-настоящему, глубокой всеобъемлющей любовью. В писателе нетрудно угадать человека, немало побродившего по лесам и горам, проведенного не одну бессонную ночь в рыбацкой байде, видевшего, как «по черному пологу неба часто чиркает, оставляя голубой огнистый след, августовский звездопад», как стреляет, сгорая, сосновое поленце, и «после каждого такого выстрела над костром испуганно взлетает рой золотых мух».

Но, умея выпукло вылепить характер, точно передать краски заката над морем, Р. Петрозашвили подчас словно не доверяет читателю. Мы уже угадали человека, увидели картину, ощутили запах полевого цветка, а писатель все не останавливается и продолжает объяснять и растолковывать то, что нами уже воспринято.

В таких случаях писателю советуют завести себе «литературного врага» — критика или редактора, который сурово, придирчиво и беспощадно будет вычеркивать из авторского текста все лишнее. Еще лучше, если писатель научится делать это сам.

Первая книга Р. Петрозашвили — хорошее начало. Хотелось бы помимо всего сказанного, посоветовать ему быть еще более внимательным к явлениям современной жизни и, переводя их в область литературы, создавать больше рассказов именно о той земле, на которой он живет и трудится.

М. ЛОХВИЦКИЙ.

Подписано в печати 4 апреля 1961 г. 6 печ. листов + 1 вкл.

Формат бумаги 70×103¹/₁₆.

Заказ № 281

Тираж 2.500

УД 04813

Цена 40 коп.

ჟურნალი „ლიტერატურნია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ზარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

Цена 40 к.

6.90 | 115

